

Министерство регионального развития РФ

Государственное унитарное предприятие
Краснодарского края «Карьера»

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Учебно-методическое пособие
(для студентов высших учебных заведений)

Учебно-методическое пособие рекомендовано
Министерством регионального развития РФ
для использования в учебном процессе в образовательных
учреждениях высшего и дополнительного
профессионального образования

«Просвещение-Юг»

Краснодар, 2009

УДК 37.015.3(075.8)
ББК 74.200.50:88.37.173
Т 52

Пособие создано при финансовой поддержке
Министерства регионального развития РФ

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор,
Бедерханова Вера Петровна
кандидат социологических наук, доцент
Лебедев Сергей Дмитриевич

Редакторы:

Журавлева Е.А., кандидат психологических наук, доцент;
Шалин В.В., доктор философских наук, профессор.

Авторский коллектив:

Акулова А. А. (3.4; 5.1; 6.3; 12.1); Буянов Н. Н. (7.1; 7.2); Вартаньян Э. Г. (2.1; 2.2); Демин А. Н. (введение к 2 части; 9.1); Донцова М. В. (10.1; 10.2; 10.3); Минц С. С. (1.2); Жихарев С. Г. (9.1; 9.2; 12.1); Журавлева Е. А. (введение к 1 части; 3.2; 3.3; 3.4); Кольба А. И. (5.1; 5.2; 8.1; 8.2); Маркова-Мурашова С. А. (4.1); Михайленко Н. М. (4.2); Морозова Е. В. (8.3); Петров В. Н. (10.1; 10.2; 10.3); Прокофьев С. Я. (3.1; 3.2); Рябикина З. И. (6.4; 11.2); Танасов Г. Г. (1.1; 6.4; 11.1; 11.2); Шалин В. В. (6.1; 6.2); Шахбазян М. А. (12.2).

Т 52 Толерантность и культура межнационального общения:

Учебно-методическое пособие (для студентов высших учебных заведений). – Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. – 307 с. 1000 экз. ISBN 978-5-93491-267-4

На основе обширного исторического и современного материала рассматриваются вопросы толерантности и культуры межнационального общения, раскрываются основные понятия и категории, затрагиваются многие актуальные вопросы и проблемы межнационального взаимодействия, приводятся данные социологических и психологических прикладных исследований.

Для студентов вузов, аспирантов и преподавателей, специалистов в области социологии, политологии, психологии, истории, культурологии, педагогики и др.

ISBN 978-5-93491-267-4

© ГУП КК «Карьера», 2009
© Министерство регионального развития
Российской Федерации, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Введение	9
-----------------------	---

Глава 1. Основы национальной культуры	11
--	----

1.1. Национальное, конфессиональное и культурное многообразие мира и России	11
--	----

1.2. Национальная идентичность как этнокультурный потенциал	18
--	----

Глава 2. Толерантность и культура межнационального общения в исторической ретроспективе	27
--	----

2.1. Мировая история в свете межнациональных отношений	27
---	----

2.2. Исторический опыт общения народов России	38
---	----

Глава 3. Культура межнационального общения и современность	49
---	----

3.1. Межнациональное общение как социальная потребность многонационального общества	49
--	----

3.2. Культура межнационального общения: формы, структура, содержание	54
---	----

3.3. Язык как элемент культуры и средство межнационального общения	64
---	----

3.4. Межкультурный диалог как фактор развития единого гуманитарного пространства	71
---	----

Глава 4. Правовая культура в контексте межнационального взаимодействия	77
---	----

4.1. Правовая система как часть национальной культуры	77
---	----

4.2. Взаимодействие обычного права и морали (на примере народов Северного Кавказа)	88
---	----

Глава 5. Конфликты как форма межнациональных отношений	97
---	----

5.1. Межнациональные конфликты: природа и управление	97
---	----

5.2. Межэтнические конфликты в современной России	105
---	-----

ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Введение	115
Глава 6. Толерантность в условиях современного мира: теория и практика	117
6.1. Понятие «толерантность», терминология, семантика, категории, функции.....	117
6.2. Социальные формы становления толерантности	126
6.3. Этническая толерантность	137
6.4. Толерантность в обыденном сознании	144
Глава 7. Толерантность и религия	153
7.1. Религиозная толерантность.....	153
7.2. Религиозная нетерпимость в России: прошлое и настоящее	161
Глава 8. Толерантность в этнополитической сфере	171
8.1. Формирование толерантных установок в межэтническом взаимодействии: политический уровень	171
8.2. Концептуальные основы и политические практики распространения межэтнической толерантности	177
8.3. Политкорректность как форма проявления толерантности.....	185
Глава 9. Толерантность в контексте социально-трудовых отношений	197
9.1. Проблема толерантности в социально-трудовых отношениях	197
9.2. Трудовая миграция и толерантность	210
Глава 10. Социологический подход к исследованию толерантности	223
10.1. Толерантность с позиции теории социального действия..	223
10.2. Толерантность и другие свойства системы социального действия	231
10.3. Методологические основы измерения межэтнической толерантности	239

Глава 11. Теория и практика исследования толерантности	249
11.1. Толерантность как интегральная характеристика личности.....	249
11.2. Этническая толерантность в межличностных отношениях (по результатам экспериментальных исследований).....	257
Глава 12. Формирование толерантности, преодоление и профилактика интолерантных форм поведения	271
12.1. Интолерантные формы поведения: причины возникновения и профилактика.....	271
12.2. Толерантность и СМИ.....	279
Заключение	291
Список вопросов для зачета (экзамена).....	292
Темы курсовых (дипломных) работ.....	294
Глоссарий.....	296
Сведения об авторах.....	306

Приложения (*электронный носитель*)

1. Хрестоматия к УМП «Толерантность и культура межнационального общения»
    Часть 1. Книги, публикации, статьи
    Часть 2. Официальные документы
2. Практикум по курсу «Толерантность и культура межнационального общения»
    Часть 1. Тесты
    Часть 2. Опросники
    Часть 3. Упражнения
    Часть 4. Деловые, ситуационные, организационные игры и задания
3. Каталог электронных ресурсов по теме «Толерантность и культура межнационального общения»
4. Календарь международных событий, памятных дат и праздников

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня мы живем в мире, где интенсивно взаимодействуют различные национальные культуры, народы и религии. Этот фактор, с одной стороны, требует построения открытых отношений между людьми различных культур. С другой стороны, перед каждым народом стоит задача сохранения национальной, религиозной и культурной идентичности. Однако это желание не должно приобретать формы нетерпимости по отношению к носителям ценностей и религиозных представлений других национальных культур. Такое положение может возникнуть исключительно из-за непонимания или незнания истории, культурных традиций, религиозных учений других народов. Банальное невежество может стать причиной таких явлений, как расизм, религиозная дискриминация, агрессивный национализм и др.

Знакомство с ценностями отдельных народов и основных конфессий позволит уйти от предрассудков и стереотипов в восприятии других культур, упрочит межнациональный и межконфессиональный мир.

Если мы будем знать, чем живут и чем руководствуются в различных сферах деятельности другие народы, осознаем наличие у нас общих нравственных начал, если будем интересоваться достижениями других национальных культур, то тем самым воспитаем и в самих себе, и в последующих поколениях принципы взаимоуважения, понимания, толерантности.

Ведущая роль в формировании толерантных форм сознания и поведения личности принадлежит институтам образования, которые призваны вносить целенаправленный вклад в процесс социализации человека. Польский социолог Данута Марковская определяет межкультурное образование как «процесс, нацеленный на развитие понимания культурных различий, – начиная от субкультур в собственном обществе до культур в самых отдаленных частях планеты, – и на научение вести диалог с представителями других культур».

Настоящее учебно-методическое пособие ставит целью в определенной степени способствовать реализации этих задач на практике.

По замыслу авторов конструкция пособия предполагает как работу с ним в предлагаемой последовательности, так и варьирование порядка изучаемых тем в зависимости от учебной специализации, с акцентом на том или ином разделе.

Пособие состоит из двух частей: «Культура межнационального общения» и «Толерантность». Конечно, такое разделение является условным, так как важной составляющей культуры межнационального общения является толерантность, а сама толерантность может проявляться только во взаимодействии культур, народов и религий, а также людей, их представляющих.

В первой части пособия рассматриваются источники и история формирования культуры межнационального общения, функции, средства и способы ее выражения.

Во второй части представлены темы, раскрывающие понятие толерантности, показывающие формы ее проявления в различных сферах жизни, описывающие научные подходы к изучению данного явления, а также освещены вопросы формирования толерантности, преодоления и профилактики интолерантных форм поведения в ситуациях этноконтрастного взаимодействия.

Данное учебно-методическое пособие не имеет строгой соотнесенности с какой-либо учебной специализацией или каким-либо конкретным учебным предметом. Оно может быть рекомендовано для изучения отдельным курсом в рамках элективного или факультативного цикла, а также как дополнительный источник при изучении вопросов межнационального взаимодействия в рамках таких дисциплин, как философия, психология, социология, политология, право, педагогика, религиоведение, история, культурология, журналистика и т.д.

Авторский коллектив пособия, работая над его содержанием, осознавал трудность изложения обширнейшего материала по данной проблематике в ограниченных рамках книжного издания. Поэтому в электронной версии приложения представлены хрестоматия и каталог интернет-адресов, на которых размещены дополнительные источники информации по теме пособия. Важной составляющей электронного приложения является практикум, включающий в себя тесты, игры, упражнения и т. д. Они могут

быть использованы в учебном процессе в рамках практических занятий и тренингов как для диагностики сформированности культуры межнационального общения и свойств толерантности, так и для развития толерантных форм поведения.

Авторский коллектив выражает свою признательность официальным и неофициальным рецензентам, а также участникам апробации учебно-методического пособия за участие в работе над ним и за все критические и конструктивные замечания и предложения, которые помогли значительно его улучшить.

Авторский коллектив

Введение

Россия является полиэтничным, полирелигиозным, поликультурным обществом. Исторически сложившийся многонациональный состав населения Российской Федерации обязывает пристально изучать, сохранять и развивать все богатство и многообразие культур. Внимание к развитию культуры межнациональных отношений и гармонизации этнических взаимоотношений вызвано геополитическим положением России как многонационального государства, в котором проживают представители более ста восьмидесяти национальностей, которые имеют свою историю, обладают уникальными особенностями материальной и духовной культуры.

Одной из важнейших форм общественного развития в многонациональном обществе является культура межнационального общения.

Межнациональное общение людей реализуется на фоне роста социальной напряженности, разрушения единого культурно-просветительного пространства, экономического кризиса и политической нестабильности в обществе. Все это в свою очередь стимулирует проявление межнациональной конфликтности и приводит к осознанию необходимости культуры межнационального общения как альтернативы межнациональной конфронтации.

Проблемы межнационального межкультурного общения в настоящее время связаны с межэтническими конфликтами, потоками беженцев и вынужденных переселенцев и в значительной степени обусловлены излишне политизированным общественным сознанием. Снизить влияние данных неблагоприятных факторов можно лишь в том случае, если удастся совместить сохранение и возрождение культур народов субъектов Российской Федерации, составляющих неотъемлемую часть мировой культурной палитры. Современная практика межнационального общения требует иного сознания, создания новых правовых, нравственных и социальных норм, регулирующих отношения, в которые вступают этносы и представители разных национальностей в ходе переустройства модели и структуры общества.

Специфика культурного воспитания состоит в оказании помощи в интеграции в мир культуры. Сегодня от человека все чаще требуется проявлять динамизм, постоянное самосовершенствование.

ние, готовность к конструктивному взаимодействию (к работе в команде), способность к выбору, смелость взять ответственность на себя. А главное – это восприятие неудачи не как краха жизни, а как возможности преодоления трудностей и перспективы грядущего успеха. Пустота, которая возникает в умах и душах людей при отсутствии национальной культуры, неизбежно заполняется агрессией, нетерпимостью, социальным и политическим радикализмом.

Генеральная ассамблея ООН единодушно провозгласила период 2001–2010 годов Международным десятилетием за культуру мира и ненасилия в интересах детей планеты, а 2010 год провозгласила Международным годом сближения культур. Она рекомендовала организовать в течение этого года соответствующие мероприятия, посвященные межрелигиозному и межкультурному диалогу, взаимопониманию и сотрудничеству на благо мира, в том числе диалог на высоком уровне и неформальные интерактивные слушания совместно с гражданским обществом; рассмотреть инициативы, в которых определяются направления практических действий на всех уровнях общества с целью поощрения межрелигиозного и межкультурного диалога, терпимости, взаимопонимания и сотрудничества.

ГЛАВА 1. ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1. Национальное, конфессиональное, культурное многообразие мира

Современный мир представляет собой яркую картину, на которой можно рассмотреть разнообразную палитру цветов под названиями: народы, религии, культуры. Название этой картины – человеческий мир. Люди, его населяющие, в одно и то же время являются и гражданами конкретного государства, и жителями конкретной страны, и представителями определенной этнической общности, религиозной конфессии, политической партии, трудового коллектива и т. д.

Человечество состоит из отдельных народов, которые различаются по численности, степени консолидированности, определенности этнического самосознания, характеру расселения, культуре и т. д. Всего в мире насчитывается 3–4 тысячи народов (в зависимости от строгости условных границ их определения). По численности народы, этносы мира различны. Подавляющее большинство народов малочисленно. Только 310 народов имеют численность более 1 млн. чел., но на них приходится около 96% населения Земли. К крупнейшим по численности народам мира относятся: китайцы (хань) (1120 млн. чел.); хиндустанцы (219 млн. чел.); бенгальцы (176 млн. чел.); русские (146 млн. чел.); бразильцы (137 млн. чел.); японцы (123 млн. чел.).

По языку народы объединяют в языковые группы и языковые семьи. Всего в мире выделяется 20 языковых семей. Языковая классификация народов существенно отличается от национальной, поскольку распространение языков не совпадает с этническими границами. Например, в бывших колониях Испании, Великобритании, Франции в Африке, Азии, Латинской Америке говорят на языках метрополий.

В настоящее время в мире насчитывается более 220 суверенных государств, но лишь 20 считаются этнически гомогенными. Этнические меньшинства в таких странах составляют менее 5% населения.

Российская Федерация является одним из самых многонациональных государств. По итогам переписи 2002 года в России живут представители 182 национальностей.

Благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сформировалась российская нация – уникальное гражданское единство и культурное многообразие, духовная общность и союз различных народов. Каждый из народов, проживающих в России, является носителем уникальной материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов России на протяжении веков сложилось как этнические общности. В этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности.

Особым субъектом межэтнических отношений в современном мире являются этнические (национальные) меньшинства, которые представляют собой отдельные этнические общности, проживающие на территории инационального государства и сохраняющие свою этническую самобытность и специфические традиционные черты культуры, сознающие свои отличия и причисляющие себя к самостоятельной этнической группе.

Полиэтничность России отчетливо проявляется в языковом многообразии. Специалисты разделяют народы, живущие на территории России, по родным языкам. Определены следующие языковые семьи: индоевропейская, уральская, или уральско-юкагирская, алтайская, северокавказская, картвельская, афразийская, сино-тибетская, чукотско-камчатская, австро-азиатская, эскимосско-алеутская и гипотетическая енисейская. Кроме того, один народ – нивхи – говорит на изолированном языке. Этот язык, а также язык кетов, чукотско-камчатские и эскимосско-алеутские языки принято условно объединять в палеоазиатскую группу языков.

Самая многочисленная в России языковая семья – индоевропейская. В России представлены 8 ее ветвей: славянская, балтийская, германская, романская, греческая, армянская, иранская, индоарийская. К славянской ветви относятся русские, украинцы и русины, белорусы, образующие с русскими восточнославянскую группу, поляки, чехи и словаки, входящие в состав западнославянской группы, а также болгары и сербы, принадлежащие к южнославянской группе. В совокупности славянские народы составляют 82,5% населения страны. Самый крупный народ – русские, численность которых составляет, по данным переписи 2002 года, 115 889 тыс. чел. (79,8%). Русские образуют абсолютное большинство в 78 из 83 субъектов Российской Федерации.

Украинцы, белорусы проживают по всей территории России и не образуют компактных ареалов.

Армянская ветвь объединяет армян с близкими им по происхождению хемшилами, исповедующими, в отличие от христиан-армян, ислам.

К иранской ветви индоевропейской языковой семьи в России относятся осетины, таджики, пуштуны, персы, среднеазиатские цыгане, среднеазиатские евреи, горские евреи, таты, талыши, курды, езиды. Осетины сосредоточены преимущественно в Республике Северная Осетия – Алания. Персы живут преимущественно в Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике и Москве.

К индоарийской языковой ветви относятся цыгане (исключая среднеазиатских) и живущие в России индийцы, говорящие на языке хинди. Больше всего цыган в Ставропольском крае, Ростовской области и Краснодарском крае.

Уральско-юкагирская языковая семья представлена в России всеми тремя группами: финно-угорской, самодийской и юкагирской. Самая крупная финно-угорская ветвь объединяет проживающих преимущественно на северо-западе России, в Поволжье и Западной Сибири карел, финнов, ижорцев, воедь, эстонцев, вепсов, саамов, мордву, марийцев, удмуртов, бесермян, коми, коми-пермяков, хантов, манси, венгров. Большая часть карел живут в Республике Карелия. Наиболее значительны группы финнов в нашей стране в Республике Карелия и Ленинградской области. Самый крупный финно-угорский народ – мордва – расселен весьма дисперсно, лишь треть его общей численности сконцентрирована в Республике Мордовия. Свыше половины общего их числа живут в Республике Марий Эл. Еще один крупный финно-угорский народ – удмурты – сосредоточен в основном в Удмуртской республике. Два близких народа – коми и коми-пермяки – сконцентрированы в пределах двух субъектов Федерации – в Республике Коми и Пермском крае. Ханты и манси преимущественно расселены в пределах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Алтайская языковая семья делится на 5 ветвей: тюркскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую, корейскую, японскую. Наиболее многочисленна из названных ветвей – тюркская. Это чувашаи, татары, кряшены, нагайбаки, башкиры, казахи, каракалпаки, ногайцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы, крымские татары,

крымчаки, караимы, азербайджанцы, турки, турки-месхетинцы, гагаузы, туркмены, узбеки, уйгуры, киргизы, алтайцы, теленгиты, телеуты, тубалары, челканцы, кумандинцы, чулымцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары, сойоты, якуты, долганы. Более половины чувашей проживают в Чувашской Республике. Татары расселены по территории страны весьма дисперсно. Лишь немногим более трети их живет в Республике Татарстан. Крупный народ тюркской ветви алтайской языковой семьи – башкиры. В Республике Башкортостан живет более трех четвертей общего их числа. Хакасы расселены в основном в Республике Хакасия, где они составляют 12% населения. Якуты – один из значительных по численности тюркоязычных народов России – почти исключительно сконцентрированы в Республике Саха, где составляют около половины населения.

Монгольская ветвь алтайской языковой семьи представлена в России бурятами, калмыками и монголами. В Республике Бурятия и Агинском округе буряты составляют примерно 3/5 населения. Калмыки сосредоточены в основном в Республике Калмыкия. Монголы расселены в России дисперсно.

Третья по численности (после индоевропейской и алтайской) языковая семья – северокавказская подразделяется на две ветви: абхазско-адыгскую и нахско-дагестанскую. Абхазско-адыгская ветвь объединяет абхазов, абазин, кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугов. Абхазы живут в основном в Абхазии, в России же их немного. Четыре близкородственных народа – кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугов – иногда называют общим именем адыги. Самый крупный из них – кабардинцы – в основном проживают в Кабардино-Балкарской Республике. Говорящие на одном с кабардинцами языке черкесы живут главным образом в Карачаево-Черкесской Республике. Адыгейцы живут преимущественно в Республике Адыгея и составляют в ней 24% населения.

Вторая ветвь северокавказской языковой семьи – нахско-дагестанская – объединяет чеченцев, ингушей, аварцев, тринадцать андо-цезских народов, а также арчинцев, лакцев, даргинцев, кубачинцев, кайташев, табасаранов, лезгин, агулов, рутульцев, цахуров, удин. Самый крупный из этих народов – чеченцы, которые большей частью проживают в Чеченской Республике. Ингуши расселены главным образом в Республике Ингушетия. Наиболее заметная группа ингушей за пределами республики живет в Се-

верной Осетии – Алании. Коренные дагестанские народы сконцентрированы в основном в Республике Дагестан. Еще 6 народов расселены преимущественно в Дагестане. Это лакцы, табасараны, лезгины, агулы, рутульцы, цахуры.

В России десять народов ученые условно называют палеоазиатскими. Это, вероятно, потомки древнейшего, дотунгусского, населения Восточной Евразии. Из них только пять народов чукотско-камчатской языковой семьи говорят на родственных языках. К чукотско-камчатской семье относятся чукчи, коряки, кереки, составляющие чукотско-корякскую языковую ветвь, и ительмены с камчадалами, образующие ительменскую языковую ветвь. Самый многочисленный из них народ – чукчи, которые расселены в пределах Чукотского автономного округа. Коряки живут на территории Камчатского края, эскимосы – главным образом в Чукотском автономном округе, алеуты – в Камчатском крае, преимущественно на Командорских островах. В настоящее время алеутский язык почти исчез. Кеты, которых некоторые лингвисты относят к гипотетической енисейской языковой семье, расселены главным образом в Красноярском крае по течению реки Енисей.

Следующие языковые семьи официально имеют небольшую численность своих представителей среди народов России: картвельская (грузины и грузинские евреи), афразийская (арабы и ассирийцы), сино-тибетская (китайцы и дунганы), австроазиатская (вьетнамцы).

Россия также и поликонфессиональная страна. Однако по числу последователей превалирует одна вера – православие. После крещения Руси в 988 году христианство стало религией большинства населения государства и оказало огромное влияние на самые разные стороны жизни россиян: духовную и материальную культуру, общественный и семейный быт, правовое сознание.

Проведенное Фондом «Общественное мнение» в 2000 году социологическое обследование показало, что, несмотря на десятилетия антицерковной политики советской власти, 58% населения страны по-прежнему придерживаются православия. Странниками других направлений христианства объявили себя 2% опрошенных, ислама – 9%, других религий – 1%. Из опрошенных 30% признали себя неверующими. Если сравнить карту народов и карту религий России, то станет ясно, что на всей территории, где большинство составляет русское население,

ние, преобладает православие. Подавляющее число православных приходов, действующих в России, окормляются Русской православной церковью. Однако есть небольшое число православных приходов и общин, в разное время отколовшихся от этой церкви.

Фактически ветвью православия является старообрядчество, возникшее в середине XVII века в результате раскола, произошедшего в Русской православной церкви. Наиболее многочисленны сторонники Русской православной старообрядческой церкви, сумевшей в 1846 году создать свою собственную церковную иерархию.

В России в настоящее время живет довольно значительное число последователей Армянской апостольской церкви, называемых обычно армяно-григорианами. Большинство живущих в нашей стране армян являются армяно-григорианами.

В России получил определенное распространение католицизм. Всего в стране 240 организаций, объединяющих католиков латинского обряда. Они представлены во многих крупных городах. В последние годы также приобрела некоторое число сторонников Новоапостольская церковь.

Протестантов в России насчитывается около 1% населения. Протестантизм представлен многими своими течениями: англиканством, лютеранством, баптизмом и т. д. Одним из самых распространенных течений протестантизма является баптизм. По данным 2000 года, баптистов насчитывалось около 0,3% населения страны. Основная конфессия евангельских христиан-баптистов – Российский союз евангельских христиан. Самая распространенная из протестантских деноминаций – свидетели Иеговы. Свидетели Иеговы насчитывают 280 тысяч сторонников и представлены во всех субъектах Российской Федерации.

Последователи ислама в России уступают по численности только христианам. Всего зарегистрировано 3815 мусульманских организаций. Особенно много мусульман среди народов Северного Кавказа и Поволжья. Подавляющее большинство мусульман Российской Федерации придерживается суннитского направления ислама.

Помимо христианства и ислама в России представлена и такая мировая религия, как буддизм (зарегистрировано 200 организаций), все четыре основные школы ламаизма.

Иудаисты, подразделяющиеся на несколько течений (всего 286 организаций), сосредоточены в основном в крупных городах.

Присутствуют и адепты Международного общества сознания Кришны.

Конфуцианство исповедует часть живущих в нашей стране китайцев (Хабаровск, Благовещенск, Иркутск, Красноярск). Другая китайская религия – даосизм – приобрела сторонников среди малочисленной группы местного населения в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Корейских традиционных верований, в основе которых лежит шаманизм, придерживается часть живущих на Сахалине и в некоторых других местах корейцев (большинство российских корейцев – христиане или атеисты).

В последние годы в разных городах России появились сторонники завезенной из США Сайентологической церкви.

На севере России еще сохранились традиционные (в основном шаманские) верования, которых придерживаются большинство ненцев, нганасан, нивхов, удэгейцев, чукчей, эскимосов, часть селькупов, шорцев, долган, коряков, якутов и представители ряда других аборигенных народов.

Все народы, населяющие Россию, обладают своеобразной, отличной от других культурой, которая формировалась и развивалась на протяжении многих лет существования каждого этноса.

Термин культура включает в себя огромное множество предметов и явлений, созданных человеком и относящихся к самым различным уровням и сферам реального мира. Ни одно общество не может существовать без культуры. Без культуры люди не имели бы языка, чтобы выразить себя, не обладали бы самосознанием, вероятно, не могли бы думать и рассуждать.

Одним из главных факторов возникновения и существования национальной культуры является естественная закономерность обособления и локализации этнической общности с целью своего сохранения и развития. Также серьезное влияние оказывают природные условия, психологические, расовые, региональные и континентальные особенности.

Географическая (природная) среда выступает неизменным условием возникновения как этноса, так и его культуры. Конкретные проявления воздействия природных условий можно обнаружить в самых разных областях этнической культуры, начиная с орудий труда, предметов быта и кончая этнонимами. Климат во многом определяет особенности одежды и жилища, виды возделываемых сельскохозяйственных культур, от него зависят и

средства транспорта. Характерные особенности географической среды (климата, почвы, рельефа, флоры, фауны и т. д.) оказывают также определенное влияние на формирование духовной культуры этноса и его психический склад, что выражается в стереотипах поведения, привычках, обычаях, обрядах.

В формировании этнической культуры важную роль играет язык народа, который помогает, прежде всего, возникновению чувства групповой идентичности. Общий язык поддерживает сплоченность этнической группы. В языке находят отражение общие знания людей о традициях, сложившихся в данной культуре, в нем опосредованно материализуется историческая память этноса. И, наконец, язык как элемент культуры участвует в процессе приобретения практического опыта людьми, особенно представителями одной этнической группы.

Общеизвестно значение религии в формировании этнической культуры. Принятие другой веры существенно изменяет культурный уклад жизни.

Таким образом, специфика и многообразие этнических культур определяются самыми различными факторами, при этом значение этнических культур имеет общий характер и состоит в том, что через специфику своей культуры каждый народ может наиболее полно выразить себя, обеспечить преемственное развитие поколений и внести свой вклад в мировую культуру.

1.2. Национальная идентичность как этнокультурный потенциал

Понятие «идентичность» создавалось психологической наукой для нужд возрастной психологии личности, но сейчас находит применение практически во всех областях современной социогуманитаристики: в антропологии, психологии, истории, социологии, этнологии, искусствоведении и др.

Слово «идентичность» пришло в современный научный понятийно-терминологический аппарат из английского языка. В английском языке слово «identity» обозначает тождественность личности, глагол «to identify» – опознавание, отождествление личности. Идентичность как научный термин – это представление людей о себе и своем месте в окружающем мире.

В научный оборот понятие идентичности ввел американский психолог Эрик Эриксон (1902–1994), человек сложной судьбы. Он был незаконнорожденным сыном еврейской матери и отца-датчанина, несколько раз менял место жительства, переехав из Германии сначала в Австрию, затем в США, иудаизму предпочел христианское вероисповедание, свою творческую биографию начал художником, а всемирную известность приобрел как профессиональный психолог. Доктор психологических наук А. Толстых не случайно подчеркивает, что для Э. Эриксона проблема поиска человеком своей психосоциальной идентичности была «не только теоретической научной задачей», но и... «“задачей на смысл”, несла моменты глубоко личностные» (Толстых А.В., 1996. С. 8).

Психологи обращают внимание на сложный состав человеческой идентичности. Они характеризуют личностную идентичность как «Я-концепцию», имеющую индивидуальную природу, но социально-психологическое происхождение. Идентичность нельзя привнести в сознание человека извне. Она является внутренним состоянием его психики. Однако форма и состояние идентичности индивидуума зависят от состояния не только его психики, но и окружающего человека социума. Идентичность складывается в процессе социализации индивидуума и может изменяться в течение всей его жизни под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. На идентичность можно воздействовать при помощи ближайшего окружения, через образование, социокультурную обстановку или средства массовой информации.

Отечественные мыслители описывали признаки идентичности, изучая самосознание народа (А.И. Пыпин, М.О. Коялович) и отличительные черты народного характера (Г.Г. Шпет, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев). Современная социогуманитаристика подчеркивает, что идентичность является важной чертой самосознания не только индивидуумов, но и коллективных субъектов. Для тех и других она становится интегрирующей характеристикой.

Исследователи выделяют множество идентичностей: национальную, семейную, религиозную, профессиональную, политическую и другие. Соотношение «набора» идентичностей может быть резко различным у разных людей в зависимости от культуры, исторического и психологического развития личности, воспитания и идей, заложенных через механизмы социализации. То есть каждая личность обладает определенным «набором» иден-

тичности, это необходимое условие ее существования. Философская и культурная антропологии установили, что и социумы обладают своим особым набором идентичностей.

В последней трети XX века понятие «идентичность» активно используется для изучения этнической и национальной идентичности. Ученые связывают свой интерес к этой проблематике с так называемым «этническим парадоксом современности». Научное сообщество увидело парадокс в нелинейном развитии людских сообществ. Суть проблемы заключается в следующем. На рубеже Нового времени, в XVII–XVIII вв., в Европе и Америке начался активный процесс образования гражданских наций. Наука XIX века сделала вывод, что нации пришли на смену естественным людским союзам – семье, роду и племени. Научное мышление, оперировавшее формальной логикой и линейными представлениями о прогрессе, предположило, что нации должны окончательно заменить этнические общности. История, казалось бы, подтверждала сделанный вывод. До тех пор, пока в 1960–1970-х годах на фоне углубляющейся глобализации не стали усиливаться противоположные процессы. Целые народы стали подчеркивать уникальность своей культуры, выступать за сохранение своей самобытности. Самым тревожным симптомом стало изменение масштабов и роли межнациональных конфликтов. Межнациональные противоречия вызвали наиболее жестокие конфликты последней трети XX – начала XXI в. Ряд конфликтов до сих пор не удается остановить даже международному сообществу. Пытаясь объяснить сложившееся положение, ученые и занялись изучением комплекса проблем, в которых проблема этнической и национальной идентичности заняла одно из ведущих мест.

В отечественной науке первенствующая роль в изучении национальной идентичности принадлежит социологам и этнологам (Ю.В. Арутюняну, Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкову, З.В. Сивич и др.). Существенный вклад в разработку этой проблематики внесли Г.М. Андреева, Г.У. Солдатов, Т.Г. Стефаненко и др. Ученые подчеркивают, что этническая идентичность связана с социальной и является ее частью; компоненты идентичности могут соотноситься по-разному в зависимости от состояния социума; в устойчивости и сбалансированности идентичности играет существенную роль ее эмоционально-образная составляющая, но системообразующую функцию, стабилизирующую или дестаби-

лизирующую «Я-концепцию», выполняет гражданская идентичность.

Социологи отмечают, что преобладание этнической идентичности над другими формами идентичности связано с кризисным состоянием индивидуального и коллективного сознания. Оно требует действенных мер по стабилизации жизни социума. Нормой ученые называют позитивную этническую идентичность, в основе которой лежит толерантность по отношению к другим этническим группам (Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В. и Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 330–334). Национальная идентичность, ориентированная на гражданственность и патриотизм, способна стать источником нормализации общественной жизни и залогом ее позитивного развития.

Стараниями экспертного сообщества, состоящего в основном из этнологов, понятие национальной идентичности в 1990-х годах стало ключевым в научном обосновании национальной политики правительства Российской Федерации сначала на Северном Кавказе, а позже и в целом по стране. В настоящее время это одно из системообразующих понятий, используемых в законодательстве и в деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества.

Юридически институализация всего многообразия национальных идентичностей населения России отражена не только в Конституции Российской Федерации, но и в законе о культурных автономиях, в нормативных актах, регулирующих деятельность неправительственных организаций, которые связаны с развитием национальных культур, с изучением и пропагандой национальной истории, с поддержанием многонационального разнообразия быта людей, живущих в России. Региональные и местные администрации активно содействуют развитию таких организаций, поддерживают их инициативы и начинания как морально, так и материально. В стране активно расширяется сеть центров национальных культур. Создаются дома народного творчества, дома национальностей, дома дружбы народов. Они призваны способствовать сохранению, возрождению и развитию народных художественных промыслов и ремесел народов Российской Федерации, участвовать в развитии экономики страны и создании ее положительного международного имиджа.

Национальная идентичность может выступать двигателем развития не только культуры, но и экономики как отдельных регионов, так и страны в целом. Используя многообразие национальных особенностей нашей страны и межнациональную кооперацию, можно создавать и продвигать общероссийские и региональные этнокультурные бренды (торговые марки), развивать этнотуризм и предлагать массу этнокультурных проектов, улучшающих инновационный климат в малом и среднем бизнесе.

Развитая сеть центров национальных культур, действующих в стране, помогает активно использовать богатейший этнокультурный потенциал для создания благоприятного социокультурного климата в регионах. Проведение фольклорных праздников в рамках различных мероприятий становится хорошей традицией, придает им неповторимый колорит и принимает все более крупные масштабы. Так, в городах Кубани регулярно проводятся ярмарки, каждая из которых становится не только демонстрацией достижений сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, но и ярким фольклорным праздником. А традиционные на Кубани праздники урожая прославляют сельских тружеников, помогают поддерживать национальные культурные традиции, стимулируют деловую активность кубанцев, их трудовой энтузиазм. Поднимаясь с уровня на уровень, фольклорные праздники играют важную роль механизмов внутригруппового сплочения, объединяя отдельные районы, края и области, страну в целом.

Для России с многонациональностью и поликонфессиональностью ее населения понятие национальной идентичности очень важно. Культивируемое многообразие национальных идентичностей становится средством реализации богатейшего этнокультурного потенциала населения нашей страны. Вместе с тем повышенное внимание политиков и ученых к национальной идентичности вызывается не только потребностью активнее использовать заложенный в нашем обществе богатейший этнокультурный потенциал, но и желанием свести к минимуму деструктивные компоненты, которые содержатся в использовании этого понятия в качестве одного из мощных механизмов внутригрупповой сплоченности. Ведь именно национальные движения стали одним из внутренних составляющих процессов, которые привели к краху такую сверхдержаву, как Советский Союз. На апелляции

к компонентам национальной идентичности в течение 1990-х годов строили свою не всегда конструктивную политическую активность национальные элиты на постсоветском пространстве и внутри самой Российской Федерации. Именно национальный фактор был зачастую тем фитилем, с помощью которого разжигались конфликты: происходил передел сфер влияния между представителями малого и среднего бизнеса, закручивалась интрига во время избирательных кампаний. Последний фактор, похоже, уходит из нашей жизни. Однако нестабильная экономическая ситуация все еще создает условия для конфликтов, а любая кризисная ситуация грозит превратиться в кровавый инцидент, если в ней вдруг всплывают признаки межнациональной розни. И тогда, как в Кондопоге, для урегулирования ситуации требуется срочное вмешательство федеральных органов государственной власти, длительные усилия гражданского общества и органов местного самоуправления.

Наука XX века расширила свое представление о гражданских нациях. По сути дела она противопоставила понятие «гражданская нация» нациям моноэтническим, ядро которых составляют люди сходного этнического происхождения. Рядом с нациями, опирающимися на представления об общности происхождения своих членов, ученые поставили другой тип социополитической и социокультурной общности. В ней определяющими становятся идеи сотрудничества во имя достижения общегосударственных интересов, идеи этнической исключительности заменяются идеями толерантности и уважения к живущим совместно людям разной этнической принадлежности. Культурное многообразие является предметом гордости такой гражданской нации, осознается ею как неисчерпаемый социокультурный потенциал, направленный на укрепление государства, его внутреннего богатства и внешнеполитического авторитета.

В современном обществе основой гражданской нации становится осознание общности геополитических интересов людей, живущих в границах определенного политического или социокультурного региона. Цементирует гражданскую нацию уважение к свободе личности, демократическим ценностям и защищающему их государству. Гордость за свое государство, вера в его предназначение составляют основу патриотизма и самоуважения граждан. Ученые говорят о преобладании в обществах развитых

демократических стран гражданской религии, в которой конфессиональные различия отходят на второй план перед уважением общегосударственных ценностей и целей.

Гражданские нации стали основой государственного строительства Нового и Новейшего времени. Именно они поддерживали и обеспечивают до сих пор единство сильных многонациональных государств. Они становятся основой сплоченности молодых наций, складывающихся и пополняющихся за счет эмигрантов из разных концов света или за счет активизации внутренней мобильности населения. В.А. Тишков подчеркивает значение гражданских наций в мире, замечая: «... современные государства предпринимают усилия, направленные на формирование общегражданской идентичности и сохранение целостности нации, в том числе через политику культурного плюрализма и внутренние формы самоопределения (культурная и территориальная автономия). Вместо идеи “плавильного котла” символической формулой современных наций гораздо чаще является формула “единство в многообразии”» (Тишков В.А., 2001. С. 237).

Современное понимание гражданской нации вызывает живейший отклик населения многонациональных государств. В тех из них, где оно встречает поддержку сверху и снизу, царит гражданский мир, как, например, в Швейцарии и США. В тех странах, где в национальной идентичности начинают преобладать идеи гиперэтничности, растет социальная напряженность, как в Канаде 1980–1990-х гг. или в Бельгии последних лет.

По типу современной гражданской нации складывается менталитет европейцев, граждан нового государственного объединения – Евросоюза. Он успешно использовал опыт Советского Союза (в том числе и негативный) и предложил свои принципы объединения, не ущемляющие достоинств ни одного из вступивших в ЕС государств.

Гражданской нацией является и российская нация, складывающаяся на территории нашей многонациональной Родины. По мнению А.В. Журавского, народы России в единую гражданскую нацию объединяют общая история и историческая память, взаимно адаптированная ментальность, общее экономическое пространство, от развития которого зависит реализация социально-экономических прав и свобод каждого россиянина, взаимосвязанная культура, общий государственный язык, являющийся

языком межнационального общения, общегражданская солидарность и сходство ценностных ориентаций (Российская нация: становление и этнокультурное многообразие, 2008. С. 3).

Нацию (ни этническую, ни гражданскую) нельзя создать. Нации возникают в силу глубинных причин, имеющих объективную природу. Иное дело – осознание самого факта существования нации, определение ее природы, оформление национального менталитета. Здесь профессиональная культура, социальное конструирование могут в течение какого-то периода доминировать над процессами, идущими снизу, из глубины общественной жизни.

Российская нация – не искусственный конструкт, а социокультурная реальность. Она создается геополитическим единством интересов граждан нашей страны. Ее существование обеспечивает социокультурная практика повседневной жизни. Профессиональная культура, законотворческие инициативы «сверху» или «снизу», система образования и СМИ могут лишь ускорять или замедлять ее конституирование.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте определение понятию «идентичность». Что такое «Я-концепция» и как она трансформируется применительно к коллективным субъектам?

2. Какие формы этнической идентичности выделяют авторы монографии «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов»? Какую роль они отводят толерантности в межэтнических отношениях?

3. Как социологи и психологи определяют понятие «этническая идентичность» и его компоненты?

4. Сравните понятие «этническая идентичность» с понятием «национальная идентичность».

5. Что такое социальная и культурная дистанции? Как они влияют на формирование национальной идентичности?

6. Какую роль играет гражданская идентичность в «Я-концепции» и национальной идентичности?

7. Дайте определение понятия «гражданская нация». Какую роль играют гражданские нации в Новое и Новейшее время?

8. Как трансформируется представление о гражданских нациях в современных демократических странах?

9. Российская нация – это реалия нашей жизни или искусственное образование?

Список литературы

1. Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В. и Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
2. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
3. Идентичность и толерантность /под ред. Н. М. Лебедевой, М., 2002.
4. Козлова Н. Социально-историческая антропология. М., 1999.
5. Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997.
6. Народы России: Атлас культур и религий / ред. В. А. Тишков, А. В. Журавский, О. Е. Казьмина. М., 2008.
7. Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие. / ред. В. А. Тишков. М., 2008.
8. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений: Учеб. пособие. СПб., 1999.
9. Солдатова Г. У. Психология межнациональной напряженности. М., 2001.
10. Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России / отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 1998.
11. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность/ отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2002.
12. Степанов В. В., Тишков В. А. Этническое измерение России // Этнокультурный облик России. М., 2007.
13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000.
14. Преображенский П. Ф. Курс этнологии. М., 2007.
15. Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2001.
16. Тишков В. А. О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.
17. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
18. Этнология / под ред. Е. В. Миськовой, Н. Л. Мехедова, В. В. Пименова. М., 2006.

ГЛАВА 2. ТОЛЕРАНТНОСТЬ И КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

2.1. Мировая история в свете межнациональных отношений

Все народы отличаются друг от друга широким специфическим набором черт в зависимости от места обитания, размеров территории, величины природных ресурсов, традиций, культуры, психологии и социально-исторического опыта. Свой вклад в ход мировой истории внесли народы – основатели древних цивилизаций, создав основу для матрицы будущей человеческой культуры. Можно выделить следующие пути достижения взаимопонимания народов, государств, цивилизаций. Во-первых, диалог между ними на протяжении длительного времени, обусловленный естественным ходом развития событий, географическими или историческими причинами (подобное взаимовлияние веками осуществлялось, например, между персами и греками в античные времена, а позднее между Европой и Азией по «Великому шелковому пути» и т. д.). Во-вторых, диалог народов, культур, цивилизаций посредством переговоров их представителей. Это осознанная и целенаправленная деятельность, не обусловленная историческими или географическими факторами (одним из главных инструментов этого является дипломатия).

Обратимся к великим империям древности. Хетты и ассирийцы щедро использовали боевой и политико-административный опыт Египта. В еще большей степени усваивался западно-азиатскими народами древности торговый опыт вавилонян. Заимствование чужого опыта всегда ускоряет развитие. Причем вторичность характера эволюции отнюдь не равнозначна второстепенности. Например, многие из западно-азиатских государств древности оказались уникальными в своем роде (финикийцы, хетты и др.). Усвоение опыта других народов является не только показателем признания, но и, в известной степени, толерантного отношения к этим народам, их культуре и историческому прошлому. Ближневосточные страны в древности (и не только ближневосточные) по меньшей мере с I тысячелетия до н. э. были готовы для по-

литической интеграции, взаимодействия и взаимопроникновения достижений, опыта и культуры соседних народов. Вопрос был лишь в том, на какой этнополитической и религиозно-культурной основе такого рода интеграция окажется наиболее прочной и эффективной. Однако народы Ассирии, Вавилона, Персии были объединены в этих империях насильно, завоеватели проявляли жесткость и нетерпимость к обычаям и культуре покоренных народов. Нежелание идти на компромисс привели к внутренней неустойчивости и в конечном счете способствовали гибели этих государств.

Успех историко-преобразующей деятельности народов внутри государств, величина и значимость их вклада в общественный прогресс во многом предопределяется степенью их способности организовать функционирование и развитие своих обществ на мирных началах.

В Древнем мире идеи и культура толерантности выражались в немалой степени в терпимости к иноплеменным богам и культурам. Так, в древней Индии в «дхармах» – религиозно-философских и морально-политических установлениях «Законов Ману» – среди показателей, определяющих добродетельных правителей, называются качества, характеризующие толерантность: снисходительность, справедливость, благоразумие и т. д. Для индуистов представитель самых чуждых культов – нормальный человек, которого они уважают и готовы принять в свой мир, так как любые верования приемлемы в их религиозной системе. Индуизм – это множество культов, которые индийцы научились вписывать в свое миропонимание. Кроме индуизма в Индии имеет место буддизм, сикхизм, зороастризм, джайнизм, ислам, христианство. Пожалуй, самый сложный конфликт в Индии – между индуизмом и исламом – является порождением в первую очередь политических причин. Ни для Китая, ни для Индии немислимы религиозные войны, подобные Тридцатилетней войне в Европе, явившейся результатом разделения западного христианства на католицизм и протестантизм. В этих странах разные религиозные системы, сосуществуя вместе, создавали атмосферу терпимости.

В этико-политической доктрине древнекитайского мыслителя Конфуция идеями терпимости пронизана норма «жень» – человеколюбие (в переводе «жень» означает человеческое начало, гуманность, милосердие). Основная мысль сводится к следующе-

му рассуждению: «Чего сам не желаешь, того не делай другим». Культура толерантности китайской цивилизации проявляется в том, что на протяжении длительного периода истории в Китае сосуществовали разные философские и религиозные системы, которые организовывали общество. Даже во времена доминирования конфуцианства всегда оставалось место для даосов, и они занимали существенную нишу в жизни китайцев. Буддизм же, проникнув в Китай из Индии, на протяжении многих эпох организовывал китайскую жизнь и сосуществовал рядом с другими религиозными и философскими системами.

Культура толерантности еще ярче проявляется в Японии. Страна Восходящего Солнца никогда, за исключением последних полутора столетий, не претендовала на роль культурного, политического, военного центра и выступала как реципиент, а не как донор. Японцы всегда широко использовали достижения континентальной цивилизации, особенно китайской. В Японии мирно сосуществовали традиционная японская религия синтоизм, конфуцианство, проникшее на острова из Китая, и буддизм. Японец живет по конфуцианским нормам, в душе он синтоист. Дзен-буддизм также нормально вписывается в эту систему. Буддизм открыл Японии доступ к сокровищам мировой культуры, сыграл важную роль в развитии высокой степени рефлексии японцев (прозы, менталитета).

Противоречия между греческими полисами в VI – начале V вв. до н. э. оставались очень сильными, у них не существовало общенациональной организации, их союз представлял собой своеобразный компромисс, на который они вынуждены были пойти перед угрозой потери независимости. И хотя союз этот был временным и слабым (к нему присоединился 31 полис, а Аргос, Фессалия, Фивы остались нейтральными), он полностью оправдал себя в период греко-персидских войн (перв. пол. V в. до н. э.). Этот пример – убедительное свидетельство того, что терпимость в историческом процессе конструктивна. В то же время неспособность и нежелание пойти на заключение компромисса в более позднее время привели к полной потере независимости греческих полисов и их подчинению Македонии (338 г. до н. э.).

Подъем, расцвет и рост влияния любой цивилизации во внешнем мире, так же, как и длительность ее исторического периода существования, зависят от степени проникновения философии, идеологии,

принципов, норм и ценностей культуры мира в глубинные пласты сознания народа. Победа «культуры» войны над культурой мира, напротив, подводила государства к распаду, а порой и к исчезновению самостоятельных национальных и мировых единиц.

Варварское нашествие разрушило Римскую империю. Оно было обусловлено объективными причинами, сформировавшими у варварских народов ненависть к Риму. После падения Римской империи (конец V в. н. э.) началось строительство новой цивилизации, в процессе которого происходило заимствование элементов античности и внедрение их в новый государственный и социально-экономический порядок. Только подобный синтез элементов нового и старого разрушенного строя смог привести к созданию варварских государств. Взаимные контакты народов, цивилизаций, существенным условием которых является толерантность, обогащают каждую культуру, содействуют прогрессу человечества. Непримируемость же к иному, стремление сделать мир единообразным, униформистским – это путь к регрессу, равно как и противостояние цивилизаций.

Обратимся к истории Византийской империи ее позднего периода существования. Известно, что она раздиралась внутренними противоречиями. А в основе османского завоевания Византии, последней точкой которого явилось падение Константинополя в 1453 году, лежала не только сила османов. Османское завоевание отчасти разрешило противоречия византийского общества, ставшие неразрешимыми внутренним путем, и уничтожило эту великую империю.

Мир, основанный на принципах толерантности, это атрибут высокоморальной жизни человечества, это доброта, гуманность, уважение к другому человеку, другой стране, культуре, искренний интерес к иному, расширение собственных интеллектуальных границ и нравственных основ.

Необходимо отметить, что в западной цивилизации проблема толерантности впервые возникла именно на религиозном уровне, а религиозная терпимость положила начало всем другим свободам, которые были достигнуты в демократическом обществе.

В средние века в Европе свирепствовала инквизиция, отправлявшая на костер еретиков, «ведьм» и просто вольнодумцев. Нетерпимость была знаменем той эпохи. Поэтому сильное воздействие на устроения европейцев имели идеи Реформации (движение

против папской католической церкви) – веротерпимость и толерантность. В движении Реформации (первый этап – 1517–1555 гг.; второй – 1555–1617 гг.; третий – 1618–1648 гг.) возникает протестантское направление в христианстве со своим пересмотром фундаментальных догматов католицизма и формированием мировоззрения, отвечающего потребностям развития рациональных экономических отношений. Несомненна общность социальных корней гуманизма и бюргерской реформации, а также то, что оба этих явления были идеологическими альтернативами для переходной эпохи. Однако выдвигание гуманизмом общечеловеческих ценностей, его антиклерикализм и тенденция веротерпимости противоречили духу учений Мартина Лютера и Жана Кальвина. Идеи гуманизма не могли быть поняты глубоко религиозным бюргером и тем более темным забитым крестьянином.

Первый этап Реформации завершился Аугсбургским договором 1555 года (соглашение между германскими самодержавными монархами), в преамбуле которого говорилось: «... ради спасения немецкой нации и нашего любезного отечества от конечного разрушения и гибели признали мы за благо вступить в это соглашение» (Черняк Е.Б., 1988. С. 207). Договор провозглашал веротерпимость, которая фактически распространялась только на королей и князей. Аугсбургский договор не был подлинным примирением. Фактически только католицизм и лютеранство признавались соглашением, все остальные вероисповедания исключались из сферы его действия. Тем не менее, противоборствующие стороны пошли на компромисс, что было весьма важно для прекращения насилия.

Следующей важной вехой в движении Реформации был провозглашенный Генрихом IV Наваррским (1589–1610), умным, дальновидным политиком, возглавившим движение протестантов во Франции, Нантский эдикт 1598 года. Именно он положил конец религиозным (гугенотским) войнам и создал предпосылки для выхода Франции из векового конфликта. Нантский эдикт был первым в Западной Европе примером установления религиозной веротерпимости.

Главным плацдармом европейской Контрреформации явилась Испания при Филиппе II (1558–1598). Исследователи отметили такую особенность национального менталитета средневекового испанца, как религиозный фанатизм и крайнюю нетерпимость. Эти чувства были возвращены в период почти 700-летней борьбы

Испании с Кордовским халифатом (маврами). Короли Кастилии и Арагона принуждали к иммиграции всех, не принимающих католичество. Более того, в течение десятилетий правители Испании и Святая Церковь пестовали чувство нетерпимости не только к арабам и евреям, имевшим сильные позиции в торговле и ремесле, но и к той части арабского и еврейского населения, которое крестилось (мориски и марраны) и приняло католичество. В 1609 году специальным указом короля Испании Филиппа III мориски и марраны были изгнаны сначала из Валенсии, а через год – со всей территории Пиренейского полуострова. Испания потеряла миллион трудолюбивых жителей (Льоренте Х.А., 1999. С. 274). Этот пример – убедительное свидетельство того, что в истории политика «без ограничений» разрушительна.

Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. (третий этап Реформации) в Германии оказала большое влияние на ментальность немцев. Одна из главных задач тех, кто ее развязал, состояла не столько в том, чтобы как можно больше уничтожить населения, сколько в том, чтобы максимально устрашить оставшихся. И война привела к этой цели. По мнению историка-медиевиста Б. Ф. Поршнева, «пожалуй, никогда за всю предшествующую историю средних веков человек не был так унижен, как в эти 30 лет, в течение которых было истреблено или успело вымереть старое поколение немцев и его место заняло другое, с совершенно новой социальной психологией. От этого-то нового поколения и ведут начало некоторые национально-психологические черты, долго сопутствовавшие дальнейшей истории немцев» (Поршнева Б.Ф., 1974. С. 111).

Завершилась 30-летняя война Вестфальским мирным договором 1648 года, давшим начало политике баланса сил в системе международных отношений. Вестфальский мир, крайне компромиссный и непоследовательный, положил конец страшным религиозным войнам, явился началом европейской системы государственности, ставшей основой современной Европы. Этот мир с гораздо большей последовательностью, чем Аугсбургский, провозгласил веротерпимость в отношениях между европейскими государствами с разными религиозными идеологиями. Вестфальский мир был первым примером проявления толерантности на государственном уровне. После Вестфальского договора происходит становление, хотя и очень мучительное и долгое, наций-государств в Европе.

Таким образом, качественным скачком в развитии идей культуры толерантности стали пересмотр европейского опыта религиозных войн и признание конфессионального плюрализма, на который оказали положительное влияние вердикты о веротерпимости, следовавшие Аугсбургскому религиозному миру (1555 г.), Нантскому эдикту (1598 г.) и Вестфальскому договору (1648 г.). Стали постепенно снижаться и смягчаться гонения по религиозным мотивам. Как только отказались от принципа осенения власти единой верой, стало возможным жить рядом людям разных вероисповеданий. Таким образом, компромисс католиков с протестантами в 1648 году явился первым практическим опытом толерантности в Европе, давшим толчок развитию либерализма в Новое время.

В 1685 году во Франции Людовик XIV (1638–1715) отменил Нантский эдикт о равноправии вер, и началось жесточайшее обращение в католицизм гугенотов (приверженцы кальвинизма во Франции), вызвавшее в последующие годы их массивную эмиграцию из страны.

Однако были в средневековой Европе и островки толерантности – Пруссия и Нидерланды. В связи с преследованиями протестантов курфюрст Пруссии Фридрих Вильгельм Великий приютил десятки тысяч гугенотов из Франции. Французы сделали немало для расцвета сельского хозяйства и ремесел Пруссии. Причем гугеноты и их потомки говорили на французском языке и отказались от него только в начале XIX века, когда Пруссию оккупировали войска Наполеона Бонапарта.

В эпоху Возрождения идеи толерантности были связаны с восстановлением прав и достоинства человеческой личности, переходом от теоцентризма к антропоцентризму. Европейцы в этот период вернули античное наследие и стали спокойнее относиться к пантеону греческих и римских богов. Эпоха Ренессанса подорвала христианскую нетерпимость и жестокость. Проводятся диспуты, дискуссии на разные темы. Складывается новое мировоззрение, основанное на гуманизме. Гуманисты резко противостояли традиционной средневековой идеологии, отрицая необходимость полного подчинения души и разума религии.

События Нидерландской революции (1572–1579 гг.) во многом были обусловлены отсутствием религиозной толерантности в католическом мире. Нетерпимость стала одной из основных при-

чин не только революции, но и распада Испанской империи. Особенностью общественного мышления в Нидерландах и Англии во времена позднего Средневековья было осознание уникальности каждого человека, ценности человеческой жизни, его свободы.

На протяжении Нового времени идея толерантности медленно, но неуклонно проникала в сознание народов, становилась важным элементом их культуры. Но только в течение нескольких последних десятилетий эпохи она превращается в доминирующую тенденцию.

Важным шагом в истории становления культуры толерантности в Европе явился кромвелевский период XVII века в Англии. В непримиримую борьбу здесь вступили англиканство во главе с Карлом I и пуританизм (пуритане ратовали за «очищение» англиканской церкви, ее культа от пережитков католицизма). Карл I не проявлял готовности реставрировать католицизм, но опирался в своей борьбе на католические страны. Против них выступила другая группировка – индипенденты (левое направление в английском пуританстве), которые составляли армию Оливера Кромвеля (1599–1658). В то время среди различных пуританских сект, входивших в армию О. Кромвеля, только индипенденты и левеллеры (радикальная политическая партия в период английской буржуазной революции XVII в.) были заинтересованы в свободе и терпимости. Согласно их взглядам, ни одно убеждение не может быть настолько непогрешимым, чтобы ему в жертву можно было принести другие убеждения, существующие в сообществе.

В целом терпимость была установлена как в Англии, так и в Америке не столько в качестве идеального принципа, сколько по необходимости – когда было разрушено монолитное единство общества. Оказалось, что в обществе будет больше мира, если не пытаться навязывать ему сверху религиозное единство.

Эпоха Просвещения XVIII века, которую часто наделяют духом толерантности, породила очень опасный якобинский фанатизм рационалистического типа. Единственным видным представителем толерантности в ту эпоху был Вольтер (1694–1778). Взгляды Вольтера сформировались под влиянием событий английской истории XVII века, где в условиях религиозного плюрализма и терпимости был достигнут гражданский мир.

Важная просвещенческая идея толерантности, первоначально развитая Джоном Локком (1632–1704), стремящимся найти концептуальные основания для установления мира в раздирае-

мой религиозными конфликтами Европе, в течение XIX–XX веков получает все более и более широкое применение. Идея толерантности присутствует в обсуждениях расовых, этнических, сексуальных проблем, культурных и социальных отличий.

Своеобразие нарождающейся американской цивилизации в период Нового времени заключается в том, что, получив от Британии базу культурного развития, Америка испытала мощное воздействие местных обстоятельств: внушительное число трактатов на библейские темы имело несомненное продолжение в книгах об индейцах, о ведении боевых действий, кораблекрушениях. Центром терпимости к различным верованиям и культурам была в XVII–XVIII веках Филадельфия. Благодаря просветителям Коттону Мезеру и Джонатану Эдвардсу Америка утвердила себя в авангарде великого века Просвещения. К. Мезер способствовал установлению нормальных и регулярных отношений с индейскими племенами, т. е. учил американцев терпимости к местному населению. И даже начав одновременно с Европой «охоту на ведьм», Америка не знала чудовищного всплеска фанатизма, переключив обсуждение безграничного спектра вопросов от теологических до сугубо практических на всех прихожан. Судьи Новой Англии быстро остановили поток приговоров и обвинений, найдя в себе смелость оправдать абсолютное большинство заподозренных, тем самым заложив основы толерантности. Век Просвещения поднял окраину мира до уровня передовых идей самых развитых стран Европы. Важной вехой в истории США является движение аболиционистов, которое завершилось Гражданской войной 1860-х годов и отменой рабства. США превращаются в большое демократическое государство, в умах американцев формируется новый культурный и политический миропорядок. Теология ушла в историческое прошлое, а лютеране, кальвинисты, пуритане, англиканцы – все «освободили» мысль для веры в прогресс общества, в равенство людей и терпимое отношение друг к другу.

Взаимные контакты стран, народов, цивилизаций, существенным условием которых является толерантность, обогащают каждую культуру, содействуют прогрессу человечества.

Обращение к истории Японии XVI–XVII веков обнаруживает там интересный феномен – «христианский век», охватывающий период с 1542 по 1638 год. Это время первых контактов европей-

цев с японцами может служить прекрасной иллюстрацией процесса соприкосновения и взаимодействия до тех пор независимо развивавшихся народов. Швейцарский писатель Нерман Хессе по вопросу взаимодействия и терпимого отношения между народами отмечал: «Будь ты и впрямь европейцем, а я китайцем, говори мы на разных языках, мы и тогда, при наличии доброй воли, могли бы очень многое поведать друг другу и сверх того, очень многое угадав, и почувствовать» (Скворцова Е.Л., 1985. С. 118).

Другой пример – Индия, страна высокой этнической и языковой пестроты. В колониальный период (с середины XVIII века начался процесс закабаления Индии Великобританией) английский язык явился интегрирующим фактором и в известной мере объединил индийцев. Несмотря на то, что английский был языком колонизаторов, один из лидеров Индийского национального конгресса и первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру писал по-английски и, более того, воспевал английский язык. Впрочем, на английском языке говорила почти вся национальная элита Индии. Через Калькутту (в колониальный период столица британской Индии) в Индию проникали не только жесткие колониальные порядки, но и европейская культура. Индийская интеллигенция жадно знакомилась с передовой западной литературой, осваивала английский язык и через английскую литературу учила народ бороться с неравенством.

Османская империя в начале XVIII века в условиях внутреннего кризиса стала проявлять готовность к контактам с европейскими странами. До XVIII века эти отношения имели форму военной конфронтации, что препятствовало установлению мирных связей с Европой. Взаимоотношения османской Турции с Францией в начале XVIII века (первое османское посольство во Францию датируется 1720 г.) считаются «первым окном, открывшимся на Запад» (Вартаньян Э.Г., 2007. С. 191). И этот период обозначен в истории как начало европеизации или вестернизации империи. Интересен тот факт, что при всех попытках проявления толерантности по отношению к великим державам Запада и европейцам, посещавшим территорию Турции в период Нового времени, Порты (название османского правительства) была нетерпима к покоренным народам империи. Жесткость по отношению к нетурецким народам, нежелание османского правительства идти на компромисс с ними, вызывали рост национально-освободитель-

ных движений, войн и привели к возникновению в международных отношениях так называемого Восточного вопроса (проблема возникла в период, когда османское правительство начало утрачивать самостоятельность в решении внутригосударственных проблем и конфликтов). Во взаимоотношениях с покоренными народами, таким образом, в Османской империи «культура» войны побеждает культуру мира, в силу чего это огромное государство начало распадаться (окончательный распад в 1918 г., к концу Первой мировой войны).

Индонезия, многонациональная и многоконфессиональная страна, в постколониальный период выбрала своим девизом «Единство в многообразии», провозглашая таким образом веротерпимость и толерантность в отношениях между народами этого огромного архипелага.

Реальность сегодняшнего времени такова, что миграция становится одним из символов и одновременно пружиной глобального развития. Миграцию надо воспринимать как неизбежный элемент развития настоящего и будущего, а потому – научиться ею управлять и воспринимать адекватно, относиться к проблеме с позиций толерантности. И это требование времени адресовано не только правительствам, но и простым людям, которые, живя бок о бок с представителями других рас, народов, должны не делить людей на «своих» и «чужих», а взаимно обогащать друг друга достижениями культуры и историческим опытом. Этническая толерантность отражает уровень культуры и зрелости межнационального общения.

На рубеже тысячелетий человечество оказалось перед необходимостью решения самой крупной исторической задачи – перехода от индустриального типа цивилизации к принципиально иному – постиндустриальному, гуманно-ориентированному типу цивилизации. Такая необходимость диктуется, наряду с другими, таким глобальным явлением, как усиление культурно-цивилизационного и этноконфессионального многообразия мира (быстрый рост населения планеты, количества государств, масштабов полиэтничности мира, числа верующих, миграционных потоков и т. д.). А это выводит проблему взаимоотношений людей, народов и цивилизаций на новый уровень сложности, требует усиления и увеличения культурного слоя толерантности, ее превращения в доминанту нового века, общую тенденцию мирового исторического процесса.

2.2. Исторический опыт общения народов России

У каждого народа есть своя историческая миссия, своя роль в общемировой истории. Каждый оставляет свой след на пути эволюции человечества. Сплетение и взаимное дополнение уникальности, яркости и ценности разных народов обеспечивают их творческая сила и долговременность истории человечества.

К числу уникальных евразийских стран относится Россия. Более тысячи лет наша страна существует как многонациональное государство, которое формировалось за счет присоединения многочисленных территорий с различными социально-политическими и природно-климатическими условиями, этнической и этноконфессиональной спецификой. За многовековой период совместного существования разные народы России адаптировались друг к другу, но не настолько, чтобы утратить свою самобытность. Этническая разноликость особенно рельефно проявляется на крутых поворотах истории, когда обостряются старые противоречия, возникают новые. Лишь уважение прав личности, равноправие, понимание, терпимое отношение народов друг к другу могут сгладить острые углы, снять напряжение в обществе и обеспечить его стабильное существование.

Россия обладает большим опытом межнационального общения, и это связано с ее историей. Еще в эпоху расселения славянских племен на территории Восточной Европы их поселения соседствовали с финно-угорскими и балтскими. Подобное сосуществование в целом не приводило к каким-либо значимым столкновениям и конфликтам. Терпимость к соседям, ведущим несколько иной образ жизни, закладывала основы национальной толерантности, присущей до известного момента будущей российской государственности. Можно констатировать, что, во-первых, русское общество формировалось из финно-угров, восточных славян, тюрков и других народов, и включало в себя представителей многообразных групп: литовцев, украинцев, армян, грузин, немцев и других. Во-вторых, российская элита всегда формировалась из представителей различных этнических и религиозных групп.

Проявление толерантности во взаимоотношениях варягов и местного населения помогло создать мощное древнерусское государство. Об этом свидетельствуют археологические находки, принадлежащие славяно-скандинавским и финно-угорским народам в районах раскопок Новгорода и Ладоги.

История демонстрирует немало примеров жестокости и нетерпимости, которые подтверждают необходимость избегать подобных методов решения конфликтов. Известно событие 945 года, связанное с гибелью князя Игоря, когда при сборе с подвластных земель традиционной дани (полюдье) он потребовал значительного повышения ее размера. Жестокая смерть князя и не менее изощренная месть княгини Ольги – яркая иллюстрация кровной мести, свойственной родовому строю и обычному праву. Мудрость княгини Ольги проявилась в том, что она сделала для себя выводы и отказалась (хотя бы частично) от практики полюдья, введя сроки и определенные места для сбора дани (погосты) и установив размеры дани (уроки). Это привело к созданию более устойчивой системы взаимоотношений княжеской власти с крестьянами-общинниками и племенной верхушкой.

Ориентация на сохранение мира, достижение согласия, стабильности внутри своей страны (внутренний диалог) и постоянное расширение контактов и связей с внешним миром (внешний диалог) – вот главное условие процветания государства, усиления его мощи, обеспечения безопасности и укрепления позиций на международной арене.

В период монгольского нашествия и жесткой системы управления баскаков (осуществляли контроль за местными властями и сбором дани) Русь сохранила себя как государство во многом благодаря взвешенной политике, проводимой русскими князьями в отношении завоевателей. В отличие от стран Средней Азии, Прикаспия и Северного Причерноморья монголы отказались от прямого включения русских земель в состав Золотой Орды и создания на них своей постоянно действующей администрации. Кроме того, монголы старались открыто не посягать на духовный образ жизни русских людей и, прежде всего, на православную веру, хотя и разрушали церкви. В какой-то мере они были толерантны к любому вероисповеданию и у себя в Золотой Орде не мешали отправлению разных религиозных обрядов. Русское духовенство ордынцы не без основания нередко считали своим союзником. Во-первых, русская церковь боролась против влияния католичества, а Папа Римский был врагом Золотой Орды. Во-вторых, церковь на Руси в начальный период поддерживала князей, выступавших за сосуществование с Ордой. В свою очередь, ордынцы освобождали русское духовенство от дани и снабжали служителей церкви охранными грамотами на церковное имущество. Позже церковь сыграла значительную роль в сплочении всего русского народа для борьбы за независимость.

Этнического антагонизма между русскими и ордынцами не было. В XV веке на службу в Москву активно поехали татарские мурзы. Смешанные русско-татарские браки усилили внедрение многих обычаев Востока в повседневную жизнь русского населения. Монголы пришли в Европу уже обогащенные хорошим знакомством с традициями и культурой Китая (с 1271 по 1367 год в Китае правила монгольская династия Юань). Более того, китайцы составляли значительный процент чиновников гражданской администрации в Золотой Орде. В политической идеологии и культуре ханского двора в Орде тоже было немало китайского. А с китайской системой власти были знакомы уйгуры, кидани и др. Ордынские, а затем и казанские аристократы, переходившие в XV–XVI вв. на службу Москве, приносили с собой уже черты социальной престижности не столько монголо-китайской, сколько мусульманской культуры (в середине XIV в. Золотая Орда приняла ислам). Это еще один урок, свидетельствующий о том, что компромисс, взаимное согласие – неизбежный, непрерывный и постоянно воспроизводимый продукт исторического творчества людей, народов и цивилизаций. Толерантность в данном контексте означает способность принять иные ценности и нормы, не отказываясь от своих, а лишь структурно встраивая те в собственную культуру, расширяя ее потенциал.

Можно говорить о границах, за которыми политика компромиссов и терпимости переходила в разряд предательства национальных интересов и конформизм. Но в данном случае сохранение добрых отношений с монголами было (осознанно или бессознательно) объективно направлено на благо русского народа. Толерантная политика привела к сохранению русских земель, их населения. Конечно же, стоит отметить и тот факт, что в этот исторический период происходило взаимообогащение двух резко различных культур.

После покорения Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) при Иване Грозном, как позже и Крымского ханства (1783 г.) при Екатерине II, татары, занимавшиеся торговлей и иной мирной деятельностью, активно интегрировались в хозяйственную жизнь русских городов. В самом Казанском ханстве были сильные промосковские группы, боровшиеся против групп протурецкой ориентации. После присоединения Казани, Астрахани, Крыма татарская феодальная знать получила те же права, что и российское дворянство. Некоторые из них стали основателями известных российских аристократических родов. На татарское крестьянство

не было распространено крепостное право, закрепленное в России в 1597 году отменой Борисом Годуновым так называемого Юрьева дня. Кстати, Борис Годунов вел свое происхождение от рода татарского мурзы, выехавшего около 1330 года на службу в Москву из Золотой Орды (Авксентьев А.В., Шаповалов В.А., 1994. С. 17).

С присоединением к России Казанского ханства его полиэтничное население вошло в орбиту общероссийской экономики, в которой татары и другие народы Поволжья заняли видное место. Волга превратилась в важную транспортную артерию межнациональных и межгосударственных контактов, в регион толерантно-го отношения народов друг к другу.

В состав Российского государства вошли и другие народы Поволжья, а также Севера. Уже во второй половине XV века в России жили мордва, чуваша, марийцы, башкиры, коми, удмурты, ненцы, ханты, манси и др. Эти народы относились к разным языковым группам, исповедовали разные религии. Входили они в состав России довольно спокойно, вовлекаясь в экономику большого государства, но сохраняя территорию расселения своего этноса, свой традиционный образ жизни, который русские власти не стремились изменить.

Если с середины XVI века открылся почти беспрепятственный путь расширения российских границ на восток и в состав Российского государства входили все новые этносы, то на западных и южных рубежах Руси обстановка была намного сложнее. Между южными границами Руси и Крымским ханством лежало так называемое Дикое Поле. Это была огромная малонаселенная территория между Доном и левыми притоками Десны и Днепра. На западной границе Дикого Поля большую роль играла Запорожская Сечь. Эта уникальная социально-политическая и военная организация возникла за днепровскими порогами. Отдельные казачьи поселения появились здесь еще в XV веке. Но постоянные набеги крымских татар и притеснения польских феодалов (Правобережная Украина входила в состав Речи Посполитой) заставили вольных поселенцев защищать свободу с оружием в руках. Так сформировались объединения казаков (Сечи). В начале XVI века они соединились в Запорожскую Сечь, ставшую своеобразной республикой, в которой все официальные должности были выборными. Запорожская Сечь была щитом на пути набегов крымских татар в центральные районы Руси и просуществовала три столетия. Царское правительство стремилось использовать

казаков для охраны границ, в войнах и т. д. В 1775 году по приказу Екатерины II казачьи укрепления были разрушены, а запорожское войско распущено. Часть запорожцев была поселена в пограничных районах на Южном Буге. В 1787 году из них было организовано Черноморское казачье войско, которое в 1792–1793 гг. было переведено на Кубань. Оно дало начало кубанскому казачеству. Казачество стало интегрироваться в российское общество и его военную систему, было превращено в привилегированное военное сословие в царской России, в опору самодержавия. К началу XX века существовало 11 казачьих войск.

После присоединения Крыма к России население полуострова быстро интегрировалось в экономическую и культурную жизнь России. Крымские татары создали свою культуру, отличающуюся от культуры родственных им казанских и астраханских татар. Бахчисарай, бывшая столица ханства, в XIX веке стал известным центром крымско-татарской культуры, идей либеральной модернизации ислама и приспособления его к развивающимся капиталистическим отношениям.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда россияне переполняли гордость и радость по поводу их братской помощи болгарскому народу, освободившемуся от османского гнета, прозвучали знаменитые слова Ф.М. Достоевского об отзывчивости русских как характерной черте их духовного склада, их умения понимать и принимать все другие народы.

Поле исторической деятельности русских изначально – многонациональная среда, мозаичная с точки зрения цивилизационных характеристик. Сама историческая ситуация сделала их открытыми для контактов с другими народами, терпимыми к любой этнонациональной среде, формировала соответствующую ментальность (Советский Союз в значительной степени разрушил этот имперский замысел, расчленив государство по этническому признаку. И хотя в СССР предпочитали давать привилегии национальным меньшинствам, создавая национальную школу и т. д., они воспитали европейскую ориентацию на этноцентризм, этногосударственность. Одним из результатов этого стал распад СССР).

В начале XVII века русские землепроходцы двинулись на восток. Они заложили Томск, Енисейск, Якутск, Красноярск, Иркутск, достигли Охотского моря, прошли по среднему течению Амура. Единственными крупными народами, с которыми пришлось столкнуться землепроходцам в Восточной Сибири, были буряты и якуты. С переходом в российское подданство образ жизни народов

Сибири не изменился. Ставшее селиться здесь русское население дружелюбно относилось к аборигенам, последние отвечали им тем же. Никаких попыток ассимиляции не предпринималось. Более того, большинство русских людей, живших на огромных территориях Якутии, довольно быстро освоили якутский язык.

Рассматривая процессы колонизации восточных окраин Руси в XVI–XVII вв., следует назвать отношения вновь пришедшего русского населения толерантными. Их характер способствовал передаче друг другу навыков ведения хозяйства. Так, в Поволжье это выразилось в распространении культуры земледелия среди чувашей и мордвы. Русские же перенимали местные приемы охоты и бортничества.

Русские люди обнаружили способность интегрироваться в жизнь местного общества, с уважением относились к обычаям и традициям коренного населения, заимствовали их хозяйственный опыт, адаптируясь к местным условиям. Так было и в Средней Азии, и в Закавказье.

Влияние идей западного либерализма на Екатерину II сказалось на смягчении характера управления Российской империей и этноконфессиональной политики русского самодержавия внутри страны, что выразилось и в выпуске эдикта, связанного с терпимостью всех вероисповеданий.

Исторически сложилось так, что большая часть неславянских народов попадала в разряд государственных крестьян и городских податных сословий купцов и мещан. Эти слои населения находились в более выгодных условиях, так как обладали личными правами и относительной хозяйственной самостоятельностью. А некоторые народы, например, башкиры, калмыки, до середины 1830-х годов почти не несли никаких повинностей, либо в значительно меньшем объеме, чем русское население.

Когда в конце XVIII века Грузия была принята под покровительство России (по просьбе картлийско-кахетинского царя Георгия XII), русским пришлось прокладывать коммуникации в сложных горных условиях: Военно-Грузинскую, Военно-Осетинскую и Военно-Сухумскую дороги. России на их строительство и поддержание в годном для эксплуатации порядке требовались огромные людские и материальные ресурсы. Грузинское дворянство быстро интегрировалось в аристократический слой России. А основная масса населения стала жить более спокойной жизнью, не опасаясь набегов со стороны Ирана и Турции, его безопасность охраняли российские войска.

В российском дворянстве сильным был тюркский, особенно татарский компонент. Дворяне армянского, грузинского, абхазского, азербайджанского происхождения имели те же права, что и этнические русские.

Немало армян пошли служить в русскую армию. Из их среды в XIX веке выдвинулись генералы В.О. Бебутов, В.Г. Мадатов, И.Д. Лазарев, А.А. Тер-Гукасов, Б.М. Шелковников, М.Т. Лорис-Меликов (последний занимал ряд важных постов в Российской империи, в том числе должность министра внутренних дел и шефа жандармов при Александре II) и др.

Важнейшим социальным институтом каждого государства, его неотъемлемым элементом являются вооруженные силы. В истории российских вооруженных сил даже в допетровские времена не было ограничений для занятия офицерских должностей по этническому признаку. В офицерском корпусе России не имело принципиального значения этническое происхождение его состава. Особым родом войск было казачество, но в составе его офицерского корпуса было немало «инородцев», особенно кавказцев – армян, осетин, адыгов, кабардинцев и др. Все они, независимо от этнической принадлежности, считали себя русскими офицерами и гордились этим званием, которое пользовалось большим уважением в народе. Иноверие не было препятствием для занятия офицерских должностей вплоть до генеральских.

С закреплением и утверждением России на Тереке и в процессе интенсивного развития с середины XVI века отношений между Россией и горскими народами, представители дагестанской, кумыкской, карачаевской и балкарской знати стали поступать на службу в русские воинские формирования и принимали участие в становлении и укреплении многонациональной российской государственности. Некоторые из них получили признание и благодаря своей ратной службе дослужились до высоких воинских и гражданских чинов. Сохранились сведения об офицерах и генералах чеченского происхождения, служивших в российской армии в XIX – начале XX века и награжденных российскими наградами.

К концу 1902 года из 1386 генералов русской армии 1183 (85,4%) были православными, 144 (10,4%) – лютеранами, 48 (3,5%) – католиками, 6 (0,4%) – мусульманами, 5 (0,3%) генералов исповедовали армяно-григорианскую веру (Авксентьев А.В., Шаповалов В.А., 1994. С. 45).

Все прибалтийские народы (эстонцы, латыши, литовцы), как и финны, сформировались как этнические общности во второй

половине XIX века в составе Российской империи. Именно этот период был наиболее активным в развитии их национальной культуры, шло выдвижение из их среды ученых, политиков, обеспечивающих образование и функционирование прибалтийских республик и Финляндии, ставших независимыми государствами после Октябрьской революции.

Ни одна сторона общественного бытия не имела бы успеха без опоры на такие производные толерантности, как выдержка, терпение, компромиссность, дипломатичность, солидарность и т. д. И в таком качестве толерантность становилась производительной силой человечества.

При миграции на новые места происходит ассимиляция переселенцев коренными жителями или наоборот. Но нередко возникают и такие исторические области, где рядом обитают представители нескольких национальностей. Одна из подобных территорий – Закарпатье, где кроме украинцев в состав населения входили венгры, молдаване, поляки, русины. То же самое – на Кавказе. Собственно говоря, весь наш сегодняшний мир – многонациональная историческая область, и большинство государств в нем состоит из представителей разных национальностей, что, конечно, облегчает межэтнические браки. В Ташкенте давно живут бок о бок с узбеками русские и таджики, украинцы, туркмены и др.

В условиях цивилизационно неоднородного общества важную роль играет межкультурный диалог и связанный с ним феномен культур (языков)-трансляторов. Этот феномен породила эпоха колонизаций и колониальных завоеваний. Достижения разных народов через культуры (языки)-трансляторы становились доступными многим другим народам. Русская культура, русский язык постепенно (с XVIII века) превратились в транслятор на территории огромного многонационального субконтинента, входившего в состав Российского государства. Почему именно с XVIII века, а не раньше, ведь русское государство было многонациональным и в XVI веке? Дело в том, что культура может выполнять роль транслятора при двух взаимосвязанных условиях: она должна быть светской и открытой. Светская русская культура появилась в XVIII веке, тогда же начался процесс ее превращения в фактор межнациональной интеграции. Каналов межкультурного обмена было немало. Общая экономика, общая территория и правовое пространство в рамках Российского государства создавали естественные стимулы для межнациональных контактов. Центрами межнационального общения стали города, число которых постоянно росло.

Таким образом, в рамках государства шел межцивилизационный диалог, взаимообмен. Русский язык стал языком межкультурной коммуникации и межнационального общения, посредством которого преодолевается языковой барьер между представителями разных народов внутри одного многонационального государства.

Даже в условиях войн и человеческого ожесточения можно найти немало примеров толерантности. В период наступления французских войск в Отечественной войне 1812 года русский народ проявлял терпимость по отношению к противнику. В частности, в армейских приказах того времени командование требовало не убивать пленных французов, а также солдат и офицеров, не оказавших сопротивление.

К началу XX века в России насчитывалось более сотни народов. Стремление государства создать опору власти в лице русскоязычных анклавов не разрушало в целом социокультурного плюрализма в обществе. Все неправославные конфессии пользовались правом свободного вероисповедания. Так, письменность и основанная на ней культура в мусульманских регионах России была на базе арабского алфавита, в буддийских – монгольского, в Молдавии, Польше – латинского. В Дагестанской области, например, в конце XIX века работало 26 русских школ, в 1915 году – 93. Одновременно в Дагестане было 740 мусульманских школ, 20 горско-еврейских. 1700 мечетей неустанно утверждали традиции мусульманской культуры. В Бухаре в начале XX века при населении 70–100 тысяч человек было 360 мечетей и свыше 130 медресе (Семенникова Л.И., 1996. С. 175). Все народы имеют право на жизнь и собственную культуру. Любая национальная культура должна развиваться. Каждый язык нуждается в бережном и добром отношении. Эти истины бесспорны. Спорны бывают иногда лозунги, с которыми выступают в защиту этих истин, методы, с которыми хотят проводить их в жизнь.

В России никогда не было законов, ограничивавших права граждан в зависимости от национальной принадлежности, которая официально не фиксировалась.

Все народы и государства должны двигаться в одном направлении – в сторону большего уважения личности, ее права на выбор. Культура толерантности должна бережно взращиваться, преодолевая интолерантность, традиционное противопоставление одних другим. Стабильности общества и государства можно достигнуть, лишь уважая права личности.

Не всегда отношения между народами, населяющими Россию, складывались легко и безоблачно. Бывали периоды вза-

имных обид и упреков. Но если стране грозила беда, если на ее территорию вторгались враги, народы России забывали о былых ссорах и плечом к плечу вставали на защиту своей общей Родины. Наиболее полно эта дружба проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда люди всех без исключения национальностей на фронте и в глубоком тылу каждый день демонстрировали чужда храбрости и стойкости.

В период Великой Отечественной войны население было эвакуировано из оккупированных гитлеровцами территорий в национальные районы, прежде всего в республики Средней Азии. Туда прибывали люди иной культуры и этноса, но местное население многое сделало для того, чтобы разместить эвакуированных, обеспечить им определенные условия для жизни и деятельности. Толерантность в отношении людей, которые отличаются по языку, привычкам, мироощущению, означает понимание того, что истина не может быть простой, что она многолика, и что существуют другие взгляды и убеждения.

Россия – многонациональное государство. Российское общество, столкнувшись с явлениями этнокультурного сепаратизма, начало в некотором смысле утрачивать свою цивилизационную особенность: стал расти национализм, в том числе и русский, разрушающий старую российскую традицию всечеловечности. Но история России в целом, как и ее отдельных народов – это история становления и развития культуры мира и толерантности. И эту культуру нужно бережно хранить и обогащать.

Современные нации в культурном, религиозном и политическом отношении более плюралистичны, чем традиционные сообщества, которые сохраняли свое единство за счет фундаментальных традиций в культуре или религии. Существенное значение в повышении эффективности духовного взаимодействия и взаимообогащения между представителями разных национальностей имеет преодоление социальных, этнических, психологических барьеров. Поэтому очень важна выработка стереотипа поведения, реализующего гуманные идеалы во взаимоотношениях представителей различных национальностей.

Общность истории, национальной судьбы, забота о выходе из кризиса, преодоление глобальных опасностей – что может быть более значимо для людей, независимо от их конфессиональной и национальной принадлежности?! Эта общность проявляется в терпеливом диалоге. Только диалог ведет к взаимопониманию, смене устаревших парадигм, побуждает к сотрудничеству.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как повлияли идеи Реформации в Европе на умонастроения европейцев XVI–XVII вв.?
2. Какая европейская страна в эпоху Средневековья представляла собой оплот нетерпимости и религиозного фанатизма?
3. Какие события в европейской истории XVI–XVII вв. положили начало признанию конфессионального плюрализма и явились качественным скачком в развитии идей толерантности?
4. Каким образом эпоха Возрождения связана с идеей толерантности?
5. Каковы основные трудности на пути религиозной толерантности в современной России?
6. Можно ли заимствование чужого опыта считать основой для сближения народов?
7. Как формировалась культура толерантности в России?
8. Существовал ли этнический антагонизм между русскими и ордынцами?
9. Какую политику проводило царское правительство по отношению к народам, вошедшим в состав Российской империи?

Список литературы

1. *Авксентьев А.В., Шаповалов В.А.* Этносоциальные проблемы России. Ставрополь, 1994.
2. *Валитова Р.Р.* К истории понятия толерантность. М., 1994.
3. *Вартаньян Э.Г.* Сельджуки – османы – турки: становление и развитие культуры. Краснодар, 2007.
4. *Васильев Л.С.* История религий Востока. М., 1985.
5. *Всемирная история.* М., 1999.
6. *Ланщиков А.П.* Национальный вопрос в России. М., 1991.
7. *Максакова Л.* Миграция населения: проблемы регулирования. Ташкент, 2001.
8. *Многообразие культуры как единство народов.* Краснодар, 2009.
9. *Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* История России. М., 2002.
10. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
11. *Россия в XX в. Проблемы национальных отношений.* М., 1999.
12. *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1996.
13. *Семенов В.Ф.* История средних веков. М., 1970.
14. *Серова И.И.* Культура межнационального общения. М., 1986.
15. *Хатами С.М.* Текст выступления на заседании ООН, посвященный диалогу цивилизаций. М., 2001.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

3.1. Межнациональное общение как социальная потребность многонационального общества

Потребность межнационального общения как реально функционирующее социальное явление возникает с порождением такого феномена, как нация. Ее становление и развитие связано, прежде всего, с появлением потребности обмена между народами. В основном это обмен видами деятельности, а также их продуктами, накопленным социальным опытом. Заинтересованность в развитии межнационального общения вытекает непосредственно из практической необходимости решения стоящих перед обществом, национальным образованием социально-экономических проблем. Постоянно увеличивающееся производство (материальное и духовное) и сбыт продуктов заставляет устанавливать все новые и новые связи между нациями и народами. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более невозможными.

Сказанное не означает, что процесс развития межнационального общения, становления потребности в нем был гладким и непротиворечивым. Эпоха утверждения рыночных (капиталистических) отношений вошла в историю человечества как эпоха жесточайшей эксплуатации и угнетения одних народов другими, повсеместного ущемления или ограничения суверенитета наций. Именно в этот период закладывались основы современных противоречий и антагонизмов в межнациональных отношениях.

Однако общественная необходимость межнационального общения еще не является потребностью, так как она нуждается в осознании, ибо общество как таковое не может осознавать своих потребностей. Их осознают индивиды, составляющие общество. Именно сознательно принятая личностью общественная необходимость в межнациональном общении проявляется как ее собственная потребность.

Взаимосвязь между потребностью межнационального общения и межнациональными отношениями носит диалектический характер. С одной стороны, уровень развития потребности межнационального общения является качественной характеристикой межнациональных отношений, с другой – сама потребность межнационального обще-

ния есть функция межнациональных отношений, способствующая развитию, взаимообогащению, сближению наций.

Раскрывая сущность потребности межнационального общения, необходимо обратить внимание на такое понятие, как национальный интерес. Поскольку существуют нации, то существуют и национальные интересы. Они развиваются с развитием общества и стимулируют существование потребности межнационального общения. Так как решение вопросов национального интереса предполагает, как правило, создание ситуации взаимной зависимости наций, связанных между собой производством, распределением, потреблением материальных и культурных ценностей, то это находит выражение в возникновении потребности межнационального общения.

Естественно, национальные интересы в той или иной степени, в той или иной форме могут быть выражены с позиции различных социальных групп и слоев общества. Как свидетельствует история, интересы далеко не всех наций учитывались в советский период развития, и, как результат, сегодня возникает множество конфликтных ситуаций в различных регионах постсоветского пространства.

Потребность межнационального общения проходит путь становления и развития вместе с развитием материальных, социальных и духовных условий жизнедеятельности наций и народностей в их историческом прогрессе. Причиной потребности в межнациональном общении является неудовлетворенность (материальная, политическая, познавательная, моральная) состоянием общения на данном этапе со стороны субъекта потребности. Эта неудовлетворенность, представляющая собой противоречие между существующим и осознаваемым состоянием в общении людей разных национальностей, отражается в их сознании в форме некоторой напряженности, в отрицательных чувствах и суждениях и побуждает к деятельности по устранению данного противоречия.

В структурном плане потребность межнационального общения включает:

– субъект потребности, которым может быть народ, нация, этнос, многонациональный коллектив, а также их отдельные представители;

– предмет (объект) удовлетворения потребности межнационального общения, которым является само общение людей в различных сферах общественной жизни;

– характер связи субъекта со своим объектом, обусловленный неодинаковым уровнем осознания общественной необходимости (потребности) межнационального общения со стороны субъекта (субъектов).

Общение людей различных национальностей – сложный процесс, затрагивающий многие стороны социально-бытовой, производственной и духовной жизни. С одной стороны, люди осознают, пропагандируют собственную национальную специфику, с другой, – познают и оценивают инациональные, общечеловеческие ценности.

Современному обществу в сегодняшних условиях производства, управления и коммуникации от человека нужны не его национальные качества, а соответствующие деловые способности и умения. Так, производство материальных благ складывается из конкретных действий, у него есть своя логика, свои правила. Главное для него в условиях рынка – это конкурентоспособность производимых материальных ценностей (товаров), рентабельность и прочее, что, в свою очередь, зависит от профессионального мастерства работников, а не от их национальной принадлежности.

Вместе с тем, любая деятельность (и производственная в том числе) есть общественное явление, и чтобы она состоялась, люди должны вступать во взаимоотношения друг с другом с помощью определенного языка, определенных правил и норм, делиться своим опытом. Иначе говоря, чтобы нормально функционировать, она (деятельность) нуждается в средствах выражения этничности.

Осознание общественной необходимости межнационального общения – процесс длительный по времени как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальных общностей, наций.

Личность, действуя сообразно своим индивидуальным потребностям в многонациональном обществе (коллективе), реализует в какой-то степени и потребность межнационального общения общества (нации). Удовлетворяя свои индивидуальные потребности, люди всегда сознают, что своей деятельностью они вносят изменения в какую-то сферу действительности (в нашем случае, в сферу действия межнациональных отношений), но не всегда представляют во всей полноте отдаленные последствия своих действий.

Например, вступать в экономическое взаимодействие людей разных национальностей (субъектов межнационального общения) побуждает выигрыш в производительности и потреблении,

а выгодное и целесообразное в хозяйственной жизни благодаря универсальному закону экономии издержек имеет тенденцию превращаться в необходимое. Если в реальной форме зависимость субъектов межнационального общения выступает как следствие взаимодействия (экономического, политического, культурного и др.), то в своей идеальной форме она служит причиной взаимодействия, обуславливая потребность в межнациональном общении. Таким образом, взаимодействие субъектов (межнациональное общение) не только осуществляет причинно-следственную связь, но и само порождается этой связью.

Отсюда следует принципиальная невозможность устранения взаимозависимости субъектов единого многонационального государства путем «обрубания» всех связей, то есть путем автаркии. Ведь в этом случае остается объективная необходимость межнационального общения (причинная зависимость), осознаваемая в той или иной степени гражданами данной республики (региона) как нереализованная потребность.

Характерным примером в этом отношении является Чеченская Республика. Как известно, с началом суверенизации, процесс которой принял сразу бескомпромиссный характер, Чечню покинула основная часть интеллектуальной и технической элиты, осознавшей объективную необходимость общения в полиэтническом окружении. Источником существования для подавляющей массы населения стали грабежи, жульничество и вымогательство, похищение людей с целью выкупа. Республика фактически превратилась в своеобразный криминальный центр на постсоветском пространстве. Отсюда понятно, что автаркическая политика субъекта многонационального общественного устройства (впрочем, как и субъекта международного сообщества), игнорирующая объективную необходимость межнационального общения, возможна только в условиях криминального (или авторитарного) режима.

Таким образом, отношения взаимозависимости возникают в ходе взаимодействия субъектов межнационального общения, а само взаимодействие в условиях многонационального общества порождено взаимозависимостью, находящей свое выражение в потребности межнационального общения. Чем большую выгоду (экономическую, политическую, культурную, экологическую, военную и др.) сулит межнациональное общение (взаимодействие), тем сильнее актуализируется и развивается потребность в нем.

Процесс осознания людьми своих потребностей во многом зависит от социально-ориентирующего влияния общественного сознания на индивидуальное, а также от того, как и в какой степени значимы и привлекательны для социальных субъектов совокупные потребности общества.

В условиях любого общества критерием его благополучия является гармоничное развитие общественных отношений, уровень интеллектуального и нравственного развития его членов. В многонациональном обществе таким критерием является уровень осознания его членами общественной необходимости межнационального общения, утверждение и функционирования культуры межнационального общения, превращения нравственных ценностей в регулятор национальных отношений.

Моральные, этические нормы и убеждения человека в практике межнационального общения предполагают, прежде всего, этническую (национальную) толерантность, особую духовную стойкость, качественно отличающуюся от банального равнодушия. Быть толерантным – значит сохранять свое чувство национального достоинства, национальную культуру, обычаи и традиции, музыку и танцы, в то же время находить в себе силы терпеть и уважать традиции и культуру других, которые могут быть не всегда понятными, а порой и вызывающими. В свое время противоречивые философские изыскания Ф. Ницше позволили ему констатировать: «Многое, что у одного народа называлось добром, у другого называлось глумлением и позором – так нашел я. Многое, что нашел я, здесь называлось злом, а там украшалось мантией почести».

Осознание индивидом общественной необходимости межнационального общения изначально предполагает определенный уровень межнациональной толерантности, развития культуры межнационального общения. Последнее, в свою очередь, невозможно без возрождения национальной культуры, традиций, в которых проявляется «дух нации» – национальное мироотношение, самосознание, характер, эстетическая самоценность. Жить в едином многонациональном обществе могут только народы с развитым национальным сознанием, чувством национального достоинства и гордости. Источником национальной гордости являются не какие-то особенные черты национального характера, а признание человеком того, что, подобно другим нациям, его нация тоже дает великие образцы поведения для человечества.

Все народы в равной степени ценны именно с точки зрения своей непохожести. Национальные особенности заинтересовывают и сближают людей разных национальностей. «Более глубокое социологическое рассмотрение, – писал Л. Гумплович, – показывает, что многонациональные государства представляют более высокий тип социально-политического развития». Ибо «многонациональное общение приносит с собою культурное развитие человечества и стремление к возрастающей общительности цивилизованного человечества».

Надо сказать, что этнические различия служат одним из основных резервов разнообразия, которое настолько необходимо для нормального развития человечества, насколько необходимо единство. Поэтому без уважения права каждого народа быть самим собой теряет всякий смысл разговор о нормализации межнационального общения, об осознании общественной необходимости в нем. Учет национальных интересов соседей, уважение их достоинства – главное цивилизационное требование межнационального общения в многонациональном государстве.

3.2. Культура межнационального общения: формы, структура, содержание

Термин «культура» включает в себя огромное множество предметов и явлений, созданных человеком и относящихся к самым различным уровням и сферам реального мира. Вероятно, поэтому попытки свести все многообразие проявлений культуры к одному определению до сих пор оказываются безуспешными. Вместе с тем ни одно общество не может существовать без культуры. Без культуры не было бы языка как средства общения, посредством которого возможно наиболее лаконично и емко выразить свои мысли и намерения. Не было бы, скорее всего, и самосознания, и соответственно человек был бы лишен возможности думать и рассуждать.

Несмотря на все многообразие определений и интерпретаций термина «культура», в нем можно выделить главное: культура является специфическим способом организации и развития жизни, выражающимся в материальных и духовных продуктах деятельности человека, в системе социальных норм, в совокупности отношений людей к природе, к самим себе и между собой.

Сформулировать свое определение культуры стремились многие ученые, а самому понятию давались разнообразные толкования: от бытового понимания культуры как уровня воспитанности человека до понимания ее как мира ценностей, созданных трудом человека, или, до представления о культуре, как о всеобщем способе существования человеческого рода.

Если рассматривать функциональное назначение культуры, то в большинстве гуманитарных наук утвердилась точка зрения, согласно которой к функциям современной культуры относят следующие:

- инструментальную – создание и преобразование окружающей среды для жизнедеятельности человека;
- инкультурации – социализация и преобразование самого человека;
- нормативную – формирование соответствующих средств и способов организации коллективной жизни;
- сигнификативную (знаковую) – формирование имен и названий всем предметам и явлениям объективного мира, которые без соответствующего обозначения для человека не существуют;
- познавательную – формирование картины мира в виде систематизированных и упорядоченных знаний;
- коммуникативную – обеспечение передачи этнокультурной информации как в диахронном (между поколениями), так и в синхронном (одновременном для всех поколений) срезах.

Исторический опыт показывает, что любой народ в процессе развития так или иначе взаимодействует с другими народами. Межнациональное общение представляет собой общественные и личные контакты, взаимосвязи людей разных национальностей, обменивающихся как материальными и духовными ценностями, так и взглядами, чувствами, эмоциями в процессе их общественной деятельности и повседневной жизни.

Межнациональное взаимодействие (его формы, структура, содержание) зависит от того, на какие стадии этнической, национальной идентификации оно приходится. Оно никогда не бывает статичным, оно всегда в развитии, динамике. Как правило, выделяются несколько стадий национальной идентификации:

1. Стадия дифференциации этнической составляющей. Это первоначальный уровень социокультурной эволюции этноса, связанный с осознанием членами социальной группы своей общнос-

ти, отличий «мы» от «они». Для этой фазы характерно появление этнонима (самоназвания) этноса, играющего важнейшую роль в дальнейшей его трансформации. Также происходит мифологизация этнической архаики (прошлого данной социальной общности), как правило, выражающаяся в поэтизации важнейших этнообразующих признаков – языка, территории, религии, культуры.

2. Стадия определения национального социокультурного облика. Последующий этап этнической динамики, в рамках которого складываются представления об особенностях национального характера, о его культурном складе. Именно в этот период начинается стереотипизация в восприятии как своей этнической социальной группы, так и окружающих «чужих» этносов. Межнациональное взаимодействие при данной стадии этнической эволюции проходит на более ярко выраженном национально-этническом фоне.

3. Стадия концентрации национального идеала. Этот уровень характеризуется предельной концентрацией национальной составляющей в обществе. Он связан с появлением национального идеала, т. е. мифологизированных представлений не только о прошлом нации, но и о ее будущем. Национальный идеал зачастую сопряжен с представлениями о миссионерской значимости той или иной нации. Вырабатывается набор социокультурных ориентиров, признающийся «традиционным» для национальной группы. Как правило, на данном уровне любое противоречие с другими нациями выступает в виде межнационального противостояния.

Межнациональное взаимодействие проявляется в таких формах, как межнациональное общение и межнациональные отношения. Эти понятия также неравнозначны. Второе из них более широкое. «Межнациональное общение» соответственно является процессом реализации «межнациональных отношений». «Межнациональные отношения» характеризуют содержание, в то время как «межнациональное общение» – форма и способ связи между людьми разных национальностей в процессе их жизнедеятельности.

В основе всякого общения лежит взаимодействие, социальная деятельность субъектов. По форме своего выражения и реализации межнациональное общение, межнациональные контакты могут быть двоякого рода: непосредственные (прямые) и опосредованные (косвенные).

Непосредственное общение предполагает совместную деятельность на одних предприятиях, учреждениях, в одних производственных, учебных, воинских коллективах, в семьях и т. д. Оно подразумевает личные контакты, обмен мыслями.

Что касается форм опосредованного общения, то к ним, прежде всего, относятся материальные средства (обмен товарами, видами деятельности, культурными ценностями) и средства массовой информации (пресса, телевидение, радио и другое). Если в процессе непосредственного общения взаимодействуют конкретные представители отдельных наций, то в процессе опосредованного общения взаимодействует и отдельные их представители, и нации в целом как социально этнические общности, испытывающие потребность в межнациональном общении.

Состояние межэтнических отношений, характеризуя социальную ситуацию современных государств и их субъектов, определяет потенциал стабильности на местах и влияет на функционирование всех сфер жизнедеятельности общества. Любое полиэтничное общество характеризуется неоднозначным отношением членов одного этнического сообщества к представителям иных этнических сообществ или групп. Это неизбежно приводит к созданию ситуаций, осложняющих межэтнические отношения.

Культура как сокровищница мирового опыта фиксирует способы жизнедеятельности различных субъектов человеческой истории: от отдельного индивида до этнической группы или общества в целом. Социальные и культурные изменения составляют наибольшую часть человеческой истории, соответственно и группы субъектов человеческой истории, как, например, нации, не являются раз и навсегда сформировавшейся общностью. Эти общности и есть, прежде всего, результат развития и взаимодействия культур, а новые формы культурных различий, как и новые традиции, постоянно возникают из самых разных источников в процессе жизнедеятельности наций. Другими словами, культура в целом и культура межнационального общения в частности не является застывшим образованием, а обладает процессуальным признаком, который характеризуется определенным динамизмом, где величина динамики определяется частотой и глубиной межнациональных отношений.

Отмеченная динамика может развиваться в двух направлениях. Первое – когда при столкновении с опасностью, неопре-

деленностью, граничащей с угрозой, групповое сознание нации первым делом старается вписать ее в уже существующую картину мира, не обращая внимания на очевидные несоответствия. Это обусловлено высокой устойчивостью картины мира, созданной многими поколениями. И только когда реальность слишком явно не укладывается в действующую картину мира, групповое сознание нации избирает второе направление – происходит перестройка картины мира в соответствии с угрожающими фактами вокруг некоторой центральной зоны культуры. Будучи не в силах изменить мир, реальный или представляемый, благодаря определенной выстроенной картине, этнос изменяет себя. Тем самым образуется наиболее адекватная реальности картина мира и расширяется культурный диапазон.

В процессе своего существования каждая нация неоднократно испытывает потребность обращаться и к своему прошлому, и к опыту других культур. Подобное взаимодействие культур, вызываемое, как правило, объективными потребностями развития или корректировки существующей картины мира, насущностью обмена или заимствования опыта, особенно ярко проявилось в последние десятилетия, когда социальные, политические, экономические изменения привели к росту миграции народов и соответственно взглядов, воззрений, культур.

Многочисленные исследования вопросов взаимодействия культур различных этносов свидетельствуют о том, что результаты многообразных межкультурных контактов во многом зависят от способности участников контактировать друг с другом, понимать и достигать согласия с наибольшей пользой для обеих сторон. В этом ракурсе выходит на первый план усвоенная этнической, социальной группой культура межнационального, межкультурного общения, которая либо способствует достижению максимально положительного результата, либо, наоборот, приводит к разрыву контакта и может послужить причиной начала межнационального конфликта. Поэтому особенно большое значение приобретают способности этноса (нации) к пониманию чужой культуры и точек зрения, признанию чужой культурной самобытности, умению строить диалогические отношения и идти на необходимый компромисс.

Отсюда понятна разница в степени заимствования культурных ценностей и последующего их активного использования,

поскольку подобное заимствование проходит через призму особенностей культуры межнационального общения у каждой нации. Осваивая, принимая то или иное культурное достижение других этносов, народ приспособливает его к своим этническим традициям, интересам, устремлениям. Реальным основанием для подобных заимствований или двустороннего обмена служит наличие у каждой нации позитивных общечеловеческих ценностей, которые используются как исходный пункт для достижения межкультурного консенсуса.

Культура межнационального общения – это историческое явление, продукт истории, в котором утверждаются и передаются достижения социального опыта. Они реализуются в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и институтов. Но культуру межнационального общения также можно рассматривать не только как совокупность материальных и духовных ценностей, но и как процесс саморазвития и самореализации человека. Культура общения – это некоторый свод правил, общих для всех участников равноправного общения.

Предназначение культуры состоит не только в сохранении определенных требований и принципов, соблюдение которых благоприятно сказывается на процессе межнационального общения, но и в том, чтобы люди, представители разных национальностей, хотели бы сохранять эти нормы и получали внутреннее удовлетворение от следования этим правилам.

Единой точки зрения на феномен «культура межнационального общения» до сих пор не существует. Так, одни авторы видят в культуре межнационального общения в основном нравственные принципы отношений между народами. Другие авторы сужают ее до интернационально-психологических установок, тем самым обедняя как само понятие, так и практику культуры межнационального общения, которая включает в себя уступчивость, терпимость и т. д.

Наиболее существенные расхождения обнаруживаются во взглядах на структуру культуры межнационального общения. Так, некоторые авторы среди структурных элементов культуры межнационального общения выделяют следующие: политическую культуру; культуру трудового общения между народами; нравственную культуру; эстетику межнационального общения. При этом во взглядах на структуру многими авторами слабо учитыва-

ется личностный аспект культуры межнационального общения. Рассмотрение структуры культуры межнационального общения на личностном уровне показывает, что в этом случае она включает в себя две находящиеся в единстве и взаимозависимости стороны – внутреннюю и внешнюю (Прокофьев С.Я., 2003).

Внешняя сторона культуры межнационального общения – это культура манер, движений, интонации голоса, мимики лица, знание языков и т. д. Она не только обеспечивает определенный уровень общения между людьми, но и порождает у человека устойчивую потребность реализации максимума заложенных в него положительных потенций в общении с представителями других наций. И, наоборот, неумение найти общий язык в инонациональном окружении – это своеобразный психологический тупик, который озлобляет человека, формирует чувство неполноценности, создает «полосу отчуждения» между ним и окружающими.

Внутренняя сторона культуры межнационального общения – это моральная направленность в общении с инонациональным.

Если рассматривать культуру межнационального общения личности в единстве двух ее сторон, то моральная детерминированность (причинность) межнациональных контактов является определяющей.

Несмотря на определяющий характер внутренней стороны культуры межнационального общения, внутренней предрасположенности к межнациональному общению, положительным национальным установкам, человек, не владея внешним проявлением культуры межнационального общения, не сможет реализовать свои внутренние побудительные силы. Таким образом, обе стороны культуры межнационального общения личности неразрывны и находятся в постоянном взаимодействии.

В содержательном плане культура межнационального общения включает следующие основные элементы:

во-первых, знание конституционных требований, регулирующих взаимоотношения субъектов межнационального общения и обязательных для исполнения всеми гражданами многонационального государства независимо от национальной принадлежности, наличие интернационалистского сознания, чувства принадлежности к единому Отечеству. Однако еще Сократ был поражен парадоксальным обстоятельством: многие люди, знающие, что есть добро, делают зло;

во-вторых, культура межнационального общения включает готовность эмоционально и участливо откликаться на запросы, поведение и состояние людей другой национальности. Многочисленные исследования, к сожалению, доказывают большую консервативность черт личности, связанных с эмоциональной сферой (добродушие, стыдливость, общительность, тревожность, радушие и т. д.), так как сама природа чувств более консервативна по сравнению с рациональными элементами психики. Культура межнационального общения предполагает не только знание о «добре» и «зле» в сфере межнационального общения, но и богатство эмоциональной сферы, способность к моральному резонансу, к сочувствию и переживанию, наличие таких социальных чувств, как коллективизм, интернационализм, патриотизм, гуманизм и др.;

в-третьих, культура межнационального общения предполагает соответствующие действия, культуру поведения, умение выбирать по отношению к каждому представителю другой нации такой способ обращения, контакта, который, не расходясь с требованиями интернационалистской морали, в то же время наилучшим образом отвечал бы их индивидуальным, национально-психологическим особенностям.

Как показывает практика, все три элемента тесно связаны друг с другом. В процессе межнационального общения происходит формирование личности, укрепляются ее жизненные позиции, осваиваются культурные ценности других народов.

Регулирование и гармоничное развитие межнационального общения должно подчиняться ряду принципов.

Первый принцип был сформулирован еще в греко-римской культуре. Он состоит в том, что договоры между людьми должны выполняться. Этот принцип пронизывает буквально все уровни межнационального общения: межличностное; меж- и внутригрупповое; международное, осуществляемое отдельными индивидами, но от имени наций, государств. Сегодня этот принцип формируется как принцип единства слова и дела. Нарушение этого принципа особенно недопустимо со стороны государственных, партийных и хозяйственных руководителей.

Второй принцип культуры межнационального общения сформулирован И. Кантом, который выдвинул в качестве общечеловеческой нормы общения принцип признания человека

высшей ценностью. Иммануил Кант утверждал, что в ряду целей, которые человек ставит перед собой, «человек ... есть цель сама по себе, то есть никогда никем (даже богом) не может быть использована только как средство, не будучи вместе с тем и целью...».

Третий принцип культуры межнационального общения известен как «золотое правило нравственности»: поступай по отношению к другим так, как бы ты хотел, чтобы другие поступали по отношению к тебе. В этом правиле запечатлена мечта человечества об общении как о нравственном отношении между людьми. Его сущность связана с утверждением принципа социальной справедливости и равенства. Конкретное воплощение «золотого правила нравственности» в отношениях между людьми разных национальностей есть исторический уровень социальной справедливости и равенства. Вместе с тем, достигнутый уровень – это не только реальность, но и перспектива дальнейшего развития общества, межнациональных отношений.

Понятие «культура межнационального общения» отражает совокупность мировоззренческих, интернационалистских, нравственных качеств и убеждений личности, наглядно проявляющихся в процессе непосредственного и опосредованного общения с представителями других наций и народностей. Являясь интегральным результатом нравственного и интернационального развития личности, культура межнационального общения осуществляет две социальные функции:

а) дает образец поведения в инонациональной среде и критерии для его оценки;

б) воспитывает желание поступать согласно образцу.

Тогда личность, претендующая на обладание высоким уровнем культуры межнационального общения, должна обладать следующими характеристиками:

– обладать интернационалистским сознанием, испытывать чувство принадлежности к единой стране;

– уважительно относиться к национальному достоинству других людей, к национальным культурам, традициям и обычаям;

– уметь освобождаться от псевдо-национальных предрасудков;

– иметь естественную потребность применять на практике нормы и правила культуры межнационального общения;

- знать этику межнационального поведения;
- быть способной объективно оценивать человека вне национального стереотипа;
- обладать знанием и умением применять языки межнационального общения.

В качестве примера того, как важно развивать культуру межнационального общения, можно привести нынешнюю Россию. Многие трудности национального развития в субъектах Российской Федерации предопределены низким уровнем культуры межнационального общения. Этому способствуют сохранившийся с советских времен бюрократизм, «вертикальное» администрирование, нигилизм в решении национальных проблем и в практике межнационального общения. Все это исключает уважение к языку, истории, религии, традициям, психологии человека и проявляется порой как прямой произвол в решении межнациональных вопросов и проблем.

Причины такого положения современных межнациональных отношений в России в немалой степени детерминированы проводимой ранее культурной политикой, заполитизированным отношением к национальной культуре, искусству, в иллюзорном понимании природы, функций, места и важности культуры межнациональных отношений.

Очевидно, что назрела жизненная необходимость реального функционирования и развития культуры межнационального общения, осознания общественной необходимости в существенном повышении ее уровня. Это особенно важно в свете развивающихся миграционных процессов, текущих и будущих демографических проблем.

Различия между культурами – факт неоспоримый, поэтому особенное значение приобретает уровень их толерантности. Многие различия между культурами обусловлены не только традиционными, но и ситуационными факторами. К числу такого рода факторов может быть отнесен и уровень толерантности, который выражается в удовлетворенности большей части общества уровнем и качеством жизни, устойчивостью условий своего существования. Если такая удовлетворенность уменьшается, то терпимость в обществе идет на убыль. И это проявляется в уровне толерантности отношений между индивидами, этническими группами, культурами и государствами.

3.3. Язык как элемент культуры и средство межнационального общения

Знаменитый баснописец древней Греции Эзоп был рабом философа Ксанфа. Однажды Ксанф захотел пригласить гостей и приказал Эзопу купить все самое лучшее. Эзоп купил языки и приготовил из них три блюда. Ксанф спросил, почему Эзоп подаст только языки. Эзоп ответил: «Ты велел купить самое лучшее. А что может быть на свете лучше языка! При помощи языка строятся города, развивается культура народов. При помощи языка люди могут объясняться друг с другом, решать различные вопросы, просить, приветствовать, мириться, вдохновлять на подвиги, объясняться в любви. Поэтому нужно думать, что нет ничего лучше языка».

В формировании каждой этнической культуры важную роль играет язык этноса, который способствует, прежде всего, возникновению чувства групповой идентичности. Общий язык поддерживает сплоченность этнической группы. Между людьми, говорящими на одном языке, почти автоматически устанавливается взаимопонимание и сочувствие. В языке находят отражение общие знания людей о традициях, сложившихся в данной культуре, в нем опосредованно материализуется историческая память этноса. Язык как элемент культуры участвует в процессах приобретения практического опыта людьми, особенно представителями одной этнической группы. Преимущественно благодаря языкам современная этническая картина мира отличается большой пестротой и разнообразием.

Национальное своеобразие любого этноса, как в зеркале, отражается в его словесности. В современных условиях, когда усиливается тенденция к всеобщей унификации и стандартизации всех сфер человеческой деятельности, в том числе и культуры, доминантным признаком этноса становится его язык.

Родной язык обеспечивает единство этноса, взаимопонимание между его членами. Он является средством сохранения и передачи этнокультурной информации от поколения к поколению, обеспечивая тем самым преемственность национально-культурных традиций и обычаев народа. Язык поддерживает этническое самосознание и выполняет, таким образом, функцию сохранения культуры конкретного народа.

Основой развития духовной культуры, средством приобщения к ней является язык. Не зря говорил еще Низами: «Если хотите уничтожить народ, отберите у него три вещи – его язык, его поэзию, его песни».

К сожалению, данные, полученные в результате опроса разных слоев населения, не дают оптимистических прогнозов – только 20% опрошенных сказали, что они в совершенстве владеют родным языком. Здесь уместно вспомнить слова В. Г. Белинского: «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности».

Сегодня в мире насчитывается десятки сотен «живых» языков: от огромного количества племенных языков, на которых говорят иногда лишь десятки человек, до языков различных суперэтносов, которыми пользуются многие миллионы людей.

В разных странах законы определяют статус языков терминами «государственный», «официальный», иногда «национальный». В государствах, где население пользуется более чем одним языком, официальный статус, как правило, имеют несколько языков. Так, например, в Швейцарии официальными языками признаны три – немецкий, французский и итальянский, а государственных языков вообще четыре: кроме вышеупомянутых, еще и ретророманский. В Канаде 16-й статьей Конституционного акта, принятого в 1982 году, официальный статус получили английский и французский языки, хотя франкоязычные канадцы живут только в двух провинциях. Примеры государств с двумя и более официальными языками показывают Дания, Бельгия, Голландия, Турция, Финляндия и множество других стран. Есть регионы, где в качестве языка межэтнического общения принят язык национального меньшинства, например, суахили в Танзании, малайский язык в Индонезии.

Во многих государствах, освободившихся от колониальной зависимости, в межэтническом общении используются языки бывших метрополий. Есть государства, где двум языкам-посредникам приписан разный общественный статус: один язык считается национальным, другой – официальным. Например, в Мавритании статус национального языка принадлежит арабскому, а официальным признан французский.

В большинстве постсоветских стран единственным государственным и официальным языком является язык титульной нации,

и только в Белоруссии и Киргизии русский язык признан вторым государственным или приравнен к нему. В Казахстане, согласно Конституции, государственным языком является казахский, русский язык является официальным и употребляется наравне с казахским. В других странах СНГ русский не менее популярен, однако его популярность никак не влияет на правовой статус. Например, в Азербайджане единственным государственным языком является азербайджанский, хотя как минимум четверть граждан страны постоянно живет в России и, соответственно, владеет русским языком. Аналогичная ситуация и в Армении, где русский язык остается обязательным предметом в школах, но не имеет статуса второго государственного.

Лидирующее место среди иностранных языков принадлежит английскому. По данным Британского Совета, на английском говорят 800 млн. человек, на нем осуществляется 75% международных почтовых отправок, телексов, факсов. Интернет также работает в основном на английском языке. Он же – ведущий язык бизнеса, финансов, дипломатии, один из шести рабочих языков ООН.

Современная Россия этнически многообразна в культурном, ментальном и языковом отношении. Это объективно задано характеристиками этнического состава населения страны, который сложился еще в процессе становления Московского государства и Российской империи.

Один из крупнейших государственных деятелей России, премьер российского правительства С.Ю. Витте в 1905 году писал: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический, капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю – их религию, их язык и прочее. Девиз такой империи не может быть: “обращу всех в истинно русских”. Этот идеал не может создать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить все население, создать одну политическую душу».

Данное высказывание свидетельствует о понимании со стороны российского государства политической важности учета на-

циональных интересов. В этой связи в России в системе образования выстраивалась сеть так называемых русско-инородческих школ, а впоследствии – национальных школ. Хотя надо признать, что в прошедшем столетии ситуация с национальными языками в России складывалась не совсем благоприятно. И только начиная с 1992 года можно выделить новый качественный этап в развитии отношения, направленного на удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей, в частности, изучение родного (нерусского) языка. Эти изменения связаны с процессами демократизации российской общественной системы, выстраиваемой на принципах федерализма.

Вступление Российского государства на путь демократических преобразований привело к стремительному пробуждению национального самосознания населяющих его народов. Это выдвинуло на первый план социальные потребности личности, стремление обратиться к национальным истокам своего народа, открыть для себя богатства его традиций, языка, культуры.

В сложившейся ситуации в условиях многонационального государства именно образование стало рассматриваться как один из естественных механизмов поддержания гражданского мира в обществе, гармонизации межэтнических отношений.

В соответствии с новой Конституцией Российской Федерации (1993 г.) запрещены любые ограничения прав граждан по признакам национальной и языковой принадлежности, равно как и пропаганда превосходства по этим признакам (ст. 19 и 29), постулировано право пользования родным языком и свободный выбор языка обучения и воспитания (ст. 26), гарантировано всем народам России право на сохранение родного языка и создание условий для его развития (ст. 68).

Федеральный закон «Об образовании» (1992 г.) гарантировал всем гражданам Российской Федерации право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (п. 2, ст. 6); защиту и развитие школой национальных (этнических) культур и региональных культурных традиций (п. 2, ст. 1), с одной стороны, и обеспечение единства культурного и образовательного пространства страны, с другой.

Важно отметить, что на государственном, региональном, местном уровнях вопрос приобщения к национальной культуре

своего народа, к культуре других народов решается не только в местах компактного проживания той или иной национальности, но и в субъектах РФ, где живут, учатся и работают люди разных национальностей.

Так, в течение столетий Москва формировалась как многонациональный город. Многие национальные общины внесли самобытный и весомый вклад в ее науку, культуру, социальное и экономическое развитие. Да и само национальное образование Москвы имеет длительную историю. Уже в XVII–XVIII веках мастера из Европы могли обучать своих детей в литовской, немецкой, польской школах. В советский период, в 1920-х годах, в Москве было почти 70 государственных национальных школ. Открывались национальные театры, общества, клубы. Но в 1938 году постановлением Совнаркома СССР деятельность национально-культурных обществ была запрещена, а в последующие четыре года были закрыты и все национальные школы.

Сегодня в Москве выстраивается особая, этнокультурная подсистема образования в условиях многонационального города, включающая в себя различные формы и виды этнокультурного образования. Вид государственного образовательного учреждения с этнокультурным компонентом образования закреплен Законом города Москвы «Об общем образовании». В рамках перехода к культурному многообразию сферы образования Москвы создаются условия для самоопределения и обучения в области национальных и этнических проблем, обеспечивается возможность преподавания предметов на национальном языке.

Введение этнокультурного компонента образования было обусловлено тем, что дети будут жить и учиться, а затем и работать в многонациональном городе, а не в месте компактного проживания того или иного народа. Поэтому, предоставляя возможность учащимся получать образование, позволяющее овладеть родным языком и культурой, необходимо обеспечить знание ими государственного русского языка – языка межнационального общения. Вот почему весь процесс обучения и воспитания в учреждениях с этнокультурным компонентом образования ведется на русском языке, по российским программам и в соответствии с едиными требованиями, предъявляемыми ко всем школьникам. И только примерно четвертая часть учебного времени отводится на изучение родного (национального)

языка и ряда других предметов так называемого этнокультурного компонента образования.

Национальное самосознание должно быть развито у любого гражданина, но необходимо толерантное отношение к другим народам, культурам, религиям. Сосуществование различных языков, взаимопроникновение культур закономерно в многонациональной стране.

Русский язык неразрывно связан с другими языками народов, исконно проживающих на территории Российской Федерации. Судьбы ее народов так переплелись, что языком межнационального общения стал русский язык. Он является универсальным средством коммуникации между жителями нашей огромной страны. От того, насколько полно человек им владеет, зависят уровень его образованности, степень интеграции в мировое культурное и образовательное пространство. Русский язык – это нить, которая связывает и объединяет разные народы.

В субъектах Российской Федерации с компактным проживанием представителей населяющих Россию народов активно развивается двуязычие. Русский язык выступает в качестве государственного языка и языка межнационального общения и социокультурной адаптации иммигрантов, прибывающих в Россию. Русский язык наряду с российской культурой и традициями народов России является фактором укрепления духовных и исторических связей соотечественников, проживающих за рубежом, с российской нацией.

В своем выступлении на торжественном собрании, посвященном 450-летию вхождения Башкирии в состав России, В. В. Путин отметил, что русский язык «не только открыл богатства российской культуры, но и служил продвижению европейских ценностей на азиатские просторы. Именно русский язык синтезировал наследие двух великих цивилизаций. Способствовал лучшему взаимопониманию представителей разных религий. И, в конечном счете, создал на территории России уникальный культурно-человеческий сплав, который и поныне скрепляет единство российской нации».

«Родной язык открывает малую Родину, а русский – весь мир», – написала в своем эссе по теме «Мое педагогическое credo» участница всероссийского конкурса учителей родных языков Э.С. Ягодарова, учительница марийского языка из Республики Марий Эл.

Через восхищение великим поэтом школьница из Республики Ингушетия в своем сочинении по сути высказывает отношение к русскому языку и возможностям межнационального общения: «...Пушкин принадлежит всем нам: русским, ингушам, грузинам, чувашам... Он – национальная гордость страны. А народы Кавказа, думаю, любят его больше всех. Ведь благодаря Пушкину мир узнал о горцах, о Кавказе. Он открыл миру наш сказочный край и рассказал о населяющих его народах, показав их не варварами и дикарями, как до него это делали другие писатели, а такими, какие они есть: гостеприимными, добрыми, открытыми... Я благодарна своим учителям, научившим меня читать, писать, понимать и любить Пушкина...».

Свидетельством внимания со стороны государственной власти к решению вопросов развития русского языка и русской культуры стал Указ Президента РФ от 29 декабря 2006 года № 1488 об объявлении 2007 года Годом русского языка. Цели мероприятий, проведенных в рамках реализации данного указа, состояли в повышении роли русского языка в современном коммуникационном пространстве, расширении информационных возможностей русского языка по развитию международного интереса к России, усилении ее геополитического влияния, укреплении международных связей, повышении инвестиционной привлекательности, формировании позитивного образа России за рубежом.

Одним из ярких примеров результатов этой работы и повышения значимости русского языка как языка международного общения можно считать решение о возможности использования электронных адресов в Интернете на русском языке.

Любая культура, замкнутая только на самой себе, не является полноценной, потому что только благодаря диалогу с другими культурами происходит взаимообогащение, открываются новые стороны жизни народов мира. Владение языками – это одна из граней диалога культур.

На основе знания отечественной культуры, культуры других народов можно вырабатывать формы поведения, ориентированные на жизнь в поликультурном мире, формировать толерантность как средство профилактики против экстремизма, реализовать диалог культур, участие в котором – залог совершенствования личности.

3.4. Межкультурный диалог как фактор развития единого гуманитарного пространства

Мир всегда был поликультурным. Однако только в наше время практически все культуры вступили в общее пространство, прежде всего, информационное и политико-экономическое. Изоляционизм, предоставлявший определенные гарантии культурного суверенитета, фактически себя исчерпал. Единение человечества на приемлемых для всех основах не имеет примеров в прошлом. Важным этапом на пути к такому единению в мае 2007 года стало предложение Европейской Комиссии о принятии Европейской Стратегии в сфере культуры, основанной на трех принципах:

- культурное разнообразие и межкультурный диалог;
- культура как катализатор творчества;
- культура как ключевой компонент международных связей.

Основной целью межкультурного диалога выступает предоставление равных прав всем членам общества вне зависимости от национальной, религиозной, языковой принадлежности. Основой же для его реализации становятся общечеловеческие ценности, в первую очередь, права человека.

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства», – гласит первая статья Всеобщей декларации прав человека.

Диалог культур с целью поиска общих точек соприкосновения не может сопровождаться навязыванием каких-либо образцов поведения. При этом фактически утверждается презумпция того, что права человека являются внекультурной или даже надкультурной реальностью, одинаково приемлемой для всех культур.

Когда мы говорим о культуре, то понимаем под этим всевозможные образы жизни, верования и ценности, а также их художественное воплощение. Как правило, эти элементы культуры передаются от поколения к поколению, однако практически никогда они не носят характер незыблемости и неприкосновенности. Со временем культуры изменяются, адаптируются к новым временам и принимают новые формы. Ценности переосмысливаются, верования меняются. Существующие общества становятся более мультикультурными, так как процессы глобализации повысили уровень общения и контакта между представителями различных

культур. Народы становятся более информированными о существовании других культур, традиций и обычаев. Культуры охватывают очень большое число людей, из которых, однако, никого нельзя назвать типичным представителем какой-либо культуры. Понимание данной особенности – первый шаг на пути к эффективному межкультурному диалогу.

Способность к диалогу – это важная характеристика любого человека, так как только в диалоге открывается путь к новым идеям, возникает возможность для понимания других людей, их системы ценностей, мотивационных установок и т.д. В межкультурном контексте диалог способствует обмену мнениями между представителями различных культур и, соответственно, развивает взаимоуважение и взаимопонимание.

Ключевой предпосылкой межкультурного диалога выступает осознание собственной идентичности. В определенных ситуациях культурная и этническая идентичности приобретают характер политической идентичности. При этом гражданину предстоит определиться в отношении к различным уровням множественной политической идентичности, «на одном он связан с этнической группой, на другом – с местным или региональным управлением, на третьем – с государством, на четвертом (в некоторых случаях) – с наднациональным образованием, например, Европейским Союзом».

Такое положение характерно для современного развития во всем мире, и Россия не является исключением. Практика показывает, что люди, особенно те из них, которые занимают активную позицию, склонны причислять себя к разным сообществам, причем далеко не только этническим.

Белая книга по межкультурному диалогу Совета Европы определяет межкультурный диалог как «открытый обмен мнениями на основе взаимоуважения между индивидуумами и группами различного этнического, культурного, религиозного и языкового происхождения. Это требует свободы и возможности выражать свое мнение одновременно с желанием и возможностью выслушивать точки зрения других». Таким образом, можно сказать, что межкультурный диалог – это личный и общественный процесс, происходящий между людьми, представляющими различные культуры. Он включает в себя как изучение других подходов к жизни, отличных от собственного, так и обмен идеями, взглядами и точками зрения, которые не всегда легко понять или принять.

Межкультурный диалог – это активные действия, за которыми обязательно должен быть результат. Результатом может явиться и осознание людьми своих собственных недостатков.

Сегодня в межкультурный диалог включается все большее количество как различных религиозных и светских общественных организаций, объединений, движений, так и конкретных людей. Увеличивается многообразие форм реализации межкультурного диалога, более разнообразным становится и формат мероприятий, проводимых в его рамках.

Одна из наиболее развитых форм межкультурного диалога – межкультурное образование, которое играет важную роль в приобретении знаний о различии культур, учит чувствовать безопасность при встрече с различиями, дает возможность людям использовать их позитивным, креативным образом. Межкультурное образование включает в себя как формализованные, так и неформализованные виды образования. Накопленный за последние годы опыт реализации программ обмена на учебном и научном уровне имеет далеко идущие последствия как для самих участников этих программ, так и для развития отдельных научных направлений, решения вопросов трудовой занятости, международной безопасности и т.д.

Межкультурному диалогу способствует и трудовая миграция. Принятие в 1997 году Европейской стратегии в области занятости и создание Европейского центра мониторинга расизма и ксенофобии устраняют препятствия на пути к повышению активности миграционных процессов.

Межкультурному диалогу помогает и вовлечение молодежи в процесс принятия решения как на уровне отдельных государств, так и на международном уровне. Молодежь – самая мобильная группа населения, наименее подверженная предрассудкам, ориентированная на включение в различные формы взаимодействия.

Важной составляющей межкультурного диалога является туризм, который содействует не только приобретению знаний о культурах других стран и народов, проживающих на их территории, но и решению ряда политических и экономических вопросов принимающих стран, обеспечению безопасности в принимающих регионах и формированию толерантных установок у граждан.

Сегодня формами распространения межкультурного диалога и борьбы с дискриминацией становится проведение различных

мероприятий, привлечение популярных музыкальных, театральных коллективов, создание международных волонтерских и социальных программ, создание совместной продукции культурно-просветительского характера, демонстрирующих единство различных этносов, вероучений и распространение в Интернете этой продукции (в блогах, социальных сетях, на форумах), проведение спортивных и культурных мероприятий с участием представителей разных народов (сборные спортивные команды, творческие коллективы и др.).

Совет Европы инициировал создание Белой книги по межкультурному диалогу «Живем вместе как равные», в работе над которой принимали активное участие гражданские и государственные институты России. В последние годы в рамках межкультурного диалога по всему миру проводятся международные форумы, конференции, симпозиумы, в работе которых принимают участие представители разных национальностей, конфессий, поколений. Так, ежегодно проводится Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», инициированный в 2002 году представителями общественности России, Индии и Греции. Последний, седьмой, состоялся в октябре 2009 года на острове Родос. В октябре 2006 года в Брюсселе состоялась конференция «Межкультурный диалог и европейские ценности: столкновение или сотрудничество?». В ноябре 2008 года в Казани был проведен Международный молодежный форум «Межкультурный диалог и его религиозное измерение». В рамках кампании Молодежного фонда Совета Европы под лозунгом «Все разные – все равны» проводятся десятки мероприятий. Директорат СЕ уже много лет проводит молодежную программу «Образование в области прав человека». Особое значение имеет выход в свет «Компаса» – учебника по образованию в области прав человека для молодежи. Важной вехой стал 2008 год, который был посвящен межкультурному диалогу.

В последние годы в международном календаре появились новые праздники, которые отражают надкультурные общечеловеческие ценности: 17 февраля – День спонтанного проявления доброты; 21 марта – Международный день борьбы за ликвидацию расовой дискриминации; 21 мая – Всемирный день культурного разнообразия во имя диалога и развития; 16 ноября – День

толерантности. Их празднование и популяризация способствуют межкультурной коммуникации.

Российский вклад в развитие межкультурного диалога состоит не только в участии в мероприятиях международного и европейского уровней, но и в создании условий для взаимодействия людей разных национальностей и вероисповеданий на территории страны. Так, в большинстве субъектов федерации созданы и действуют центры национальных культур. В различных городах России проводятся Дни национальных культур, фестивали, посвященные многообразию культурного достояния нашей страны, возрождаются национальные ремесла, создаются этнографические музеи, парки.

Широкое развитие общественных этнокультурных организаций способствует процессам нациестроительства, в рамках которого создается возможность конструктивного взаимодействия государства и гражданского общества.

Важной составляющей при реализации любых общественных инициатив международного или внутригосударственного уровня является эффективная законодательная база. Законодательное регулирование этнокультурного развития необходимо для создания предпосылок и гарантий равноправного развития культур всех народов, создания условий защиты права каждого гражданина на удовлетворение его языковых и культурных потребностей.

Как одно из крупнейших в мире многонациональных государств, как государство, стремящееся развивать демократические принципы и права человека, Российская Федерация не может оставаться в стороне от общеевропейских и мировых процессов. В современном обществе растут масштабы межэтнического и межкультурного взаимодействия как массового явления. Вместе с тем культура межнационального общения, цивилизованные формы и нормы поведения людей в сфере межнациональных отношений остаются в течение многих лет одной из наименее разработанных, наименее освещенных научно-теоретических проблем. Являясь одной из форм межнационального взаимодействия социальных общностей и индивидов, культура межнационального взаимодействия нуждается в социально-культурном, политико-правовом, морально-психологическом регулировании и социальном контроле.

Вопросы для самоконтроля

1. Раскройте понятие «межнациональное общение».
2. Какова структура межнационального общения?
3. В чем заключается общественная потребность межнационального общения?
4. Какие существуют формы потребности в межнациональном общении?
5. Какова роль языка в культуре этносов?
6. Как законодательно обеспечивается равноправие языков в России?
7. В чем состоит роль русского языка как средства межнационального общения?
8. Какова важность межкультурного диалога для единения человечества?
9. Как связано осознание собственной идентичности и развитие межкультурного диалога?
10. Каким образом происходит взаимодействие культур разных народов?

Список литературы

1. *Бранский В. П.* Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии. СПб., 2000.
2. *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 2003.
3. *Кочетков В. В.* Социология межкультурных различий. М., 2000.
4. *Кургинян С.* Стратегические итоги // Завтра. 1995. № 52.
5. *Мархинина В., Удалова И.* Межнациональное сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. Новороссийск, 1996.
6. Межкультурный диалог. Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / под ред. М. Ю. Мартыновой, В. А. Тишкова, Н. М. Лебедевой. М., 2003.
7. Основы межкультурной коммуникации / ред. А. П. Садохин. М., 2002.
8. *Серова Н. Н.* Культура межнационального общения. Минск, 1986.
9. *Сорокин П. А.* О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994.
10. *Тишков В. А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.
11. Толерантность в межкультурном диалоге / отв. ред. Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. М., 2005.
12. Толерантность и культурная традиция / под. ред. М. Ю. Мартыновой. М., 2002.

ГЛАВА 4. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

4.1. Правовая система как часть национальной культуры

Межнациональное взаимодействие имеет место не только при непосредственном участии в нем отдельных представителей той или иной национальности, но и на уровне государств (народов). Важным механизмом решения многих проблем, в том числе межнационального характера, на протяжении многих веков является право.

Основным моментом при рассмотрении межнационального взаимодействия являются взаимоотношения, возникающие между правовыми системами, в основе которых может быть принцип толерантности. От того, какова будет общая политика международно-правового общения, будут зависеть и взаимоотношения на более конкретных уровнях.

Для того чтобы понять, как толерантность может служить принципом взаимодействия и развития правовых систем современности, необходимо знать: во-первых, что представляют собой правовые системы; во-вторых, что может являться тем общим фундаментом, который помогает всем правовым системам, насколько бы разными они не были, мирно сосуществовать, взаимодействовать и толерантно относиться друг к другу.

В наш век чрезвычайного разнообразия мнений, плюрализма обществ и сложности проблем, мы встречаем растущую потребность понимания друг друга, общих или похожих трудностей. Поэтому важной задачей выступает определение подходов, которые могут способствовать развитию, взаимодействию национальных правовых систем и вместе с тем сохранению их самобытности.

Правовая система полностью соответствует действительным условиям реального мира человека и его взаимоотношениям в социальной жизни. Для наибольшей наглядности сказанного можно провести следующую аналогию с игрой в шахматы. Ладья, пешка или конь представляют собой не просто причудливые фигурки, стоящие на доске в клеточку, но и общую концепцию, смысл которой становится ясен лишь при изучении шахматных правил. Точно так же происходит и с правовой системой. В целом она воспринимается как в достаточной степени трудно идентифицируемая абстракт-

ция, но как только мы понимаем принципы ее построения, систему норм, определяющих ее содержание, структуру, механизм взаимодействия ее элементов, абстрактное обретает реальный смысл.

Правовая система – это реальная нормативная система, смысл и цель существования которой достигается только при наличии определенных принципов, структурных элементов и механизмов их взаимодействия, позволяющих регулировать отношения индивидов в обществе. Она оперирует нормами и понятиями, которые либо прямо, либо символически связаны с конкретными отношениями в реальной жизни, к примеру, нормы права, правосознание, правотворчество, форма права, система права, акт применения права, юридический факт и т. д.

Каждая правовая система определяется исходя из формального и содержательного критериев. При этом содержательная составляющая правовой системы включает в себя такие категории, как историко-культурное развитие, правовую культуру, правовые ценности, основные типы правопонимания. Формальная часть, в свою очередь, включает действующие источники права, основанные на опыте и менталитете народа; реципированные и адаптированные к правовой действительности нормы иностранного права; общие принципы и нормы международного права, действующие на территории государства в соответствии с доктриной международного права страны и четкими принципами согласования международного и национального права.

Право постоянно находится в процессе движения, совершенствования, следовательно, и категория «правовая система» – это не раз и навсегда сформированный комплекс правил и норм, регулирующих установленные отношения. Правовая система является неполным символом (знаком) выражения совокупности норм в рамках определенного государства, которые создают различного рода механизмы с целью регулирования отношений в обществе. Ее гибкость дает возможность для возникновения и формирования новых понятий, выходящих за рамки какого-то конкретного состава элементов правовой системы, действующего в настоящий момент. А это, в свою очередь, способствует совершенствованию самой правовой системы, и как результат – установлению (сохранению) стабильности отношений в обществе.

Отмеченные положения, касающиеся правовой системы, находят свое реальное воплощение и преломление в соответствии с происходящими в современном мире процессами. Сегодня оп-

ределяющей тенденцией мирового правового развития выступает усиливающийся процесс правовой конвергенции и связанной с ним интеграции в праве. Особые масштабы этот процесс приобретает в условиях *глобализации*, которая вносит изменения в саму концепцию цивилизации.

Глобальным юридическим явлением становится и международное взаимодействие национальных правовых систем. В результате этого расширяется и общность, которой в определенной степени обладают все виды человеческой культуры. Современное мировое сообщество рассматривает и само человечество как некую общность, в основе которой лежит общецивилизационная культура. Собственно и прогресс цивилизации происходит в ходе взаимодействия различных культур. В свою очередь, в основу общецивилизационной культуры положены общечеловеческие идеалы, которые находят свое обобщенное выражение в международных стандартах прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем, такой обобщенный подход к понятию общецивилизационной культуры не является основанием для объединения правовых систем, сложившихся в современном мире в некую единую правовую систему.

Развитие и совершенствование правовых систем зависит от взаимодействия с другими правовыми системами, в результате которого происходят процессы заимствования, совершенствования, упразднения тех или иных институтов права. Подобные процессы возможны по той причине, что существует некая общецивилизационная культура, которая является основой, способствующей, с одной стороны, взаимодействию культур, а с другой стороны, она же позволяет национальным правовым культурам сохранять свое своеобразие.

Общецивилизационная культура сформировалась в результате сложного взаимодействия с многочисленными культурами, сосуществующими в пространстве и времени, и поэтому в ней проявляется все богатство и разнообразие культуры человечества.

Иными словами, общецивилизационная культура является основой взаимодействия и основой для идентификации правовых культур. Какие бы сферы жизни ни затрагивали процессы *глобализации*, не должно наблюдаться растворение национальных правовых культур. Общее в полной мере можно оценить лишь посредством выявления особенностей. Так, например, если мы говорим о единой Европе, то это не означает, что Европа переста-

ет быть Германией, Голландией, Бельгией с точки зрения именно культурной идентификации. Последняя сохраняется, но усиливается экономическое и правовое единство за счет унификации, гармонизации и рецепции права.

Идентичность же национальных правовых культур сохраняется, в том числе и идентичность права. Государства могут заимствовать друг у друга правовые нормы, *институты*, отрасли права, но не правовую систему в целом. Кроме того, включенные в правовую систему нормы иностранного права приобретают национальную специфику в процессе их применения. Это позволяет говорить об относительной самостоятельности права.

«Если говорить о глубинном значении глобализации, – отмечал Генеральный секретарь Конференции ООН по торговле и развитию Р. Рикуперо, – то оно заключается в универсальности демократических ценностей, в этике, которая поощряет диалог, понимание и сотрудничество между культурами, религиями и цивилизациями». Именно в таком аспекте и необходимо понимать процессы глобализации, затрагивающие правовую сферу и отвечающие принципам толерантности.

В силу того, что в различных странах и регионах генезис правовых систем имеет свои исторические и культурные особенности, проявляется и специфика национальных правовых систем, их самобытность.

Историческая основа важна, так как центральные черты современного права можно понять только обращаясь к его истокам. Так, современные классификации правовых систем основаны на настоящих фактах, интерпретированных в свете истории. Только в такой перспективе определенные элементы, которые иным способом не привлекли бы большого внимания, выглядят важными и объединяют неизменные черты правовой системы.

Тесно связано с историческим и культурное развитие правовой системы, которая является «уникальным продуктом» целого комплекса особых и не в последнюю очередь культурных факторов. Каждая правовая система – это, прежде всего, «неотъемлемая составная часть культуры любой страны». Соответственно понимание последней помогает выявить важнейшие специфические черты и особенности первой и наоборот. Причиной, обуславливающей значимость данного критерия, является активное взаимовлияние, а в некоторых случаях и единение национальных культур современных государств.

Правовые системы, кажущиеся автономными, в действительности в большой степени связаны со структурой и историей общества. Но и сами общества не являются автономными. Своими обычаями, религией, искусством, мировоззрением, т. е. тем, что можно назвать этико-телеологическим соответствием и их реальным окружением, правовые системы связаны с той культурой, к которой они принадлежат и чью картину мира, общества и человека они отражают с помощью социальной системы ценностей. В связи с этим появляется вопрос, не является ли объяснением родства правовых систем одной правовой семьи отношения между каждым обществом и соответствующей ему культурой, с одной стороны, и различий между правовыми системами разных правовых семей именно потому, что их общества принадлежат к различным культурам – с другой.

Правовые семьи выступают в качестве категориальных архетипов, которые объединяют большинство близких правовых систем. На первый взгляд они являются исключительно конструктами человеческого единства. Однако более тщательное исследование показывает, что они обладают исторической основой, так как каждая правовая семья есть отражение той или иной культуры.

Между культурами существуют незначительные различия, которые сводятся к тому, что народы, имеющие свой исторический опыт, обнаруживают разные этические признаки. Внутри подобного культурного окружения народности и национальности также сохраняют свою индивидуальность. Культура – это ни в коем случае не однообразие, а напротив, разнообразие внутри единства. Изнутри культура вовсе не кажется некой целостностью; скорее, она задает горизонт, постоянно удаляющийся по мере приближения к нему.

Сказанное верно и в отношении права. Как общество и нации пространственно и временно вливаются в определенное культурное окружение, так и правовые системы выступают одновременно фактором и продуктом культуры, к которой принадлежат общества и нации. Их историческое прошлое, их общая система ценностей, их общие специфические структуры являются факторами, которые создают между соответствующими правовыми системами типологическое родство и в то же время связаны соответствующей культурой. Это объясняет, почему, с одной стороны, правовые системы выделяют среди определенных элементов мировоззрение, характерные признаки и целевые установки культурного окружения,

которому они принадлежат; с другой же стороны – почему существует так много форм права, как и культур. Таковыми являются неповторимость и своеобразие культурных сфер. Это также своего рода объяснение неповторимости и своеобразия сферы права.

Культура – это исторические рамки, охватывающие родственные общества и нации, которые были заключены на правовом уровне в соответствующие правовые рамки. Правовые рамки, существующие благодаря родству правовых норм, являются частью соответствующей культуры и отражают ее. Это означает, что право, как и религия, обычаи, искусство и все другие историко-социальные феномены, не является автономной реальностью. Данные феномены находятся не вовне, а внутри определенной историко-социальной ситуации, и значит – внутри одного большого единства, а именно соответствующего культурного окружения.

Право является одновременно причинным фактором культуры и ее результатом. Когда право как автономно созданное явление рассматривается вне культуры, тогда едва ли возможно понять различные правовые семьи, которые сегодня противопоставляются друг другу. Только путем классификации правовых систем и посредством их связи с соответствующими культурными кругами можно понять действительный характер правовых систем и правовых семей и их отличие друг от друга.

Правовые системы каждого государства определяют наиболее приемлемые пути и средства восприятия и обеспечения применения международного права на национальном уровне.

Особую актуальность приобретают вопросы соотношения международного и национального законодательства и для правовой системы России и для правовых систем СНГ, которые сегодня находятся в стадии формирования и определения дальнейшего пути развития.

Национальное и международное право – это две самостоятельные правовые системы, имеющие каждая свой объект регулирования. Вмешательство какой-либо из систем в регулирование не своего предмета ведения приводит к нарушению действующих в международном и национальном праве общепризнанных норм и принципов.

Нормы международного права могут иметь прямое действие на территории суверенного государства только с его санкции и как составная часть внутригосударственной правовой системы.

Воздействие международного права на внутригосударственное осуществляется не непосредственно, а «опосредуется волей

государства, которое одновременно является и участником международно-правового отношения, и территориальным сувереном» (Усенко Е.Т., 1995. С. 16). По этой причине на территории государства может действовать только воля самого государства.

Степень же влияния международных норм на национальное право и основания для их реализации во внутригосударственном законодательстве должны быть четко определены в последнем.

Сегодня процесс сближения и согласования норм международного и внутригосударственного права неизбежен, так как внутригосударственное право нередко направлено на обеспечение выполнения положений права международного.

На современном этапе развития межгосударственных отношений наблюдается углубление взаимодействия между правовыми системами, а не стирание границ между ними.

Реализация таких принципов отношений и взаимодействия национального и международного права будет способствовать толерантному и плодотворному общению правовых систем и государств.

Таким образом, можно выделить основные подходы, которые сегодня используются при оценке правовых систем современности.

Во-первых, настоящими носителями правовой семьи являются не правовые системы, а культуры. Право как историко-социальное явление пространственно и временно связано с определенным культурным контекстом, поэтому истинное объяснение существования правовых семей находится в культурах. Правовые семьи являются юридическим выражением культурного круга, которому принадлежат охватываемые ими правовые системы. Они являются выражением культуры, по мере того, как они передают мировоззрение, ценностные представления и цели соответствующей культуры.

Во-вторых, в очень обобщенном смысле можно провести различие между четырьмя большими культурами или культурными семьями в мире: африканская; азиатская; исламская; культуры с европейскими корнями (Европа, Америка, Океания), которые, в широком смысле, можно назвать «западной культурой». Некоторые страны относятся к двум из этих культур (например, Россия) или имеют ярко выраженное положение в одной (например, Индия – в азиатской правовой культуре). Но все страны можно классифицировать в рамках одной или двух из этих культурных семей.

В-третьих, каждую отдельную правовую норму, правовое решение или иную юридическую практику можно понять только в рамках другого мирового взгляда и фундаментально отличной концепции права и его роли в обществе.

В качестве примера вышеназванных подходов можно привести особенности российской правовой системы, направленные на сохранение как единой культуры Российской Федерации, так и культуры и обычаев народов, входящих в ее состав.

Система нормативных актов в Российской Федерации не исчерпывается государственным уровнем. Свои подсистемы таких актов создаются в регионах: конституции и законодательство – в республиках; уставы и законодательство – в других субъектах Федерации (ч. II ст. 5 Конституции РФ).

Существует также самостоятельная подсистема нормативных правовых актов – акты местного самоуправления. Самостоятельность данной подсистемы актов обусловлена тем, что местное самоуправление не входит в систему государственных органов, а осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях. Тем самым обеспечивается самостоятельность населения в решении вопросов местного значения, например, таких как структура органов местного самоуправления (ст. 130 и 131 Конституции РФ).

Конвенция Международной Организации Труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, исходит из того, что коренные народы будут продолжать существовать как часть национального общества своих стран, сохраняя свою самобытность, свои структуры и традиции. За ними признается неотъемлемое право на определение приоритетов своего развития. Несмотря на то, что данная конвенция Россией не ратифицирована, наше государство стремится достичь в этой области международных стандартов. Об этом свидетельствует анализ имеющейся законодательной базы в отношении регулирования положения коренных малочисленных народов, в том числе и возможности применения их этнических обычаев. Так, Конституция РФ 1993 года, провозглашая равноправие и самоопределение народов (ч. 3. ст. 5), равенство прав и свобод граждан независимо от национальности, места жительства, религии и других обстоятельств (ч. 2. ст. 19), выделяет коренные народы как общности, сохраняющие традиционные черты жизни. Таким образом определяется особое отноше-

ние к обычаям указанных народов и гарантируются их права в соответствии с общепризнанными принципами, нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ч. 4 ст. 15) (Кряжков В.А., 1994. С. 20). Статья 62 Конституции РФ определяет коренные малочисленные народы в специальную группу, имеющую особый правовой статус. Статья 72 закрепляет в качестве предмета ведения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических обществ и разрешает осуществлять местное самоуправление с учетом местных традиций (ст. 131).

После ратификации Российской Федерацией Рамочной конвенции «О защите национальных меньшинств» в нашем государстве как на федеральном, так и на региональном уровне был принят ряд соответствующих нормативных документов.

Так, Федеральный закон от 30 апреля 1999 года «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ст. 2208) определяет традиционный, исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований. Особенно стоит отметить норму ст. 14, в которой предусмотрено, что при рассмотрении в судах дел, где в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых выступают лица, относящиеся к малочисленным народам, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов, не противоречащие федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации.

Такой подход российского законодателя полностью согласуется с международно-правовыми нормами. Международное признание самостоятельной правосубъектности народов позволяет говорить о необходимости учитывать их традиции и обычаи как источник права, об обязательности их применения при рассмотрении в судах дел с участием представителей малочисленных народов.

Федеральный закон от 20 июля 2000 года «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ст. 3122) установил, что решения по вопросам внутренней ор-

ганизации общины малочисленных народов и взаимоотношений между ее членами могут приниматься на основании их традиций и обычаев, не противоречащих законодательству как федеральному так и субъектов РФ, и не наносящих ущерба другим этносам и гражданам, а также определяет правовые основы общинной формы самоуправления и государственные гарантии его осуществления (ст. 4). То есть государство признает те институты обычного права, которые, например, относятся к традиционному земле- и природопользованию и включают предоставление большей или меньшей возможности самоуправления.

Кроме этого, в Российской Федерации имеется ряд федеральных правовых актов, в которых закреплена обязанность государственных служащих проявлять толерантность по отношению к обычаям и традициям представителей этнических общностей. К примеру, в разделе 1 Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации (одобрена Распоряжением Правительства РФ от 9 февраля 2001 года № 196-р) федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления при осуществлении приграничного сотрудничества принимают во внимание «исторически сложившиеся связи с сопредельными государствами, традиции и обычаи населения, проживающего на приграничных территориях Российской Федерации и сопредельных государств».

Более широко категория этнического обычая используется на региональном уровне, так как именно региональное законодательство должно учитывать и отражать особенности этнических общностей, проживающих на соответствующей территории субъекта РФ. В Конституциях республик Северного Кавказа закреплены нормы об охране самобытности этнических меньшинств, необходимости уважения их культуры, традиций и обычаев. Так, например, Конституция Республики Ингушетия содержит следующие нормы:

«Статья 3. Сохранение и защита исторического и культурного наследия народов, их национальной самостоятельности – высшая цель государства»;

«Статья 37. В Республике Ингушетия гарантируется свобода совести, вероисповедания и религиозной деятельности при условии соблюдения Конституции и закона. Государство создает условия для утверждения нравственных ценностей религии, способс-

твует сохранению и развитию национальных традиций и обычаев народов Ингушетии».

Согласно ст. 5 Конституции Дагестана, «Республика Дагестан гарантирует права коренных народов и национальных меньшинств в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами. Республика Дагестан признает и уважает национально-культурную и историческую самобытность народов Дагестана, создает условия для сохранения и развития культурных и исторических традиций народов Дагестана».

Конституция Кабардино-Балкарской Республики (п. 2 ст. 32) гарантирует государственную поддержку традиционных для народа Кабардино-Балкарии религиозных конфессий и движений, а также устанавливает преследование по закону «за распространение информации, несовместимой с морально-нравственными и национальными традициями и устоями народов Кабардино-Балкарской Республики» (п. 5. ст. 35).

Конституция Республики Адыгея определяет, что «в совместном ведении Российской Федерации и Республики Адыгея находятся защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (п. 1 «м» ст. 54).

В Конституции Чеченской Республики есть норма, в которой установлено: «Общепризнанные традиции и обычаи народов Чеченской Республики – уважение к старшему, женщине, людям различных религиозных убеждений, гостеприимство, милосердие – священны, охраняются Конституцией ЧР и законами Республики» (ч. 4 ст. 35).

Анализ действующего российского законодательства показывает, что этнический обычай как регулятор соответствующих общественных отношений имеет юридическую силу и действует в совокупности с другими источниками права. Несмотря на то, что законодательная база применения этнического обычая может быть достаточно высоко оценена, как отражающая потребности общества в учете интересов отдельных этнических групп, практики применения обычного права еще недостаточно. В каждом государстве существует национальная правовая система. И она будет эффективна только в том случае, если учитывает менталитет, культуру и правосознание народа, основы которых заложены в существующих издревле законах и обычаях.

4.2. Взаимодействие обычного права и морали (на примере народов Северного Кавказа)

В определенные периоды развития государства и общества существует повышенная потребность в сохранении стабильности общественной жизни. В таких условиях в системе регулирования общественных отношений должны получать распространение формы, которые наиболее понятны и близки субъектам правоотношений и тем самым способствуют упрочению социальных структур, являются действенным средством предотвращения национальных конфликтов. Таковую задачу более эффективно выполняют правовые обычаи, отвечающие моральным, религиозным и правовым воззрениям индивидов в обществе. Обычное право является не просто основой, но и условием преемственного и стабильного развития государства, составляющим одно из его качественных своеобразий.

Именно сегодня в условиях современных российских реалий возникла объективная необходимость принципиально новой оценки той позитивной роли, которую может играть правовой обычай в правовой системе государства. Особенно это важно для государств постсоветского пространства, чьи правовые системы находятся в процессе определения дальнейших путей развития и совершенствования. Обычное право – это не пережиток прошлого, а постоянный фактор правового развития общества. Обычное право неизменно развивается вместе с развитием любого общества, как неотъемлемый компонент жизни соответствующего народа и включенных в него сообществ.

Взаимодействие правового обычая и морали в регулировании общественных отношений имеет большое значение. Процессы, происходящие в политико-правовой сфере новых государственных образований, возникших на Северном Кавказе в результате распада СССР, яркое тому подтверждение. Народам этих республик приходится заново создавать соответствующие формы социального регулирования, для чего в необходимых случаях используются прогрессивные правовые обычаи, а также моральные и иные социальные нормы. В республиках Северного Кавказа правовые обычаи всегда являлись традиционным регулятором общественных отношений.

Правовой обычай – это социальная норма (правило поведения, предписание, социальный императив, авторитарное влияние группы или групп, в рамках которых действует тот или иной обычай), обязательность которой определена самим обществом, в последующем санкционирована его специальными органами

(судебными или законодательными), действие, изменение и прекращение действия которого обусловлены конкретным нравственным, национально-культурным, социально-экономическим и историческим развитием данного общества.

Обычное право как совокупность правовых обычаев следует рассматривать в трех аспектах:

- 1) как генезис феномена общественного сознания и практики;
- 2) в аспекте изучения опыта взаимоотношений государства и традиционных обществ;
- 3) как «оценку степени отражения зафиксированными нормами обыденной практики социального регулирования» (Карлов В.В., 1997. С. 71)

Обычай консервативен, он закрепляет результаты общественного опыта, воспринятые культурой народа. Не случайно большинство норм обычного права совпадает с религией и моралью, выражая их ценности. По мнению современного исследователя права М.Н. Марченко, «...исторически правовой обычай играл существенную роль в становлении и развитии государственно-организованного общества. По мнению многих исследователей, на основе обычая изначально строились все национальные правовые системы» (Марченко М.Н., 2005. С. 597). По своей сути, обычай есть сопутствующий развитию человечества от его древнего состояния до современности социальный институт, выполняющий регулятивные функции в человеческих сообществах и группах в целях упорядочения отношений между людьми (Зивс С.Л., 1981) Правовые обычаи и основанное на них обычное право объективно существуют в ранних государственных образованиях, играя весомую роль в формировании национальных правовых систем.

По замечанию Б.С. Саламова, ни один исследователь не отважится назвать конкретное начало формирования национальных обычаев. Как своеобразные общественные явления, они начинают складываться еще задолго до появления нации. Они вызревают постепенно в недрах общества вместе с основными признаками нации – общностью языка, территории, экономической жизни и так далее (Саламов Б.С., 1968. С. 51). Огромное влияние оказывают национальные, религиозные и иные особенности, присущие конкретному этническому образованию (или их совокупности), а также те привычки, традиции и обычаи, которые, длительное время повторяясь и закрепляясь в сознании человека, становятся нормами поведения.

Правовой обычай формируется, действует и изменяется в соответствии с принципами нравственности и нормами морали. Мораль принадлежит к числу основных типов нормативной регуляции действий человека, таких как право, обычаи, традиции и другое. Регулятивные нормы (обычно-традиционные, нравственные) формируются в процессе жизненного общения и совместной жизнедеятельности людей. Содержание этих норм составляет исторически накопленный и применяемый в практической жизни опыт. Они являются социально необходимыми, обязательными для поведения всех людей. Общество само вырабатывает, исполняет, изменяет или прекращает действие нормы. Это реальная историческая возможность, специально не оговоренная и не имеющая формальных прерогатив. Подобные нормы являются частью морального сознания общества. Их общественная регуляция происходит посредством суждения на основании имеющихся моральных категорий, принципов, ценностей и идеалов. Цель такой регуляции также почти всегда осмысливается как моральная.

Каждая социальная норма защищает определенную правовую ценность. «Общество никогда не поймет правовых норм чуждой ему правовой культуры, если в них отсутствуют присущие ему ценности. И сколько бы законодатель ни объяснял значимость для жизни этого общества данной совокупности норм, пока ценности, лежащие в основе этих норм не станут значимыми, затрагивающими глубокие пласты сознания людей, руководствоваться в своих действиях, мыслить ими никто не будет» (Овчинников А.И., 2003. С. 2).

Народы Северного Кавказа обладают достаточно сложной и разнообразной структурой верований и обычаев. Одной из особенностей этнических сообществ Северного Кавказа является то, что, несмотря на распространение монотеистических религий, их верования носили синкретический характер, сохраняя традиционные языческие представления.

Северный Кавказ характеризуется разнообразием этнических групп и подгрупп. Разная история и разные религии, разные языки и самобытные культуры. И при этом поразительное сходство или общность норм обычного права. Более того, в этом регионе в течение веков сложилась фактически единая система моральных требований: имея существенные локальные особенности даже в пределах одной этнической общности, она все же обладает рядом общих черт. Можно сказать, что каждая этническая группа имеет свой моральный кодекс, регулирующий совместно с обычным правом жизнь этносообщества.

Возникновение обычного права на Северном Кавказе было обусловлено совокупностью определенных социальных, экономических, духовно-культурных предпосылок для каждого этнического сообщества. Общим названием правовых обычаев у всех народов Северного Кавказа служит адат. По определению А. Руновского, понятие «адат» имеет значение «обычая, живущего в народном предании; способа и разбирательства судебных дел; закона, действующего в определенной местности... Жить по адату, судиться по адату – значит жить по тем неписаным правилам, которым руководствовались с незапамятных времен» (Руновский А., 1862. С. 328).

По словам З.Х. Мисрокова, «проследить развитие традиционного адата на Северном Кавказе и осмыслить его – значит повернуться лицом к еще далеко не раскрытым аспектам права как феномена разума и особого менталитета», при этом «...решающим постулатом, определяющим феномен адатного права, остается воплощение в его нормах требования справедливости и разума, которые трансформируются в важнейшее правовое начало – справедливость права и правосудия» (Мисроков З.Х., 2002. С. 21–28). По мнению В.И. Семенова, «понятие справедливости было важнейшим в обычном праве... Возникнув в сфере обычного права, понятие справедливости затем вошло и в число категорий морали» (Семенов Ю.И., 2000. С. 17).

Анализ обычного права Северного Кавказа свидетельствует об общих чертах правового обычая и морали, проявляющихся в том, что они:

- 1) составляют в едином целом содержание культуры общества;
- 2) являются при этом формами сознания;
- 3) служат регуляторами поведения людей;
- 4) состоят из общих правил поведения, выражающих определенную волю. Кроме того, в них присутствуют санкции, обеспечивающие негативные последствия для нарушителей нормы.

Таким образом, развитие адатного права на Северном Кавказе обусловлено, в первую очередь, особенностями менталитета горских народов, а также влиянием мусульманского права (ислама), а позднее и российского законодательства. Нормы адата и шарията, тесно выступающие регуляторами общественной жизни, впоследствии были институционализированы и включены в правовую систему Российской империи.

Советская система пришла на Кавказ с идеей национально-территориальной автономии и государственной независимости народов. Но автономность и независимость «союзных республик» были фиктивны. Любое действие местных властей жестко контролировалось. Тем не менее, в заданных советской властью рамках культурное национальное строительство было возможно и даже поощрялось, особенно в 1920–1930 годы. В результате чего сложилась национальная интеллигенция. В годы советской власти фактически оформилось этническое самосознание большинства народов Кавказа. Однако репрессии, принятые в отношении высших сословий народов Северного Кавказа – аристократии, духовенства, интеллигенции, то есть главных носителей и создателей национального сознания, привели к еще большему смешению кавказских этносов в 1970–1980 годы. Распад СССР и этнические революции полностью прекратили этот процесс, направленный на создание «человеческой общности нового типа».

Отказ от религии, искоренение традиций и обычаев явилось одной из причин такой ситуации, когда они, являясь основой материальной и духовной жизни народов Северного Кавказа, были исключены из системы образования, что привело к утрате многовекового духовного опыта коренного населения.

Особенности современного применения норм правового обычая на Северном Кавказе во многом предопределены историческими причинами, характером социально-экономических процессов в XIX–XX веках. За этот период произошла эволюция таких традиционных социальных институтов, как фамильно-патронимические структуры, традиционное судопроизводство, сельские сходы, роль в обществе старейшин и так далее (Крылов А., 2001).

В современных этнических обществах Северного Кавказа до сих пор в сфере брачно-семейных отношений, в регулировании межличностных споров применяются решения Советов старейшин (услуги авторитетных посредников), основанных на обычно-правовых нормах. Традиционные институты стали важным инструментом психологической реабилитации и социальной защиты этнических сообществ Северного Кавказа. Кроме того, в сельской местности «они превратились в действенный механизм самоуправления, в ведение использующих традиционное право старейшин фактически перешла значительная часть местного судопроизводства» (Крылов А., 2001. С. 89). Совет старейшин – общественный институт, который традиционно регулировал нормы общежития и взаимоот-

ношения людей на Северном Кавказе. В Российской Федерации Совет старейшин осуществляет свою деятельность на основании Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (принят 19.05.1995 в ред. от 02.02.2006). На основании данного закона в республиках Северного Кавказа принят целый ряд документов, регламентирующих деятельность Советов старейшин. Так, в Положении о Совете старейшин Республики Дагестан (утвержден Указом Президента Республики Дагестан от 12 апреля 2006 года № 32) определяется его статус как совещательного и консультативного органа при Президенте Республики Дагестан. Старейшины участвуют в решении наиболее важных проблем общественно-политической жизни республики.

В 2007 году создана международная общественная организация «Ассоциация Советов старейшин народов Кавказа». В ее которой входят представители Абхазии, Кабардино-Балкарский, Карачаево-Черкесии, Дагестана, Северной Осетии – Алании, Почетных Стариков Всевеликого войска Донского, Терского казачества и Южной Осетии. Организация видит свои цели и задачи в укреплении мира и стабильности на Кавказе, в утверждении идеи общего Кавказского дома и сохранении его для будущих поколений.

Учитывая, что традиционные регуляторы являются важным средством правовой и социальной защиты северокавказских этносов, современное государство пошло по пути активного включения местных обычаев и традиций в законодательную базу России.

Анализ современного законодательства, как федерального, так и регионального уровня, свидетельствует о возрастании роли правового обычая как источника права, непосредственно отражающего правовую культуру и национальное самосознание народа, что особенно важно в условиях глобализации для сохранения национальной и культурной идентичности государств и правовых систем.

Таким образом, обычное право может явиться тем спасительным элементом, который позволит сохранить самобытную правовую культуру, правовую систему для наилучшего регулирования внутригосударственных, общественных отношений. Это в конечном итоге должно привести к закреплению господства права в государстве и обществе и к дальнейшему успешному формированию правового государства.

Отдавая должное исторической роли обычного права и осознавая при этом невозможность возвращения периода его господства, следу-

ет тем не менее ожидать, что в будущем желание и осознание необходимости применения правовых (этнических) обычаев как со стороны соответствующих этнических сообществ, так и со стороны государства возрастет. Анализ современной истории показывает, что сейчас на Кавказе государственное право часто теряет должную юридическую силу, а его роль переходит к неписаным правовым обычаям. Нередко эти обычаи, даже сложившиеся еще при советской власти, принимают за возродившиеся традиции обычного права. При этом совершенно не учитывается, что обычное право под влиянием мусульманского права, законодательства Российской империи, а затем проводимых советских преобразований, неузнаваемо изменилось. Современные нормы обычного права находятся в тесном взаимодействии с российским и мусульманским правом. Это особенно ясно видно на примере правового функционирования местной, региональной власти.

Начало XXI века отмечено наличием неопровержимых фактов широкого и повсеместного неформального применения обычного права значительной частью населения республик Северного Кавказа для урегулирования последствий многих преступлений, а также в семейных спорах и конфликтах. Нормы морали и обычного права, сложившиеся в процессе эволюции на Северном Кавказе, сохранились до сих пор и продолжают играть существенную роль в регулировании общественных отношений в этом регионе.

В республиках Северного Кавказа правовой обычай неофициально продолжает регулировать общественные отношения, целиком или частично находящиеся вне контроля государства. Применение обычного права у разных народов Северного Кавказа показывает, что оно и сегодня сохраняет достаточно мощный потенциал, проявляющий себя часто наряду, а в некоторых случаях и в противовес нормативно-правовым актам государства (Мальцев Г.В., Шапсугов Д.Ю., 1999).

Многие исследователи полагают, что современное реформирование российского законодательства должно происходить с учетом более широкого и активного закрепления с помощью обычно-правовых норм, национальной культуры и религии каждого этноса без ущемления прав других этносообществ, проживающих на определенной территории (Баранов П.П., Овчинников А.И., 2002).

Таким образом, можно выделить ряд позиций, показывающих важную роль обычного права как в отношении государств и народов, так и конкретных людей, их представляющих.

Во-первых, современная конвергенция правовых систем возможна только по той причине, что существует некая общецивилизационная правовая культура, сформировавшаяся на основе правовых обычаев, некогда присущих различным народам.

Во-вторых, действующая в каждом государстве национальная правовая система будет эффективна только в том случае, если она будет строиться с учетом правового менталитета, правовой культуры и правосознания народа, истоки которых находятся в правовых обычаях, существующих издревле.

В-третьих, сближение различных правовых систем путем заимствования институтов и норм друг друга будет возможным только в случае их соответствия национальному правосознанию и правовой культуре, постичь которые без знания обычного права не представляется возможным.

В-четвертых, именно правовые обычаи не позволят национальной правовой системе утратить свою самобытность, индивидуальность в рамках общемировых процессов универсализации и подведении всех под общий знаменатель.

Чуждые правовой системе, национальной специфике государства и права в целом, нормы и институты иностранного права не находят понимания в национальном правовом сознании и, соответственно, если и не наносят вред, то абсолютно бесполезны.

В погоне за объединением и универсализацией законодательных и правовых систем национальных государств важно не утратить главную составляющую права и закона: обусловленный историко-культурным происхождением и развитием государства и права менталитет народа, его правовую культуру и самобытность, то есть те аспекты, которые придают культурно-национальную специфику каждому государству и его правовой системе.

Только близкое к культуре, менталитету, ожиданиям народа право будет находить отклик в сознании членов общества и, соответственно, выполняться на практике.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каково понятие и содержание правовой системы?
2. Что представляет собой правовая семья?
3. В чем заключается особенность правового обычая и морали как регулятивных норм?
4. Какие сферы общественных отношений народов Северного Кавказа регулируются обычно-правовыми нормами (формально и неформально)?

5. В каких нормативных актах закреплена возможность применения этических обычаев?
6. Каково значение правового обычая и морали в национальной правовой системе в условиях глобализации?

Список литературы

1. *Алексеев С. С.* Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000.
2. *Баранов П. П., Овчинников А. И.* Правовая этнология – современное самостоятельное направление в отечественной юридической науке // *Философия права.* 2002. № 2.
3. *Зивс С. Л.* Источники права. М., 1981.
4. *Карлов В. В.* Обычное право народов Сибири и его изучение // *Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы).* М., 1997.
5. Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2006.
6. *Крылов А.* Религия и традиция абхазов. М., 2001.
7. *Лукашук И. И.* Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.
8. *Мальцев Г. В., Шапсугов Д. Ю.* Обычное право в России: проблемы теории и практики. Ростов н/Д, 1999.
9. *Марченко М. Н.* Источники права. М., 2005.
10. *Мисроков З. Х.* Адат и Шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002.
11. *Овчинников А. И.* Социокультурная самобытность правового мышления и юридическая этнология. Таганрог, 2003.
12. *Руновский А.* Кодекс Шамиля // *Военный сборник.* Т. XXII. 1862.
13. *Саламов Б. С.* Обычаи и традиции горцев. Орджоникидзе, 1968.
14. *Семенов Ю. И.* Основные понятия обычного права: Возникновение и развитие // *Юридическая антропология. Закон и жизнь.* М., 2000.
15. *Степанов В. В.* Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии в России // *Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии.* М., 2006.
16. *Усенко Е. Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // *Московский журнал международного права.* 1995. № 2.

ГЛАВА 5. КОНФЛИКТЫ КАК ФОРМА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

5.1. Межнациональные конфликты: природа и управление

Под конфликтом (с лат. – столкновение) понимается такой способ взаимодействия людей, социальных общностей и институтов, при котором действие одной стороны, столкнувшись с противодействием другой, препятствует реализации ее целей (интересов) (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 1999). Межнациональные конфликты по своей природе относятся к категории социальных. Социальный конфликт – борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, устраняют своих соперников или наносят им ущерб (Козер Л., 2000. С. 32).

Конфликты несут серьезную угрозу стабильности общества, однако они выполняют и позитивные функции. Большинство исследователей признает, что конфликты в сфере этнических взаимодействий – одни из наиболее опасных для общества, т.к. в них очень высока вероятность применения насилия и возникновения разрушительных последствий.

В.А. Тишков относит к этническому конфликту любые формы гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или хотя бы одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий. Как отмечает автор, выделить этнический конфликт в чистом виде невозможно, поскольку таковых практически не существует в природе (Тишков В.А., 1997. С. 476).

Принципиальный вопрос понимания специфики межэтнических конфликтов – это вопрос об их связи с самим феноменом этничности: являются ли конфликты между этносами сущностными, заложенными в этническом многообразии человечества, или они сугубо функциональны? Как показывает практика, не этничность составляет суть большинства таких конфликтов, она лишь форма их проявления. В конфликтных ситуациях обнажаются противоречия, которые существуют между сущностями людей, консолидированными на этнической основе. Далекое не в каждый конфликт бывает вовлечен весь этнос, это может быть его

часть, группа, которая ощущает или даже осознает противоречия, ведущие к конфликту.

В реальности существуют взаимопроникающие конфликты, каждый из которых составляет питательную среду для другого. Не случайно даже специалисты-конфликтологи часто не могут прийти к единому мнению о том, с каким конфликтом они имеют дело – с межэтническим в политическом камуфляже или наоборот.

По мнению одного из ведущих российских специалистов в вопросах этнической конфликтности В.А. Авксентьева, можно выделить несколько групп концепций межэтнического конфликта, как правило, связанных с определенным пониманием этничности (см.: Авксентьев В.А., 2001. С. 103–123). Среди них:

1. Атрибутивные концепции этнического конфликта, которые трактуют этнические конфликты как неотъемлемую часть исторического процесса.

2. «Реалистические» концепции, признающие в качестве движущих мотивов участия людей в этнических конфликтах две основные цели – власть и материальные ценности.

3. Позиционные концепции, трактующие этнический конфликт как несовместимые позиционные различия относительно достижения этнических целей, интересов и ценностей.

4. Концепция диффузии, согласно которой этнические конфликты являются признаком дисфункции социальных систем.

5. Концепция лингвистического этнического конфликта, предложенная Г. Форбсом.

6. Концепции, рассматривающие этнические конфликты в контексте геополитики и влияния на них международных процессов.

Межэтнические конфликты множественны по своей природе. Исследователи предлагают самые разные их классификации. По целям, которые ставят перед собой вовлеченные в конфликт стороны, межэтнические конфликты можно подразделить на (Авксентьев В.А., 2000):

– социально-экономические, при которых выдвигаются требования гражданского равноправия (от прав граждан до равного экономического положения);

– культурно-языковые и профессиональные, при которых выдвигаемые требования затрагивают проблемы сохранения или возрождения функций языка, культуры, религии, этнической общности;

– политические, если участвующие в них этнические меньшинства добиваются политических прав (от автономии местных органов власти до полномасштабного конфедерализма);

– территориальные, если в их основе лежат требования изменения границ, присоединения к другому («родственному» с культурно-исторической точки зрения) государству или создания нового независимого государства.

Кроме целевого подхода, природу межэтнических конфликтов можно рассматривать с точки зрения структурных изменений в обществе как основу противоречий, приводящих к конфликтам.

Этносоциологи (Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А., Губогло М.Н., Тощенко Ж.Т.) считают, что в основе межэтнической напряженности лежат процессы, связанные с модернизацией и интеллектуализацией народов. «В социологии известен закон возвышающихся социальных ожиданий. Чем активнее включаются народы в процессы урбанизации, интеллектуализации, модернизации в целом, тем шире становится диапазон их потребностей» (Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А., 1999). Эти процессы привели к тому, что в престижных видах деятельности стала нарастать конкуренция между титульными и другими этносами.

Межэтнические отношения не существуют в чистом виде, они являются комплексом политических, социальных, религиозных, экологических и других проблем. Поэтому в тех или иных событиях, неурядицах, а порой и трагедиях выделить собственно национальный фактор сложно.

Рассматривая проблему детерминации этнополитического конфликта, М. Гектер выдвигает концепцию «внутреннего колониализма», в которой обосновывает «триадную модель» возникновения этнополитической напряженности:

1) конфликтогенную по своей природе объективную обделенность этнических периферийных групп многонационального государства в процессе его неравномерной модернизации;

2) осознание этой обделенности членами этнической группы как образа коллективных центрo-периферийных взаимоотношений угнетения;

3) формирование этнонационализма как реакции угнетаемой общности на «внутренний колониализм» центра.

В условиях разрушения социальных связей, устоявшихся моделей человеческих отношений усиливается роль национальнос-

ти как традиционно значимого канала социальной идентификации. Различные течения этноцентризма, включая разновидности национализма и крайнего шовинизма, превращаются в особые формы преодоления комплекса неполноценности, присущего маргинальным слоям. Национализм может служить своеобразной приманкой, с помощью которой социальные низы вовлекаются в орбиту влияния политических партий, решающих задачи политической мобилизации населения.

Существуют и ситуационные источники этнополитических конфликтов:

1) внезапное исчезновение сдерживающих факторов внешней среды, что может произойти из-за быстрого ослабления высшей политической власти или неожиданного исчезновения внешней угрозы;

2) историческое наследие межэтнических отношений;

3) внутренняя борьба за лидерство в рамках этнической группы;

4) экономическая ситуация;

5) уровень политической и общей культуры в очагах этнополитических конфликтов и многое другое.

В последние десятилетия отмечается феномен, который называют этническим парадоксом современности. Он заключается в том, что большинство сформированных в прошлом идеологий настаивали на том, что межэтнические противоречия должны уйти в прошлое под влиянием интернационализации экономики и культуры. Но происходит обратный процесс – нарастание противоречий и конфликтов, волна суверенизаций этнонациональных групп. При описании таких конфликтов используется анализ ряда факторов: политического, социально-экономического, этнопсихологического, социокультурного (Политическая конфликтология, 2002. С. 312).

На уровне социокультурных различий и на этнопсихологическом уровне анализа таких конфликтов отмечается, что угроза разрушения привычного образа жизни, материальной и духовной культуры и т. п. вызывает противодействие со стороны этнической общности или ее отдельного представителя, т. к. отказ от привычных ценностей порождает чувство второсортности.

Одной из причин межэтнической напряженности является неравенство статусов этнических групп в некоторой общественной системе. Таким образом, конфликт приобретает классический

характер борьбы за социальные, экономические и другие ресурсы. В современных условиях межэтнические противоречия, как правило, содержат политическое измерение конфликта.

Данные института этнологии и антропологии РАН (в начале 1990-х годов Институтом была подготовлена карта очагов межэтнических конфликтов на территории бывшего СССР) свидетельствуют, что две трети всех межэтнических конфликтов на территории бывшего СССР составляют территориально-этнические притязания. Они связаны либо с изменением границ между национально-государственными образованиями, либо с требованием изменения для территориально-национальных единиц государственной юрисдикции, либо же с попытками организовать (воссоздать) национальные образования (районы, автономии и т. д.). Например, вопрос о возвращении Крымской автономии России – это вопрос относительно изменения государственной юрисдикции национально-территориального целого. Часто конфликтные ситуации связаны с репатриацией на историческую родину этнических групп, некогда вытесненных с нее, например, возвращение репрессированных народов – крымских татар, турок-месхетинцев, немцев.

Таким образом, в рамках территориальных противостояний вычленяются как экономический, так и символично-мифологический компоненты. Очевидно, что экономический аспект территориального спора связан, прежде всего, с ресурсами, заложенными на самой территории, природными ископаемыми, сельскохозяйственными аспектами и пр. Символично-мифологический параметр территориального вопроса связан с исторической судьбой народа, его прошлым, которое символически закрепляется в территории государства, «родной земле».

Классические образцы национальных конфликтов с указанной спецификой – это конфликты в союзных республиках СССР, переросшие в борьбу за независимость. Так, по мнению Е.И. Степанова, национальные движения в Литве, Эстонии, Латвии, Армении, Грузии, Украине и Молдове с самого начала выдвигали требования реализации этнических интересов (Степанов Е.И., 1996). Причем, притязания конфликтующих сторон трансформировались от этнических до государственных. В целом «в постсоветской России, как и во всем мире, остро стоят проблемы межнациональных отношений, национальной обособленности,

сепаратизма. Российская ситуация усугубляется глубоким экономическим и нравственным кризисом, социальной аномией, поразившей страну. Все это представляет собой питательную среду для обострения этнических фобий, развития межэтнической напряженности, конфликтов» (Герасимова М. Г., 2001. С. 52).

Одной из форм реагирования гуманистического цивилизованного общества на подобные противоречия является философия толерантности как мировоззренческая позиция, способствующая интеграции и гармонизации современного мультикультурного мира. Формирование установок толерантного сознания в межнациональной среде является одним из условий преодоления межэтнических конфликтов.

Сегодня конфликтологи предлагают различные способы и подходы к их разрешению и предотвращению.

В основе любого способа урегулирования межэтнического конфликта лежит процесс нахождения нового, компромиссного и приемлемого для всех конфликтующих сторон баланса взаимно удовлетворяющих интересов.

Конфликтологами выделяются пять способов разрешения межэтнических конфликтов (Тагиров Э.Р., Тронева Л.С., 2003. С. 240).

Первый способ можно условно назвать геттоизацией (от слова «гетто»). Он реализуется в ситуациях, когда человек прибывает в другое общество, но старается или вынужден (из-за незнания языка, природной робости, иного вероисповедания или по каким-либо другим причинам) избегать всякого соприкосновения с чужой культурой. В этом случае он старается создать собственную культурную среду – окружение соплеменников, отгораживаясь от влияния инокультурной среды.

Практически в любом крупном западном городе существуют более или менее изолированные и замкнутые районы, населенные представителями других культур. Это китайские кварталы или целые чайнатауны, это районы, где поселяются выходцы из мусульманских стран, индийские кварталы и т. д. Например, в берлинском районе Кройцберг в ходе многих десятилетий миграции турецких рабочих и интеллектуалов-беженцев возникла не просто турецкая диаспора, но своего рода гетто. Здесь большинство жителей – турки, и даже улицы в этом районе имеют турецкий облик, который придают им реклама и объявления почти исклю-

чительно на турецком языке, турецкие закусочные и рестораны, банки и бюро путешествий, представительства турецких партий и политические лозунги на стенах. В Кройцберге можно прожить всю жизнь, не сказав ни слова по-немецки.

Второй способ разрешения конфликтов – ассимиляция, противоположная по сути геттоизации. В случае ассимиляции индивид полностью отказывается от своей культуры и стремится целиком усвоить необходимый для жизни багаж чужой культуры. Конечно, это не всегда удается. Причиной затруднений оказывается либо недостаточная пластичность личности самого ассимилирующегося, либо сопротивление культурной среды, частью которой он намерен стать.

Такое сопротивление встречается, например, в некоторых европейских странах (во Франции, в Германии) по отношению к новым эмигрантам из России и стран СНГ, которые хотят стать своими среди немцев или французов. Разумеется, для детей таких эмигрантов, включенных в инокультурную среду с раннего детства, ассимиляция не составляет проблемы.

Третий способ разрешения конфликтов – промежуточный, состоящий в культурном обмене и взаимодействии. Для того чтобы обмен осуществлялся адекватно, то есть приносил пользу и обогащал обе стороны, нужны благожелательность и открытость с обеих сторон, что на практике встречается, к сожалению, чрезвычайно редко, особенно если стороны изначально неравны: одна – автохтоны, другая – беженцы или эмигранты. Тем не менее примеры такого удавшегося культурного взаимодействия в истории есть. Это гугеноты, бежавшие в Германию после ужасов Варфоломеевской ночи, осевшие там и много сделавшие для сближения французской и немецкой культур. Это немецкие философы и ученые, покинувшие Германию после прихода к власти нацистов и сумевшие внести весомый вклад в развитие науки и философии в англоязычных странах, существенно изменившие там интеллектуальный климат и повлиявшие на развитие общественной жизни вообще.

Четвертый способ решения конфликтов – частичная ассимиляция, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды в какой-либо одной из сфер жизни. Например, на работе он руководствуется нормами и требованиями инокультурной среды, а в семье, на досуге, в религиозной сфере – нормами

своей традиционной культуры. Такая практика преодоления культурных противоречий, пожалуй, наиболее распространена. Эмигранты обычно ассимилируются частично, разделяя свою жизнь как бы на две неравные половины. Как правило, ассимиляция оказывается частичной, когда невозможна геттоизация, полная изоляция от окружающей культурной среды, либо когда по разным причинам невозможна полная ассимиляция. Но частичная ассимиляция может быть также вполне намеренным позитивным результатом межэтнического взаимодействия.

И, наконец, пятый способ разрешения конфликтов – культурная колонизация. Определить механизм колонизации в самом общем виде очень просто. О колонизации можно вести речь тогда, когда представители чужого этноса, прибыв в страну, активно навязывают титульному этносу собственные ценности, нормы и модели поведения.

Рассматривая проблемы урегулирования конфликтов на различных этапах и стадиях его развития, можно выделить три подхода – предупреждение, улаживание и разрешение. Первый из них предполагает воздействие на конфликт в период формирования конфликтной ситуации, когда стороны еще не перешли к активным действиям. Преимущества подобного воздействия заключаются в том, что отношения сторон еще не отягощены нанесенным друг другу ущербом, жертвами и преступлениями, образ иноэтничного врага не сформирован. Использование подобного подхода предполагает создание сетей мониторинга этнических противоречий и напряженностей. В России подобная сеть функционирует на базе Института этнологии и антропологии РАН (см.: Сеть этнологического мониторинга).

Урегулирование конфликта предполагает вмешательство на этапе открытого противоборства. Оно нацелено в первую очередь на деэскалацию конфликта, снижение социальной напряженности до уровня, не угрожающего существованию целостной системы социальных отношений, и дальнейшее ведение переговоров для достижения соглашений между сторонами. В условиях межэтнического конфликта реализация этих мер зачастую связана с принудительным разделением конфликтующих сторон при помощи полицейских или вооруженных сил.

Разрешение конфликтов применяется для снятия глубоких противоречий, затрагивающих базовые ценности конфликтующих

щих (что характерно для этнических конфликтов). При использовании этого подхода главной задачей считается развитие эмпатии конфликтующих друг к другу, умения вести диалог и усваивать ценности других культур. Разрешение предполагает глубокий анализ конфликта, полное раскрытие существующих проблем и достижение договоренностей по каждой из них. Конфликт может считаться разрешенным, если стороны перешли к новому типу взаимодействия и прежние противоречия стали для них неактуальны. В условиях этнического конфликта перейти к разрешению можно после использования механизмов его улаживания.

Урегулирование межэтнических конфликтов – это всегда очень сложный и долговременный процесс, граничащий с искусством и зачастую требующий существенных затрат ресурсов. Поэтому все возможные усилия должны быть сконцентрированы на предупреждении конфликтов. Ведь даже худой мир всегда предпочтительнее доброй ссоры, особенно в межэтнических отношениях.

5.2. Межэтнические конфликты в современной России

Рост напряженности в межэтнических отношениях начинается еще в конце 1980-х годов в период перестройки. Тогда же впервые поднимаются вопросы реформирования федерального устройства СССР, направленного на демократизацию этих отношений. Межэтническая напряженность и конфликты стали одним из наиболее важных факторов, предопределивших распад СССР (к примеру, конфликты в Нагорном Карабахе, Приднестровье, на территории Средней Азии и др.).

Ситуация в сфере межэтнических отношений, сложившаяся в России к началу 1990-х годов, могла быть охарактеризована как очень сложная. Сформировались конфликты нескольких типов, угрожавшие не только социально-политической стабильности, но и целостности и управляемости государства.

В связи с борьбой союзного и российского руководства, а также с планируемой федеративной реформой возник ряд статусных конфликтов. В июле-декабре 1990 года четырнадцать из шестнадцати существовавших тогда в составе РСФСР автономных республик приняли декларации о государственном суверенитете. Две республики (Мордовия и Дагестан) приняли схожие документы,

в названии и тексте которых отсутствовал термин «суверенитет». После подписания Федеративного договора (март 1992 г.) ряд субъектов федерации продолжали включать в свои конституции, уставы и другие нормативно-правовые акты положения, противоречащие федеральной конституции. В нормативных актах одних республик появилось право на рецессию, другие заложили в них процедуру ратификации ими федеральных актов, третьи взяли на себя право объявлять военное положение и т.п. Кроме того, ряд республик стал позволять себе необязательность по отношению к мероприятиям, проводимым федеральным центром, например, в налоговой сфере (Черепанов В.А., 2007).

В качестве одного из механизмов признания своего нового статуса, права на особое положение в структуре новой федерации элитами республик зачастую использовались угрозы этнической мобилизации. Впоследствии это стало основой формирования в некоторых субъектах РФ этнократических структур (формирование институтов власти посредством этноклановых отношений). Основным способом урегулирования проблем между субъектами и федеральным центром становится подписание договоров о разграничении полномочий и предметов ведения, опирающееся на ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, дающей субъектам федерации право на их заключение.

Большую опасность представляют этнотерриториальные конфликты («этническая территория» крайне редко может включать в себя совершенно четко определенные земли, и поэтому само данное понятие имеет конфликтный потенциал). Наиболее острый из них произошел между Северной Осетией и Ингушетией по поводу территории Пригородного района. Оспаривание его принадлежности той или другой республике явилось следствием депортации ингушей в годы Великой Отечественной войны. Катализатором конфликта стало принятие в апреле 1991 года закона «О реабилитации репрессированных народов», содержавшего в том числе положение о «территориальной реабилитации».

Наиболее острая стадия конфликта пришлось на октябрь-ноябрь 1992 года, когда он приобрел форму вооруженного противостояния. Суть конфликта свелась к силовой попытке военизированных формирований ингушей во главе с несколькими радикальными лидерами захватить спорную территорию и последовавшему за этим отпору со стороны осетин. Для поддержания мира в зону конфликта были введены войска, а несколько позже создана временная

администрация, находившаяся в федеральном подчинении и взявшая на себя функции по урегулированию проблемы.

В итоге большие людские потери понесли обе стороны. Сформировалась масса беженцев-ингушей, что вызвало проблемы социального, экономического, гуманитарного характера. В регионе возник устойчивый очаг напряженности (Здравомыслов А.Г., 1998; Тишков В.А., 1997; Цуциев А.А., 1998). 11 октября 2002 года президенты Республики Северная Осетия – Алания и Республики Ингушетия подписали Соглашение «О развитии сотрудничества и добрососедстве», однако до сих пор вопрос нельзя считать полностью урегулированным.

Данный конфликт отчетливо продемонстрировал, насколько важен взвешенный подход к проблемам, так или иначе связанным с этничностью. В частности, неурегулированность территориальных претензий, неопределённость границ вновь созданной Республики Ингушетия стали факторами его развития.

Существенную опасность для новой российской государственности представлял в 1990-х годах этнический сепаратизм. На его основе возник конфликт в Чеченской Республике, вылившийся к концу десятилетия в острый кризис, под влиянием которого находилась вся российская политическая система. Идея самоопределения чеченской нации возникла в условиях, когда этнический национализм продемонстрировал огромную мобилизующую силу, и идея создать для каждой этнонации своё собственное государство воспринималась как естественная, желанная и подлинно демократическая (Тишков В.А., 2001. С. 204). Противоречие между «демократизацией» республики, сопровождавшейся захватом власти сепаратистами во главе с Дж. Дудаевым и требованием суверенитета, и государственными интересами России попало в центр внимания политической элиты и общества далеко не сразу. После слабых попыток применения силовых мер, не нашедших позитивного отклика в политических кругах и в обществе, федеральная власть была вынуждена фактически смириться с выходом Чечни из российского правового поля (Тишков В.А., 1997. С. 437). Дудаевский режим создал и поддерживал в республике обстановку осажденной крепости, не желая заключать каких-либо соглашений с Россией без признания чеченской независимости и объявляя всех несогласных с такой позицией предателями. Постепенно происходила исламизация ее политического режима.

Эскалация конфликта привела к началу военных действий на территории республики. Дудаеву на данном этапе удалось поднять часть мобилизованного с помощью националистических лозунгов чеченского общества на борьбу с Россией, вовлекая ее в вооруженное противостояние. Был использован механизм этнической мобилизации, консолидации вокруг одного лидера. Со стороны же российского руководства переход к методам вооруженной конфронтации, приведшей в глазах мировой и российской общественности к возникновению противостояния «большая Россия – маленькая Чечня», был грубейшей ошибкой. Ведение боевых действий, сопровождаемое окончательным разрушением социальной и экономической инфраструктуры, зачастую избыточным насилием (так называемые «зачистки» населенных пунктов), приводило к ожесточению всего чеченского населения, умело поддерживаемому пропагандой боевиков. Моральный перевес в конфликте долгое время оставался на стороне сепаратистов.

В начале 1996 года начинаются поиски политического решения «чеченской проблемы». Федеральная власть продемонстрировала наличие политической воли и, мобилизовав интеллектуальный ресурс, вывела положение в Чечне из тупика, создала более благоприятные условия для достижения согласия. 10 июня 1996 года были заключены на компромиссной основе Назрановские соглашения, предусматривавшие вывод российских войск при демилитаризации чеченской территории и разоружении боевиков, создании коалиционного правительства. Однако после очередной вспышки военных действий его условия были нарушены, что привело к подписанию Хасавюртовских соглашений на худших для федерального центра условиях. После этого политические процессы в республике вновь фактически выходят из-под федерального контроля. Была признана легитимность А. Масхадова, избранного президентом Чечни в феврале 1997 года, но сама Чеченская Республика не признавала действия российских законов на своей территории. 12 мая 1997 года президенты России и Чеченской Республики подписали мирный договор (Паин Э.А., 1998. С. 97). Исходя из этого, чеченские власти должны были оставаться российским партнером в восстановлении республики, однако по сути конфликт продолжался, войдя в вялотекущую фазу. Сложилась парадоксальная ситуация, которую можно охарактеризовать так: «ни войны, ни мира». В республике набирали силу религиозные экстремисты.

Новая активизация российской политики в отношении Чечни произошла в значительной мере стихийно: она была спровоцирована боевиками, вторгшимися на территорию Дагестана под лозунгами создания исламского государства, а также рядом террористических актов на территории России. В то же время нельзя не признать, что проблема Чечни стала к этому времени важнейшей для России. Без ее урегулирования немислимо было бы проводить какие-либо серьезные преобразования в любой сфере общественной жизни. Этот конфликт Президент России В. В. Путин назвал «символом слабости Российского государства, преодоление которой есть неременное условие самого существования России» (Кадохов В.Т., 2001). После подавления организованного сопротивления вооруженных бандформирований (1999–2000 гг.) возникла возможность перейти к длительному процессу мирного урегулирования конфликта.

После достаточно широкого обсуждения была избрана стратегия опоры на внутречеченские силы, поддерживающие действия федеральных сил против экстремистов. Прежде всего, это сторонники традиционного ислама во главе с бывшим муфтием Чечни А. Кадыровым. Последний был назначен представителем Президента РФ в республике. После принятия Конституции Чеченской Республики (2002 г.) А. Кадыров избирается ее президентом. В конце 2005 года в Чечне был создан и парламент. После гибели А. Кадырова в результате теракта президентом республики становится А. Алханов, а затем Р. Кадыров. Таким образом, была в целом решена задача создания лояльной власти, принята программа социально-экономического восстановления и развития Чеченской Республики, созданы местные структуры управления, в том числе и силовые органы. Это позволило представителям федерального центра неоднократно заявлять о стабилизации положения в республике и переходе к мирной жизни. В 2009 году в Чеченской Республике был отменен режим контртеррористической операции.

При этом в регионе сохраняется достаточно высокий уровень напряженности. Активность террористического подполья в сопредельных с Чеченской Республикой субъектах Российской Федерации, особенно в Ингушетии и Дагестане, способна дестабилизировать ситуацию. Конфликтотенный потенциал межэтнических отношений поддерживается и сохранением ряда системных проблем на уровне регионального управления, среди которых коррупция и клановый характер управленческих отношений.

Анализируя современное положение в сфере межэтнической конфликтности на территории РФ, можно говорить о смене форм и уровня ее проявления. На первый план выходят локальные конфликты в конкретных городах, районах, поселениях. В них, как правило, не затрагиваются крупномасштабные политические вопросы, но актуализируются проблемы экономических, социокультурных, бытовых контактов между представителями различных этнических групп. Нельзя принижать степень угрозы, исходящей от подобных конфликтов. Они не только создают опасность для жизни, здоровья, имущества российских граждан, но являются проявлением бытового национализма, индикатором роста ксенофобии, особенно в молодежной среде. Не случайно националистические движения пытаются получить политические дивиденды от этих ситуаций.

Характерен в этом отношении пример карельского города Кондопога, название которого в определенном смысле стало нарицательным.

Остановимся на кратком описании событий. В ночь с 29 на 30 августа 2006 года на территории этого города около ресторана произошла массовая драка между выходцами из Северо-Кавказского региона и местным населением. В результате двое жителей Кондопоги скончались от полученных ранений. С 30 августа в интернете стали распространяться призывы к жителям города принять участие в митинге. В ночь на 1 сентября были зафиксированы попытки поджога имущества, принадлежащего выходцам с Кавказа. 2 сентября состоялся несанкционированный митинг, в котором приняли участие 1500–2000 человек. Участники требовали выдворить с территории города выходцев с Кавказа, запретить им заниматься бизнесом. После митинга толпа численностью 100–150 человек, в основном находившихся в состоянии алкогольного опьянения, предприняла хулиганские действия, направленные против имущества выходцев из кавказских республик. Им был нанесен значительный ущерб (Григорьев М., 2007. С. 11–12). Большею их части пришлось покинуть город.

Обращают на себя внимание несколько важных аспектов этих событий. Во-первых, довольно длительное бездействие городских и региональных властей, которые, «пропустив» рост межэтнической напряженности, затем позволили ей перерасти в локальный, но громкий конфликт. Возможно, существенную роль

в этом сыграло желание, характерное для органов власти (и не только кондопожских), не признавать наличие этнических проблем, не «портить показатели».

Во-вторых, симптоматичен тот общественный резонанс, который вызвали кондопожские события. Без преувеличения, внимание всей страны было приковано к ним. Особенно активно обсуждались они в интернете, причем далеко не все участники дискуссий осуждали избранные методы решения проблем. Характерно также распространение слухов, зачастую весьма нелепых, что связано с ограниченным количеством официальной информации и низким уровнем доверия к ней. Следовательно, подобные локальные конфликты могут быть опасны не только сами по себе, но и как средство разжигания межэтнической розни в более широких масштабах.

В-третьих, обращает на себя внимание наличие в городе социальных проблем, на фоне которых развился конфликт, а также быстрая реакция национал-радикалов, представители которых оказались в городе уже через сутки после начала конфликта и начали подогревать экстремистские настроения (в частности, распространяя листовки с призывами националистического содержания).

Подобные конфликты происходили и раньше, и позже Кондопоги в различных регионах страны: в подмосковном Красноармейске и в Угличе Костромской области (2002 г.), в Новороссийске (2005 г.), в Ставрополе (2007 г.) и др. По поводу последнего случая, вызвавшего введение в городе элементов чрезвычайного положения, была даже создана комиссия Государственной Думы, которая признала конфликт «бытовым». Руководитель Союза славянских общин Ставрополя В. Нестеров в ответ на это заявил, что власти думают, будто ситуация в городе уже нормализовалась, поэтому можно опять «все скрывать и замалчивать». Он утверждает, что во время массовой драки, произошедшей в Ставрополе, звучали антирусские призывы (Ларинцева А., 2007).

Анализируя эти инциденты с точки зрения национальной политики, В.А. Тишков отметил: «Тенденции в смысле крупных столкновений, которые подвергали бы угрозе государственность, нет: после Чечни вряд ли кто захочет суверенитета... Но негативная динамика связана с массовыми выходами из правового пространства на уровне стихийных бунтов». В числе причин такого положения вещей им были названы неэффективное управление,

бизнес-манипуляции, действия политических лидеров («От стийных бунтов...», 2007). Очевидно, реализация этнополитики на современном этапе в контексте противодействия подобным конфликтам должна быть связана с определенным перемещением акцентов, перенесением части усилий на «низовую» уровень, активизацией деятельности местных органов власти, общественных, просветительских организаций.

К факторам, которые могут способствовать усилению межэтнической напряженности, можно отнести:

1. Исторические (история выступает как «мобилизованное прошлое», особенно в тех случаях, когда ранее существовали противоречия и конфликты в межэтнических отношениях).

2. Социально-экономические (борьба за те или иные сегменты рынка, претензии на особый этнический статус и др.).

3. Культурно-конфессиональные (борьба за приоритет национальной культуры, языка, мнимые различия религиозных ценностей и др.).

4. Политические (прежде всего амбиции этнических лидеров, выступающих в качестве своеобразных «антрепренёров» по отношению к поддерживающим их группам).

5. Геополитические (заинтересованность в разжигании конфликта тех или иных внешних акторов, имеющих свои интересы в данном регионе).

6. Ситуационные (в первую очередь ослабление государства, сопровождающееся утратой рычагов управления ситуацией в сфере этнополитических отношений).

Подводя итоги рассмотрению проблем межэтнической конфликтности в России 1990–2000 годов, следует отметить, что в их урегулировании были достигнуты значительные успехи. Нашей стране удалось, хотя и ценой большого напряжения усилий, преодолеть угрозы распада единого государства в результате межэтнических противостояний. Однако это не означает, что проблема этнической конфликтности снята с повестки дня. Она приобрела более скрытый характер, и в этом ее опасность. Тревожат продолжающиеся попытки политизировать этничность, рост ксенофобии в широких кругах общества. Каждый случай локальных межэтнических конфликтов, а также микроконфликтов (драк, оскорблений) можно, конечно, рассматривать как случайность, стечение конкретных обстоятельств. Но при комплексном анализе они показы-

вают рост негативных тенденций в данной сфере. Задачей каждого человека в полиэтничном российском обществе становится освоение принципов конструктивного поведения в конфликте, основ межэтнической толерантности в ее практическом аспекте. Вдвойне важно решение этой задачи чиновниками, управленцами, чьи действия и высказывания ни в коем случае не должны провоцировать обострение межэтнических противоречий.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается суть понятия «межэтнический конфликт» и как можно определить его в контексте того или иного понимания феномена этничности?

2. Назовите основные подходы и концепции, объясняющие возникновение межэтнических конфликтов.

3. В чем состоят основные цели вовлеченных в конфликт сторон?

4. Каковы основные ситуационные источники этнополитических конфликтов?

5. Каковы основные подходы к урегулированию межэтнических конфликтов?

6. Какие типы межэтнических конфликтов сформировались в России 1990-х годах? Какие изменения в этой сфере происходят на современном этапе?

7. Почему конфликт в Чеченской Республике стал одним из наиболее значимых для политической жизни России в 1990–2000 гг.?

8. В чем заключается опасность локальных межэтнических столкновений?

Основная литература

1. «Новая этничность» в России (1990-е годы): Проблемно-тематический сборник. М., 1999.

2. «От стихийных бунтов мы пока не застрахованы» (интервью с В. А. Тишковым) // Коммерсант-Власть. № 27 (731) от 16.07.2007.

1. *Авксентьев В. А.* Этнические конфликты, история и типология // Социс. 2000, № 12.

3. *Авксентьев В. А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001.

4. *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2005.

5. *Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999.

6. *Герасимова М. Г.* Этническая толерантность и этнические стереотипы подростков // Россия: трансформирующееся общество. М.: КАНОН–пресс, 2001.

7. *Григорьев М.* Кондопога: что это было? М., 2007.

8. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 1997.

9. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000.

10. *Ларинцева А.* Ставропольский конфликт потерял национальность // Коммерсант, № 102 (3678) от 15.06.2007.

11. *Нарочницкая Е.А.* Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). М., 2000.

12. *Паин Э.А.* Чечня и другие конфликты России // Международная жизнь. 1998. № 3.

13. Политическая конфликтология. Работы российских и зарубежных авторов: Хрестоматия / под ред. д.п.н., проф. М.М. Лебедевой и д.и.н., проф. С.В. Устинкина. М.; Н. Новгород, 2002.

14. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов // <http://www.eawarn.ru>.

15. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

16. *Сорокин П.А.* О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994.

17. *Степанов Е.И.* Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы / Центр конфликтологии Института социологии РАН. М., 1996.

18. *Тагиров Э.Р., Тронова Л.С.* Конфликты в обществе: от противостояния к согласию. Казань, 2003.

19. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

20. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

21. *Хамзина Г.Р.* Ценностная мотивация этнического конфликта / науч. ред. Э.Р. Тагиров. Казань, 2001.

Введение

Многоплановые и масштабные изменения, происходящие как во всем мире, так и в России, привели к изменению социальных норм, регулирующих отношения между отдельными людьми, организациями, социальными группами, государственными образованиями. Осмысление вопросов, связанных с процессами адаптации людей к реалиям сегодняшнего дня, развития новых форм взаимодействия, потребовало нового осмысления ряда концепций и понятий. Одним из них является понятие толерантности. В настоящее время оно достаточно широко используется в науках о человеке и обществе, прежде всего в психологии и социологии, политологии и философии, педагогике и праве. При этом ни в одной из областей знаний общепринятой теории толерантности нет. Отечественные и зарубежные авторы (Л.М.Дробижина, В.М.Золотухин, Г.У.Солдатова, П.М.Козырева, В.А.Лекторский, А.В.Перцев, Б.М.Хомяков, С.Хантингтон, И.Валлерстайн, А.Гжегорчик, К.Поппер, А.Токвиль, М.Уолцер, А.Этциони) предлагают разные толкования данного явления, рассматривая истоки и историю его становления; выстраивая различные классификации; пытаясь определить механизмы формирования и воспитания толерантности. Причины такого положения дел лежат на поверхности: социальная реальность слишком сложно организована, динамична, варьирует от одного культурного контекста к другому, требует для своего понимания междисциплинарных усилий.

Понятие толерантности, заложенное в «Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО», исходит из социального (социокультурного) подхода и одновременно подчеркивает его значение в индивидуальном этическом плане. С этих позиций «толерантность есть уважение, принятие и высокая оценка богатого разнообразия мировых культур, форм выражения и способов человеческого бытия... Она не есть лишь моральный долг, но также политическое и правовое требование».

В своих проявлениях толерантность меняет формы в зависимости от культурного, территориального контекста. В обществе и государстве она может быть политической, социальной, религиозной, этнической, экономической.

Толерантность это тот феномен, с которым мы сталкиваемся на микро-, мезо- и макроуровнях социального взаимодействия.

На микроуровне толерантность рассматривается как личностная характеристика и как характеристика межличностных отношений. На мезоуровне объектом анализа становятся отношения между личностью и организацией (организациями). На макроуровне в поле зрения исследователей и практиков попадают отношения между личностью, с одной стороны, и обществом, большими социальными группами, государством, с другой стороны, а также между большими социальными группами, такими как нации, народности, государства.

Первые два уровня анализа являются более традиционными в изучении толерантности. В литературе нередко указывается, что межличностная толерантность является генетически исходной формой для остальных её видов. Однако в современных условиях нельзя не учитывать «новую непосредственность» индивида и общества, при которой общественные проблемы начинают восприниматься и переживаться как личные, поскольку прямо воздействуют на индивидуальное поведение и организацию индивидуальной жизни. В такой ситуации отношения толерантности/интолерантности формируются не только между индивидуальными, но и между индивидуальными и коллективными субъектами. Данная ситуация становится предметом интенсивного теоретического осмысления и практического исследования, поскольку имеет большое значение для формирования эффективной социальной политики и поиска решений таких болезненных для России вопросов, как социальная справедливость, социальная ответственность бизнеса, формирование институтов урегулирования этнических, межконфессиональных, семейных, трудовых и прочих конфликтов.

Межэтническая толерантность, являющаяся центральным предметом этой части учебно-методического пособия, сложнейшим образом вплетена в разнообразные социальные отношения. Процессы глобализации, набирающие скорость, не могут не сказаться на расширении форм межнациональных отношений. Межнациональные браки, международные учебные и профессиональные обмены, привлечение иностранной рабочей силы, создание совместных предприятий и работа в многонациональных трудовых коллективах – реальность современной России, которая требует рассмотрения межэтнической толерантности не только в «чистом виде», но и в контексте смежных проблем.

ГЛАВА 6. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

6.1. Понятие «толерантность», терминология, семантика, категории, функции

Представления о толерантности в мировой культуре имеют богатую и интересную историю. Уже в античных религиозно-мифических воззрениях обнаруживаются некоторые проявления того, что сегодня принято обозначать термином «толерантность».

Если говорить о содержательной стороне данного понятия, то в античных источниках было найдено лишь понимание существенной веротерпимости. Это послужило основанием для отнесения к этому периоду первых упоминаний о терпимости античных религиозных воззрений к другим религиозным течениям. Так, в религиях древних греков и римлян отсутствовал культ единобожия. Они проводили отдельные сравнения, устанавливали смысловые соответствия между богами различных народов, их именами и функциями. Если они были сопоставимы с их пониманием, мировоззрением, боги включались в пантеон греков и римлян.

В Древнем Риме широко использовался глагол *tolerare* (выносить, переносить, сносить) в качестве существительного со значением «терпение». Цицерон Марк Тулий употребляет слово *tolerantia* в отношении к духу мудреца, обладающему терпимостью к делам человеческим. Содержательную сторону толерантности раскрывали Сократ и софисты. Протагор из Абдеры заявлял, что он ничего не знает о богах по причине неясности этого предмета и краткости человеческой жизни, а также, что «все на свете истинно», поэтому терпимость совершенно естественна. Сам идеал безразличия есть идеал абсолютной терпимости. Таким же образом философия Сократа, «знающего, что он ничего не знает», признается сегодня некоторыми исследователями толерантности одним из фундаментов толерантного сознания.

Христианство негативно относится к античному скептицизму. Поэтому толерантность, насколько она существовала здесь, была основана на иных философских и культурных предпосылках. Христианские авторы используют терминологию, связанную

с терпимостью, с самого раннего периода развития этого вероучения, так как терпение было одной из главных добродетелей христианина. Хотя здесь нет понимания значимого отношения к иному, другому в социуме, а лишь представление синонимичного ряда терпения страстей, мучений и зла. Терпимость подразумевает существование зла или того, что терпят, несмотря на то, что оно признается злом. Отсюда в христианском понимании терпимость временна и связана с надеждой на конечную погибель зла. Надежда связана с терпением, но к нему не сводится, она, скорее, вера в будущее за то, что терпелось в настоящем. Таким образом, терпение человека связано с его грехопадением и уничтожается искуплением. Толерантность, тем самым, понимается как вынужденное состояние человека в падшем мире. При этом, поскольку человек не застрахован от грехов и ошибок, он должен быть терпим к грехам и ошибкам других.

Самое раннее различие *patientia* (перенесение, терпение, терпеливость) и *tolerantia* (терпимость) мы встречаем у Исидора Севильского, который считал, что терпимость относится к душе, а терпение – к телу. Поэтому толерантность – выдержка, а терпение – страдание.

В эпоху раннего христианства уже был известен термин «*tolerantia*», но речь идет лишь о терпении, а не об определенном отношении к инаковому. Причем некоторые из них подчеркивают необходимость преодолевать грехи и ошибки, а поскольку это претерпевает каждый человек, постольку он должен быть терпим к аналогичным мыслям и действиям других.

В развитии средневековья наблюдаются другие тенденции: проблема толерантности трактуется как терпимое отношение к неверным и еретикам. Ярким представителем теоретического закрепления этого постулата был Фома Аквинский. Но здесь тоже нет нового смыслового значения необходимого понятия. В средневековье толерантность воспринималась как вынужденная мера, которая помогает сохранить статус-кво из-за невозможности достичь своих целей с противниками христианства. Таким образом, вырисовывается прикладной характер толерантности: если не можешь победить еретиков и неверных, избегай конфликта.

Мыслители Нового времени рассматривали противостояние моральных установок и ценностей политическому этосу как переход от естественного состояния общества и человека к куль-

туре, цивилизации, гражданскому и политическому обществу, в которых власть и государство способны обуздать распущенные или нецивилизованные нравы.

Наступивший XXI век характеризует толерантность как активную нравственную идеологию, направленную не на покорное восприятие мнений, идей и действий других, а на готовность к терпимости во имя взаимопонимания и взаимодействия между этносами, социальными группами, людьми с инаковой национально-культурной, религиозной или социальной средой.

В течение всей истории человечества определяющую роль в публичном признании власти играли мифология и религия. Обоснование «божественной идеи» власти до сих пор остается способом консолидации общественной жизнедеятельности. Мало того, запреты, правила, догмы, нормы, ценности и т. п., связанные с мифологией и религией, остаются в общественном сознании различных сообществ и индивидов. Эти и многие другие идеальные образования используются в процедуре легитимности той или иной общественно значимой деятельности.

Однако не сами по себе идеальные образования в своих предметных формах, а люди – обладатели и создатели этих форм – востребуют и задействуют их в своих сознательных действиях. Именно люди для своего совместного выживания и общения создают и воспроизводят такие идеальные средства, как язык, запрет, обычай, письменность, культ и храм, норму и право.

Вызванные к жизни конкретными обстоятельствами эти устойчивые нормы и ценности наполняются новыми параметрами и значениями, что также касается и толерантности.

Очевидной особенностью современного человеческого мира является разнообразие всех сторон его существования – социокультурных укладов, способов жизнедеятельности, социально-политических условий. Проблема толерантности так же, как и любая другая проблема, вызревает в определенном опыте людей и только под воздействием реальной заинтересованности, прежде всего, в том опыте, где эта проблема возникла, она может быть разрешена и обретет свойства предпосылки и принципа.

Является ли толерантность нравственным требованием или связана с частным прагматизмом – вопрос, на который сегодня не может ответить ни трансцендентная этика, ни этический релятивизм. Его решение нужно искать в конкретных видах социализа-

ции людей, в их специфике, зависящей от национальных социокультурных и субкультурных традиций.

Одной из ключевых характеристик демократической политической культуры выступает толерантность (терпимость). Принцип терпимости следует понимать не просто как неохотное согласие с возможностью существования иных точек зрения, но и как сознательную установку на необходимость многих точек зрения и на недостаточность любой отдельной точки зрения.

В такой формулировке принцип терпимости отражает требование системного подхода, отрицающего одномерную логику и настаивающего на многостороннем рассмотрении сложных объектов. Однако терпимость не следует интерпретировать как вседозволенность. Есть вещи, к которым нельзя быть терпимым.

При рассмотрении философских оснований принципа толерантности и демократической политической культуры полезно обратиться к творчеству И. Канта. Идеальное общество, по Канту, описывается категорическим императивом – высшим нравственным законом: «поступай так, чтобы твоя максима в то же время должна была служить всеобщим законом (всех разумных существ)».

С одной стороны, построенное на базе категорического императива гражданское общество несокруσιμο, поскольку основывается на полном осознании каждым своим членом нравственного закона и добровольного подчинения ему. С другой стороны, такое общество в действительности оказывается нереализуемым, поскольку оно неустойчиво к малейшим отклонениям от категорического императива. Очевидно, поэтому и переход к принципу терпимости следует осуществлять постепенно, не допуская терпимости по отношению к радикальным антиобщественным группировкам. Самым ярким примером антиобщественного явления, с которым нельзя мириться, в современном мире служит терроризм, отсутствовавший при тоталитарной системе и потому не выработавший к себе противоядия. Проявления фашизма и воинствующего национализма также требуют решительного пресечения без всяких ссылок на «терпимость».

Эта точка зрения подтверждается авторитетом крупнейших философов. Так, Карл Поппер считает терпимость важнейшим принципом гуманистической и эгалитаристской этики, но аккуратно формулирует этот принцип следующим образом: «Терпи-

мость ко всем, кто сам терпим, и не пропагандирует нетерпимость...» (Поппер К., 1992, т. 1. С. 292).

Из этого принципа вытекает, в частности, что следует относиться с уважением к моральному выбору других людей, если этот выбор не противоречит принципу терпимости. Эти идеи восходят еще к Платону, сформулировавшему так называемый «парадокс терпимости»: неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости. Ведь если быть безгранично терпимым даже к нетерпимым и не быть готовым защищать терпимое общество от нетерпимых, то терпимые будут разгромлены. Как считает К. Поппер, в этой формулировке не подразумевается неперменного запрета нетерпимых направлений, но следует предусмотреть такую возможность: «Мы должны провозгласить право подавлять их в случае необходимости даже силой: ведь вполне может оказаться, что они не готовы общаться с нами на уровне доводов и разума и начнут с того, что отвергнут всякие доводы... Таким образом, во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимыми к нетерпимым. Мы должны объявить вне закона все движения, исповедующие нетерпимость, и признать подстрекательство к нетерпимости и гонениям таким же преступлением, как подстрекательство к убийству, похищению детей или возрождению работорговли» (Поппер К., т. 1. С. 329).

Терпимость вовсе не отождествляется с бесхребетностью «добро должно быть с кулаками». Говоря более точно, у терпимости существуют пределы, обусловленные необходимостью сохранения демократической системы в целом.

И все же, при всех оговорках и ограничениях толерантность служит одной из системообразующих характеристик демократии. В развитой демократической системе толерантность проявляется во всех сферах общественной жизни и образует основу для политической деятельности. Поэтому попытка либерально-демократического переустройства общества требует самого внимательного изучения понятия толерантности.

Важнейший либеральный принцип «разрешено все, что не запрещено законом» есть не что иное, как одна из формулировок принципа терпимости. Дело в том, что либерализм исходит из признания ограниченных возможностей законодательства. Согласно либерально-демократической концепции закон создает лишь внешние рамки для общественного развития, обладающе-

го огромными возможностями самоорганизации. В то же время необходим определенный минимум политической стабильности, создающий условия для свободного общественного развития.

Только в связи с объективно-историческим общественным развитием и особенностями современного человеческого мира толерантность может выступать как предпосылка и принцип движения людей к единству и совместному сотрудничеству.

В культурно-личностном плане проблема толерантности «снимается» в виде выделения и описания ее как культурной нормы и морального принципа. Проблематика толерантности образует состав этики ненасилия. В ней существует солидная традиция теорий и практических программ, идущая от воззрений и политических действий многих деятелей человеческого мира. Эпистемология этики ненасилия и, в ее контексте, проблема толерантности сосредоточивается на психологическом аспекте – социальной мотивации и характере воздействия. Этические нормы описываются в структуре отношения «Я» к «Другому». Специалисты признают, что для стабильности и длительности многих культурных норм поведения требуется надлежащая мотивация и овладение образцами общения. Прежде всего, мотивационная позиция обусловлена личным, заинтересованным отношением индивида к другому человеку. Ненасильственный и толерантный мотив способствует восприятию Другого как равнодостоинного участника и сотрудника общения.

Таким образом, рассматривая все разнообразие концепций, посвященных реальным социально-культурным процессам и состоянию человеческого мира, ученые постоянно дискутируют вопрос не столько о социальных предпочтениях, выборах или ориентации, сколько об их согласованности. А это действительно востребует ту психическую форму, за которую ратовал в XII веке христианский мыслитель Пьер Абеляр: «Стойкость мы можем воспринимать по таким элементам, как великодушие (*magnamitas*) и терпимость (*tolerantia*). Великодушие – это то, благодаря чему мы, в качестве разумной субстанции, готовы предпринять какое-либо тяжелое дело. Терпимость же – это то, благодаря чему мы постоянно упорствуем при выполнении этого замысла». А десятками столетий раньше Сократ настаивал на разумном и моральном вызове личности всякого рода гонениям и притязаниям: «Лучше терпеть несправедливость, нежели причинять ее».

«Техника воздействия» может приобретаться через наблюдение за другими или через личный опыт, считает польский философ А. Гжегорчик. По его наблюдению, существуют виды воздействия, которые благоприятствуют толерантному поведению: помощь, содействие в сфере планирования, сотрудничество, передача истины. Все эти виды деятельности можно определить как диалоговые.

Классический образец диалога как паритетного общения двух индивидов, обсуждающих и выясняющих истину, мировая культура сохранила в образах и наследии Сократа, Будды, М. Ганди, М.Л. Кинга. Диалоговый режим, который принимается теоретиками этики ненасилия для осуществления толерантного поведения, обусловлен нравственной зрелостью человека и его культурной заинтересованностью. Описанные учеными виды коммуникативно-целесообразной деятельности действительно способствуют формированию диалога и толерантного поведения. Однако их «технологическая» интерпретация и использование рано или поздно обнаружат мотив принуждения и манипулирования другим.

Анализ научной литературы, словарей и энциклопедий является основанием для вывода о том, что в настоящее время нельзя говорить о толерантности как об окончательно сформировавшемся и единообразно понимаемом термине.

Понятие толерантности формировалось на протяжении длительного времени и постепенно приобретало и накапливало все более разносторонние значения, чтобы во всей полноте соответствовать современности.

В русской лингвистике существуют слова со сходным значением – терпимость и толерантность. Слово «терпимость» или «терпение» (от глагола «терпеть») присутствует практически во всех словарях русского языка. В словаре В.И. Даля слово «терпимость» трактуется как свойство или качество, способность что-либо или кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению». С.И. Ожегов дает следующее определение: «Умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению». Аналогичным образом характеризуют данное понятие и большинство этимологических словарей. Существительное «терпимость» или глагол «терпеть» содержат в себе основное значение: пассивное принятие окружающей реальности, непро-

тивление ей. Имеющееся во многих европейских языках слово толерантность от латинского *tolerantia* – терпение (англ. *tolerance*, *toleration*, нем. *Toleranz*, фран. *tolerance*) связывается с терпимостью, снисходительностью к кому- или чему-либо, обозначает готовность предоставить другому человеку возможность осуществить свободу мысли и действия. В XIX веке глагол «терпеть» насчитывал множество лексем и выражал различные значения: выносить, страдать, крепиться, стоять не изнемогая, выжидать чего-то, допускать, послаблять, не спешить, не гнать и т.д. (Погодина А., 2002). Таким образом, несмотря на множество значений глагола «терпеть», в определении термина «терпимость» доминировал созерцательный смысл.

Этическое определение (хотя толерантность здесь соотносится с терпимостью), раскрывающее нравственную суть толерантности (терпимости), звучит в словаре по этике: «Терпимость – моральное качество, характеризующее терпимое отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам в поведении других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения крайних мер давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения. Является формой уважения к другому человеку, признания за ним права на собственные убеждения, на то, чтобы быть иным, чем я» (Словарь по этике, 1981).

Сформулированные в различные исторические периоды и в разных школах и направлениях философские определения толерантности и терпимости свидетельствуют не только о различии взглядов на понятие и связанные с ним проблемы, но и подчеркивают их многогранность, вариативность.

Так, в Философском энциклопедическом словаре (2003) толерантность определяется как «терпимость к иного рода взглядам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций, религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другой точкой зрения и не избегает духовной конкуренции». В Современном философском словаре (2004) определено, что толерантность – «термин современной философии, означающий воздержание от употребления силы для предотвра-

щения отклонений во мнениях, верованиях, поведении другого человека или группы людей».

В Философском словаре по правам человека (2007) подчеркивается, что «толерантность» не есть терпимость или снисходительность. Она – активное признание прав и свобод другого, безотносительно к его этническим, религиозным или гендерным особенностям.

Социологическая энциклопедия (2003) определяет толерантность как культурную норму и политическую необходимость: «толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) связывается в представлении с терпимостью, снисходительностью к кому- или чему-либо, в обществе – терпимое отношение индивида, социальной группы или общества в целом к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам других людей или сообществ. Толерантность способствует достижению взаимного понимания и согласованию самых разных мотивов, установок и ориентаций без насилия и подавления достоинства людей».

Таким образом, толерантность – категория, обеспечивающая не только уважение чужих, но и позиция, предполагающая расширение круга личных ценностных ориентаций за счет позитивного взаимодействия с другими культурами. Данное определение подчеркивает, что толерантные отношения возможны только на основе бескорыстного принятия другого человека, независимо от его культурного и социального уровня.

Иную смысловую нагрузку имеет определение толерантности в психологии. В Большом толковом психологическом словаре (2003) толерантность воспринимается как «установка либерального принятия моделей поведения, убеждения и ценностей других»; как «способность выносить стресс без серьезного вреда». Таким образом, этимологическое значение толерантности употребляется для обозначения способности к сопротивлению: стрессам, вредным воздействиям окружающей среды, собственному раздражению поведением другого индивида. Составители словаря также указывают, что толерантность может иметь как положительную, так и отрицательную окраску. «Толерантность включает энергичную защиту ценностей других и признания плюрализма, а также, что истинно толерантный, терпимый человек будет противостоять любой попытке помешать их свободному выражению. Другие, однако, используют его в неопределенном отрицательном смысле,

подразумевающим, что толерантность является своего рода неестественным воздержанием, видом скрежетания зубами при смирении с поведением, убеждениями и ценностями других».

Следует отметить, что понятие толерантности, хотя и отождествляется большинством источников с понятием терпения, имеет более яркую активную направленность. Толерантность – не пассивное, покорное терпение, а активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этническими общностями, социальными группами, во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, национальной, религиозной или социальной среды.

Понятие толерантности приобретает разные оттенки значения в зависимости от сферы научной деятельности, в которой этот термин применяется. Но, независимо от точки зрения, толерантность характеризует способность принимать или быть готовым принять те внешние воздействия, которые идут вразрез с внутренним содержанием, предотвращая тем самым конфликтные или опасные ситуации.

6.2. Социальные формы становления толерантности

Необходимость перехода в условиях глобализации современного мира к новому типу социальных отношений, основанных на принципах плюрализма и толерантности, становится очевидной при анализе кризисного состояния существующей системы международных отношений, построенной на принципах господства и подчинения.

Проблема толерантности во второй половине XX и начале XXI века приобрела международный характер, так как ее положительное решение позволяет развязать нити многочисленных международных и внутригосударственных конфликтов. Достижение компромиссов в диалоге конфликтующих сторон невозможно без определенного уровня взаимной терпимости, признания права другого на инаковость, согласия с тезисом о недоступности конкретным социальным субъектам абсолютной истины.

Повышение важности проблемы толерантности выразилось в проведении Года Организации Объединенных Наций (1995), посвященного терпимости, а также в резком увеличении числа

международных мероприятий, направленных на привлечение внимания мирового сообщества к этой животрепещущей проблеме, поиск условий, способствующих распространению толерантности. Проблема формирования толерантности осложняется целым рядом факторов. Одним из таких факторов является глобализация современного мира.

Суть процесса глобализации состоит в резком расширении и усложнении взаимосвязей и взаимозависимостей как людей, так и государств, что выражается в процессах формирования планетарного информационного пространства, мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, в интернационализации проблем техногенного воздействия на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов и безопасности.

Глобализация современного мира постоянно напоминает человечеству о том, что мир многообразен и в то же время един, что различные подходы к одним и тем же процессам неизбежны ввиду различия культур и уже небезопасны как для конкретных социальных субъектов, так и для мира в целом. Налицо повторение ситуации, возникшей в Новое время в период кровопролитных религиозных войн в Европе, выходом из которой стала легитимация толерантности.

Усиление взаимозависимости человечества, осознание ответственности за его дальнейшую судьбу, четко проявившиеся в процессе глобализации современного мира, безусловно способствуют формированию культуры толерантности. Специфическими особенностями глобализации современного мира являются экономическая и финансовая взаимозависимость, информационная глобализация и взаимозависимость с точки зрения безопасности. Сегодня принцип толерантности в международных отношениях перестает носить характер этического пожелания, а приобретает свойство социально-политического императива.

Однако именно процессы глобализации в немалой степени затрудняют переход к принципиально новому типу международных отношений, базирующихся на принципе толерантности. Прежде всего, препятствием является нарастающее многообразие мира (возникновение новых государств, религий и т. д.). До недавнего времени казалось, что развитие человеческого сообщества идет в направлении его гомогенизации и универсализации, что неизбежно создаст условия для развития культуры толерантности.

В связи с тем, что основным субъектом глобализации является западная цивилизация, считалось, что именно ее ценности приобретут универсальный характер и поведут человечество к «золотому веку». Такие представления особенно усилились после краха коммунистической идеи в СССР и других странах социалистического лагеря. Квинтэссенцией таких взглядов явилась нашедшая статью Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?» (1989), а затем и книга «Конец истории и последний человек» (1992), в которых была провозглашена победа либерализма во всемирном масштабе. Тем не менее, в сфере международных отношений вряд ли воцарится мир, причиной чего, по мнению американского футуролога, является наличие государств, оставшихся в истории и не имеющих шансов пересечь ее границы и войти в постисторию. «Конфликт между государствами, принадлежащими постистории, и государствами, принадлежащими истории, «будет по-прежнему возможен». Более того, по мнению Фукуямы, «сохранится высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире. Палестинцы и курды, синкхи и тамилы, ирландские католики и валлийцы, армяне и азербайджанцы будут копить и лелеять свои обиды. Из этого следует, что на повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные войны». Несмотря на такой неутешительный прогноз, общий вывод в целом достаточно оптимистичен: «Однако для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся в рамках истории; а они-то как раз и уходят с исторической сцены». Подобная трактовка игнорирует как подлинные причины «обид» народов, приписанных Фукуямой к истории, так и реальные угрозы международных конфликтов и терроризма безопасности всего человечества. Дискурс творцов «конца истории» и обладателей абсолютной истины возникает на почве предпосылки единой рациональности.

В дальнейшем Фукуяма внес определенные коррективы в данную трактовку: «Прежде всего, я хотел бы отметить, что считаю саму идею “войны с терроризмом” ошибкой. Мне не нравится этот лозунг, так как я считаю, что проблемой является не терроризм как таковой, а определенная разновидность исламского религиозного радикализма, бросающая совершенно новый вызов». (Из интервью с профессором Ф. Фукуямой в конце сен-

тября 2004 года в Вашингтоне главного редактора «Свободной мысли-XXI» В. Иноземцева и директора Центра исследований постиндустриального общества А. Антипова).

В своих последующих работах «Непростые вызовы нового столетия», «Строительство Государства», «Америка на перепутье: демократия, власть и наследие неоконсерватизма», «После неоконцов: в чем правые оказались неправы» автор утверждал, что прямое подтверждение теории часто затруднено, так как невозможно учесть все частные случаи ее действия. Для опровержения теории достаточно всего одного случая с ней не совпадающего. Поэтому если теория сформулирована так, что ситуация, в которой она будет опровергнута, может существовать, то такая теория является научной. Теория, непроверяемая в принципе не может быть научной. Однако, отвечая на вопрос корреспондентов газеты «The New Times» 20.01.2009: «То есть на вашей идее из «Конца истории» о торжестве либеральной демократии в мире можно поставить крест?», он заметил: «Нет. Людям нравится демократия. Им хочется иметь права, участвовать в процессе принятия решений, которые влияют на их жизнь. Кроме того, история свидетельствует, что тоталитарные и авторитарные режимы органически не способны решить целый ряд проблем. Исключение пока составляет Китай, прежде всего благодаря впечатляющему экономическому росту. Россия, Иран тоже пока неплохо справляются с проблемами, но это вопрос времени. Авторитарные режимы неустойчивы, и рано или поздно они перестают быть привлекательными для граждан».

Веру в существование общеобязательного и общезначимого сознания, то есть независимого от исторических и географических условий, разделяли все ведущие западные мыслители, начиная с Рене Декарта и заканчивая Максом Вебером и Эдмундом Гуссерлем. Свою лепту в разрушение этой веры внесла глобализация, в ходе которой стал очевиден провал западного социального макропроекта в сфере международных отношений. Этим проектом предусматривалось создание вселенского содружества наций, их объединение в рамках гомогенной социальной конструкции: глобального гражданского общества, находящегося под эгидой коллективного межгосударственного центра.

Реалистическая оценка нынешнего состояния системы международных отношений вызывает две противоположные реакции.

Первую представляет позиция Сэмюэла Хантингтона, справедливо полагающего, что пролонгация действия существующей системы неизбежно ведет к столкновению цивилизации Запада с остальными цивилизациями, фактически отстраненными от участия в управлении процессами глобализации. Известный американский политолог фиксирует неспособность Запада к компромиссу с другими цивилизациями.

Одним из парадоксов глобализации, направляемой западным миром, является следование принципу демократии, плюрализма и толерантности внутри стран Запада, с одной стороны, и действия по принципам господства, монизма и нетерпимости во взаимоотношениях с незападными странами, с другой стороны. Демократия, плюрализм и толерантность все больше превращаются из базовых в принципы инструментальные, используемые избирательно.

Вторая реакция на кризисное состояние системы международных отношений заключается в поиске общих принципов дискурса цивилизаций (Юрген Хабермас и др.). Симптомом кризиса прежнего монистического взгляда на мир явилось появление концепции постмодернизма. Она базируется на процессе осознания бесконечного многообразия мира и, следовательно, относительности и условности общественных структур и способов жизнедеятельности, в том числе и международных реальностей.

Важнейшим фактором, сдерживающим переход к сетевой системе международных отношений, основанной на принципах демократии, плюрализма и толерантности, является тот способ политического мышления, который основывается на представлениях о стабилизирующем балансе сил и усматривает в плюрализации (появление многочисленных субъектов) движение мирового сообщества к полному беспорядку.

Очевидно, что плюрализация современного мира означает необходимость следования принципам плюрализма и толерантности как в социальной теории, так и в практике международных отношений. Преодоление нетерпимости становится путеводной нитью человечества для его выхода из нынешнего кризиса.

Сторонники дискурса цивилизаций отмечают, что у современного человечества существует общий интерес – выживание, который и должен обеспечить победу принципов плюрализма и толерантности в международных отношениях. Альфред Вебер полагает, что «потенциальная уязвимость Запада перед лицом

глобальных вызовов указывает на то, что в конечном счете придется выходить на путь направляемого развития, то есть управления мировыми процессами в духе компромисса на почве общего интереса» (Вебер А., Актуальные проблемы глобализации).

Наиболее реальным выходом из создавшейся ситуации, по убеждению большинства ученых и политиков, является переход к новому типу социальных отношений, основанному на принципах плюрализма, толерантности и сотрудничества.

Несоответствие старого политического мышления новым международным реалиям находит отражение в трех парадоксах глобализации и плюрализации мира.

Первый парадокс состоит в том, что разрушение биполярной системы международных отношений способствует переходу от латентных к открытым формам конфликтов. При этом возрастает число источников глобальной нестабильности и насилия.

Второй парадокс заключается в том, что усиление взаимозависимости мира происходит в условиях ослабления управляемости международных отношений с помощью старых институтов.

Третий парадокс выглядит как стремление государств жить в глобальном мире, преследуя исключительно национальные интересы, что объясняется страхом проиграть в условиях отсутствия надежных гарантий и механизмов защиты безопасности страны.

Эти парадоксы объясняют утверждение новой, еще более авторитарной, чем в период существования биполярности, системы международных отношений.

Согласно оптимистическим взглядам интересы и ценности любых стран и цивилизаций не являются принципиально несовместимыми, что дает шанс формированию новых международных институтов, способных обеспечить построение справедливого глобального порядка в рамках мировой цивилизации. Обратим внимание на одну из политических рекомендаций С. Хантингтона, которую можно интерпретировать как движение Запада в сторону толерантности к другим цивилизациям. Речь идет о его предложении уменьшить вмешательство в дела других цивилизаций, продиктованное увеличением возможностей незападных цивилизаций для формирования мира по западному образцу. Суть этой рекомендации заключается в том, что Западу необходимо обрести более тонкое понимание других цивилизаций, чем то, которое остается преобладающим. Такое более тонкое понима-

ние должно быть восприимчиво к религиозным и философским допущениям, находящимся в основании других цивилизаций, и к тому, как представители незападных цивилизаций видят свои интересы в мире. Незападные цивилизации продолжают приобретать богатство, оружие и технологии, и, следовательно, Западу придется все в большей степени приспособливаться к этим цивилизациям и все меньше навязывать им свои стандарты поведения.

Таким образом, даже сторонники идеи «столкновения цивилизаций» видят уменьшение напряженности между цивилизациями в более терпимом отношении к ценностям и интересам других, чуждых им народов. Иными словами, идея толерантности пробивает себе дорогу благодаря усилению взаимозависимости мира в ходе его глобализации. Именно в этом можно усматривать ее положительный аспект.

Воспитание культуры толерантности в сфере взаимодействия культур, народов, цивилизаций в условиях глобализации не имеет альтернативы. Толерантность в качестве нового типа социальных отношений представляет проблему не только в сфере взаимодействия различных культур и цивилизаций, но и внутри последних. В этой связи следует рассмотреть культурные и социальные предпосылки толерантности в современном российском обществе, а также тенденции ее динамики.

Нетрудно предположить, что уровень терпимости должен быть выше в обществе стабильном, гомогенном, компактном, интегрированном. В случае с Россией мы имеем противоположную ситуацию. В многочисленных исторических, философских, социологических, политологических, культурологических работах отмечается расколотость российской цивилизации, антиномичность национальной культуры, особенность российской ментальности, что объективно не способствует укреплению начал толерантности в обществе. Это подтверждается выводами ученых А. Ахиезера, А. Дмитриева, Б. Ерасова, Н. Лапина, Е. Примакова, С. Хантингтона, М. Чешкова и многих других представителей социогуманитарного знания. Антиномичность национальной культуры выражается в сложном структурном и диахронном характере: соединение Запада и Востока, наложение различных этнических и региональных культурных типов, временных компонентов, профессиональных общностей. Процессы глобализации лишь усилили значимость этой характеристики российской культуры.

Например, А. Ахиезер отмечает, что уровень конфликтности в российском обществе на протяжении всей истории страны был и остается довольно высоким, и выделяет четыре аспекта конфликтности как элемента повседневности:

1. Разрушение диалогического механизма в обществе во второй половине XVI века с помощью опричнины, уничтожавшей одну из сторон конфликта, а следовательно, его возможность (в дальнейшем это отождествится в известную формулу «нет человека – нет проблем»). Кроме того, на этом переломном рубеже отечественной истории произошло закрепление той модели взаимоотношений государства и общества, которая стала в дальнейшем ведущей. Суть этой модели состояла в том, что государство стало вторгаться в повседневную жизнь каждой общности, каждой личности. Порог чувствительности в российской культурной традиции, по сравнению с другими странами, был заметно сдвинут в сторону расширения полномочий государства.

2. Вариант борьбы с социальной дезорганизацией, применявшийся на макроуровне, заимствовался и использовался при разрешении конфликтов на микроуровне (внутри общины, между общинами).

3. Периодический выход насилия за пределы микроуровня, в ходе которого осуществлялись попытки уничтожения правящего и образованного слоя, а также государства. Этот процесс не всегда принимал крайние формы, но выработалась устойчивая предрасположенность к ненависти или даже простому равнодушию к власти как к чему-то враждебному, чужому, тому, что не следует поддерживать, воспроизводить. Этого подчас оказывалось достаточно для катастрофического страха перед государством. Массовое кровопролитие могло возникнуть позже в результате разнонаправленных попыток сформировать новую государственность.

4. Высокий уровень конфликтности на микроуровне в современном российском обществе. Так, в структуре умышленных убийств значительное место занимают бытовые убийства и убийства на семейной почве.

Эти конфликты могут переместиться с микроуровня на макроуровень, способствуя очередному разрушению государства. В этом плане протесты людей, испытывающих серьезные трудности в адаптации к новым жизненным условиям, начинают носить дисфункциональный характер и угрожают полной дезорганизацией общества. Крайне важно подчеркнуть, что люди, содейству-

ющие разворачиванию этих конфликтов, как правило, не уделяют внимания вопросу нахождения конструктивных решений на всех уровнях общества. При этом они не считают необходимым компенсировать свои действия гражданской ответственностью, озабоченностью эффективного функционирования целого, не осознают своей ответственности за все происшедшее со страной. Подобная социальная безответственность и близорукость связана с архаичной, тяготеющей к манихейству верой, что разрушение зла тождественно восстановлению господства добра.

Обращение к генезису принципа толерантности показывает, что он сформировался в рамках западной культуры и не является универсальным принципом всех культур. Одним из условий легитимизации толерантности является появление на Западе автономной личности.

Важной социальной предпосылкой развития толерантности считается наличие в обществе массового среднего класса (к примеру, в США он составляет до 80% населения). Сегодня социальный вес среднего класса в России не позволяет ему выступать в качестве субъекта толерантности, согласия и стабильности в обществе.

Трудно переоценить роль правовой базы культурных взаимодействий, а также опыта толерантности, наработанного как в своем, так и ином обществе. Изменения в правовой базе еще не достигли критического объема. Декриминализация ряда статей Уголовного кодекса РФ (например, разрешение и поддержка предпринимательской деятельности, малого и среднего бизнеса, снятие уголовной ответственности за гомосексуализм и т. д.), принятие новых кодексов (Гражданского, Семейного и т. д.) пока не оказали серьезного влияния на развитие терпимости в обществе.

В российском обществе государство традиционно выполняло функцию обеспечения диалога между различными группами и слоями населения. Социологические опросы в течение последних лет отмечают низкий общественный рейтинг практически всех государственных институтов. Культура, существовавшая до начала либеральных реформ, оказалась не готовой ответить на новые вызовы времени (коммерциализация отношений, утрата прежних идеалов и ценностей, глобализация и т. д.), что инициировало процесс преимущественно индивидуальной адаптации. Попытки вестернизации российской культуры наряду с другими факторами обострили конфликт поколений.

Отмеченные социокультурные условия предопределили низкий рейтинг ценности терпимости в общественном сознании. Самое главное заключается в том, что нетерпимость одной части общества усиливает аналогичную сторону социального поведения другой части, что в свою очередь затрудняет решение важнейших общественных проблем.

Для преодоления подобных тенденций необходимо выполнение определенных условий. Первое (основное) заключается в наличии положительной мотивации межнационального взаимодействия. Второе условие состоит в приобретении навыков и привычек межнационального взаимодействия. Другими словами, возникает общественная потребность в новом типе социальных отношений, строящихся на принципах диалога и толерантности.

Межрелигиозные отношения на всех этапах развития российского общества играли не последнюю роль.

Напомним, что дореволюционная Россия являлась поликонфессиональным государством, а во времена правления Екатерины II Святейшим синодом был выпущен эдикт «О терпимости всех вероисповеданий...» (1773). Характерно, что и до революции 1917 года, и сейчас о межрелигиозных отношениях можно судить по ситуации, складывающейся в Казани. Так как именно здесь ярко прослеживается исторический опыт реализации толерантных практик межкультурного и межконфессионального взаимодействия (от времен Ивана Грозного до подписания первого в истории договора Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан»).

Для Казани характерно конструктивное развитие религиозного измерения межкультурного диалога, в частности, между православным и исламским сообществами. Формирование консервативно-демократического союза православных и мусульман стало возможным из-за «европеизации» современного татарского ислама и аналогичного процесса в местной православной общине – в «евроислам» и «европравославие» соответственно. «Евроислам» исповедует социальную доктрину, включающую следующие принципиальные положения:

- невмешательство в государственные дела;
- строгое следование Конституции республики;

- поощрение индивидуализма;
- развитие творческого начала в человеке;
- объявление всякой общественной деятельности в качестве богоугодной;
- признание ценности рыночной экономики.

Таким образом, «евроислам» представляет собой попытку синтеза ценностей ислама с либеральными и демократическими идеями. Пока трудно сказать, получит ли татарский опыт сотрудничества двух крупнейших российских конфессий распространение в масштабах всей страны.

Важным является вопрос о деятельности многочисленных псевдорелигиозных организаций, относимых специалистами к тоталитарным сектам. Известно, что участники этих сект подвергаются серьезному психическому воздействию и со временем начинают занимать крайние позиции по ряду важных социальных проблем. Рост нетерпимости является одним из следствий нахождения людей под влиянием тоталитарных сект. Сознание адептов последних отличается неспособностью к критическому анализу своих новых убеждений, представлений и верований, что делает практически невозможным установление диалога с носителями иных взглядов.

Таким образом, в области межрелигиозных отношений в России имеет место действие двух процессов, противоположным образом влияющих на развитие религиозной и национальной терпимости. Укреплению демократических представлений о свободе совести противостоит антидемократическая и изоляционистская (в рамках «своей» религии) тенденция. А ряд так называемых новых религиозных движений, преимущественно тоталитарной направленности, воспользовавшись либерализацией религиозной жизни россиян, объективно содействует развитию нетерпимости в обществе.

Итак, два исторических фактора – глобализация современного мира и трансформация российского общества – поставили на повестку дня переход к новому, толерантному типу социальных отношений. Для его осуществления необходимо формирование и массовое воспроизводство такого типа личности, который обладал бы развитой культурой толерантности.

Одним из главных социальных институтов, способствующих формированию толерантных начал в российском обществе, яв-

ляется образование. Однако выполнение им этой новой функции предполагает его коренную трансформацию. Принцип диалога, неразрывно связанный с принципом толерантности, должен являться не только средством обучения, но и его целью. В дальнейшем эти принципы могут начать экспансию в другие сферы жизни общества. Всепроникающий характер принципов толерантности и диалога не означает их «одионочества» и особой выделенности среди других жизненных принципов. Он свидетельствует о том, что без усиления их влияния под угрозой находится выполнение главного на сегодня принципа – принципа выживаемости.

6.3. Этническая толерантность

Попытки определения сущности толерантного сознания традиционно исходят из признания значимости всего спектра социально-политических, экономических, культурно-ценностных, правовых и т.д. доминант. Чаще всего толерантность связывают с формированием правовой и политической культуры, утверждением принципа уважения прав и свобод человека, воспитанием отношений терпимости, уважения культуры и ценностей других народов, формированием активного неприятия насилия, расизма, ксенофобии, религиозной нетерпимости, терроризма, а также с воспитанием культуры мира. Однако если вычленишь в понимании толерантности собственно национальный аспект, то он, главным образом, выражается в определенном отношении представителей различных этносоциальных групп друг к другу. Причем это отношение должно соответствовать определенным критериям, в частности, быть уважительным, лояльным и т. д.

Этническая толерантность предполагает терпимость в отношении инаковости жизненного уклада, ценностей, способов поведения представителей других национальных сообществ. При всей простоте этой формулировки именно «терпимость» и является одним из наиболее трудно определяемых понятий. В частности, весьма сложно отличить индифферентно-терпимое, безразличное отношение одних представителей этнических групп к другим от позитивно-терпимого, понимающего отношения.

Часто этническая неприязнь и отрицание направлены на этнообразующие отличительные признаки того или иного социума, т. е. на те признаки национального целого, которые собствен-

но и отличают его от других обществ. В этом-то и заключается сложность в определении и реализации толерантных принципов межнационального общежития. Чувство близости и родства для представителей одной этнонациональной целостности концентрируется на общих сегментах культуры – обычаях, укладе, социальных поведенческих проявлениях и т. д. Именно единство социокультурного целого в рамках одной этнотерриториальной группы служит основанием для понимания и соучастия членов данной группы в совместном национальном пространстве. Толерантность внутри одного национального коллектива не представляет проблемы – ни на уровне определения, ни в контексте практического воплощения, поскольку представители одного социального пространства разделяют общие архетипические ценностные, поведенческие установки социума. Поэтому «внутренний» принцип толерантности в рамках некоторого этнического целого отсылает к единой истории и пониманию близости кажущихся различными индивидов данного социума.

Утверждение толерантности в данном контексте означает не что иное, как приобщение к общей культуре этноса и, в целом, воплощается в традиционных принципах просвещения. Внутри одного этноса различия уступают место более существенному единству, выражающемуся в социокультурной идентичности индивидов этноса. Иначе обстоит дело с определением толерантности в контексте различных друг от друга культур.

Отличия между представителями различных этносоциальных групп порою превосходят то социокультурное общее, что может стать основой для понимания и эмпатии, сопереживания индивидуумами разных этнических коллективов.

Так или иначе, но сложность в определении толерантного заключается в том, что основой толерантности является коллективное сознание, включающее в себя общее социокультурное пространство, содержащее общность языка, чувство этнической близости. Толерантность, понятая в рамках социального монизма, не представляет серьезной проблемы. Помещенная же в контекст социокультурного, межнационального плюрализма, толерантность оказывается концептуально трудноуловимым понятием.

Американский исследователь С. Стоуффер полагает, что усиление социального и культурного разнообразия повышает необходимость в организации механизмов защиты гражданских

свобод для функционирования демократического общества. Примечательно, что Стоуффер в вопросе о развитии толерантности стоит на довольно оптимистической позиции, утверждая, что уровень толерантности в сфере политики, культуры постоянно возрастает.

Говоря о трансформации уровня толерантности в европейском и американском политическом и социокультурном сознании, Мэндок и Сандерс полагают, что толерантность не стала существенно более значимой для массового сознания. В своем исследовании «Толерантность и интолерантность. 1976–1998» авторы, опираясь на статистические наблюдения, отмечают, что уровень толерантности в исследуемый период существенно не изменился. Это примечательно, поскольку данный отрезок истории совпадает с окончанием холодной войны и трансформацией мирового порядка из двуполярного в однополярный.

Иной подход в отношении толерантности развивает Джозеф Вагнер. Он вписывает толерантность не столько в рамки дифференцирующегося и сегментирующегося социума, сколько в контекст становления и развития морально-нравственной сферы общества. Если Стоуффер и другие исследователи истолковывают толерантность функционалистски, т. е. как систему норм, необходимую для взвешенного и гармоничного функционирования общества, полного социокультурных контрастов, то Вагнер наделяет толерантность антропологическими чертами – этическое коллективное сознание на определенном этапе развития порождает систему ценностей социального общежития.

Безусловно, указанные подходы дополняют друг друга, поскольку, во-первых, осознание необходимости толерантных форм общежития может появиться только перед лицом социальных конфликтов и противоречий, которые могут быть следствием мозаичности и дифференцированности культур, способов жизни, ценностных шкал различных социальных групп. Во-вторых, сам вопрос о снятии конфликтных ситуаций и противоречий мирными способами, вопрос о гармоничном сосуществовании различных культур в многогранном социальном мире возможен только в рамках развитой и определенной системы этических морально-нравственных норм, которые включены в коллективное ценностное сознание. Трудно представить себе даже гипотетически, что понятие о необходимости гармоничного сосуществования с сосе-

дями может возникнуть в сознании среднестатистического представителя Золотой Орды времен татаро-монгольских нашествий XIII–XIV вв. Толерантность на этом этапе развития истории и сознания не могла входить в шкалу ценностей как аксиологически значимая категория. Таким образом, осознанная потребность в толерантности отражает как развитие социальной дифференциации, так и становление моральной составляющей общества.

Один из значимых подходов к проблеме толерантности в контексте мировой глобализации и кризиса демонстрируют представители Римского клуба. Коллективные усилия авторов отражены в нескольких весьма авторитетных исследованиях. Значимой является работа Михайло Мезаровича и Эдуарда Пестеля «Человечество на переломе». Особенности нового мирового порядка в контексте проблемы глобализации отражены в коллективной монографии «Пересматривая международный порядок», редактором которой выступил Ян Тинберген.

Основная позиция представителей Римского клуба связана с констатацией глубокого кризиса в современном состоянии человеческого общества: «Главный принцип членов клуба выражается в исследовании глубокого патологического состояния и несогласованности всего человечества... противоречия, проникающего во все аспекты человеческой жизни». Важнейшим пунктом современного существования мирового сообщества должны быть принципы толерантности. Значимость проблематики, поставленной в рамках исследований Римского клуба, заключается в том, что новый искомый мировой порядок, помимо экономических, институциональных и т. д. составляющих, должен включать и новую идеологию сосуществования, т. е. идеологию толерантности.

Важнейшим слагаемым рационального миропорядка является идеология толерантности, выступающая в виде системы норм, определяющей сосуществование различных культур и обществ в едином мировом пространстве.

Таким образом, понимание толерантности в рамках исследований западных авторов связано с поиском новой мировой стратегии существования международного сообщества.

В рамках отечественной социальной философии и социологии существует несколько подходов к определению толерантности. В частности, Л.М. Дробижева определяет толерантность как «готовность принять других такими, как они есть, и взаимодейс-

твовать с ними на основе согласия» (Дробижева Л.М., 1997). В этом определении межнациональная коммуникация строится на принципе принятия своеобразия и самобытности других культур. На уровне общей программы этот принцип представляется весьма естественным и понятным. В.А. Тишков, известный российский исследователь, дает более простое определение толерантности, как «уважение и невмешательство» (Тишков В.А., 1997). Эта простота подкупает своей кажущейся ясностью, однако возникает неопределенность, связанная с тем, что остается непонятно, на чем именно должно основываться уважение представителей различных, зачастую враждебных культур друг к другу. В уважении уже содержится некий гносеологический принцип, связанный с тем, что для уважения необходимо, как минимум, знание одним народом другого. Таким образом, позиция Тишкова содержит в себе неустранимый просветительский принцип: основа толерантного взаимодействия национальных групп связана с познанием и приобщением противостоящих друг другу культур. При всем том, что эта позиция весьма проста и понятна, она связана с одной сложностью в определении толерантности. Толерантность в рамках межнациональной коммуникации возможна только там, где есть стремление к ней, к взаимному общежитию и соучастию. Толерантность – это следствие осознанности общей надэтнической, надконфессиональной составляющей индивидов различных социальных групп. Однако если некий этнический социум замкнут на внутренних массовых стереотипах и догмах, не содержит в себе факторов, толкающих его на рационализацию собственной культуры, то такой социум неизбежно будет интолерантен, поскольку замкнут в своих локальных ценностных ориентирах и никак не соотносит их с принципами мирового общежития. Толерантность связана с определенным развитием ценностных доминант личности. «Толерантность – это искусство жить в мире непохожих людей и идей» (Асмолов А.Г., 2001. С. 32).

Особенность современных противоречий в сфере определения толерантности заключается в том, что международное сообщество одновременно утверждает значимость, самобытность, самоценность различных культур и ценность единого мира универсальных общечеловеческих ценностей. Именно в этом и заключается многомерность проблемы толерантности: признавая социокультурную ценность локальных этносоциальных групп,

люди зачастую противоречат ценностям общечеловеческим, и наоборот. Такие явления, как авторитаризм и тоталитарность власти, отрицаются в качестве значимых ценностей представителями демократических обществ. Однако именно эти ценности полагаются обязательными составляющими власти в некоторых восточных культурах.

Еще более серьезный вопрос связан с проблемой, что считать общечеловеческими ценностями. В какой-то момент исторического развития социальной мысли общечеловеческим стало европейское, западное. Как известно, просветители понимали развитие культуры строго линейно, общеобязательно. Все общества проходят один и тот же путь развития, выражающийся в смене одних и тех же форм социума. Это означало то, что европейская модель развития капиталистического общества обязательна для всех без исключения культур и национальных групп. Это в свою очередь приводило к выводу, что «отсталые» общества неизбежно пойдут по европейскому пути развития, приняв европейские ценности. Данный принцип в истории послужил основанием не только для европеизации стран Азии и Африки, но и к их колонизации и истреблению коренного населения, поскольку европейская культура признавалась более высокой и развитой.

Как известно, современное международное сообщество отвергло плоский просветительский принцип в подходе к развитию культуры, признав безусловную значимость неевропейских ценностей. Интересны в этом плане выводы социальных психологов и этнопсихологов, отраженные в работах Н. М. Лебедевой, О. В. Луновой, Т. Г. Стефаненко, М. Ю. Мартыновой. В частности, общепризнанным считается невозможность развития стран Африки по европейскому сценарию. Следовательно, та модель ценностного монизма, которая имела место в эпоху просвещения, ушла в прошлое. Очевидно, что этническая толерантность предполагает нечто общее между различными этническими культурами. Эта общность есть не что иное, как общность пути. Толерантность в этнической коммуникации связана с поиском единой глобальной мировоззренческой позиции, которую бы разделяли представители различных этнических культур.

Приведенные выше позиции отражают двойственное понимание этнической толерантности в современном мире. В частности, это выражается в том, что в рамках международного зако-

нодательства, с одной стороны, провозглашается принцип наций (этносов) на самоопределение, в том числе и в отношении государственной юрисдикции, но, с другой стороны, утверждается неделимость и неизменность государственных границ. Именно здесь кроется неизбежное противоречие между частным и общим, позволяя отдельным национальным группам самоопределяться, в том числе, и в отношении государственных территорий, и вместе с этим утверждается нерушимость государств в их территориальном status quo.

Таким образом, можно сказать, что принципы этнической толерантности – это принципы уважительного отношения и диалога между различными национальными группами. Однако определение сущности этнической толерантности связано с определением ценностного языка, на котором будет вестись этническая коммуникация.

Представители различных национальных, конфессиональных сообществ в целом выступают с близкими принципами, основанными на утверждении сближения культур.

Традиционно считается, что в понимании принципов этнической толерантности возможны некоторые модификации. Например, В. Лекторский предлагает уровневое понимание толерантности:

1. Индифферентная толерантность, выражающаяся в простом безразличии представителей одних этнических групп к другим. На этом уровне соприкасаются религиозные догмы различных культур, этнические формы обрядовости, верований. В этой ситуации рациональный диалог практически невозможен, поскольку сами указанные сегменты не являются рациональными.

2. Толерантность в рамках невозможности взаимопонимания. Этот уровень предполагает более высокий коэффициент толерантности. Индивиды различных культур имеют некоторое интуитивно-стихийное уважение к иному, т. е. к элементам чужих им культур. Однако это уважение имеет догматический и в целом нерациональный характер.

3. Толерантность как снисхождение выражается в аристократической позиции, когда собственная культура занимает привилегированное положение, а представители других этнических групп считаются отсталыми, малоразвитыми.

4. Толерантность как терпимость в рамках расширения собственного опыта и критического диалога. Это самый оптимальный уровень этнокультурной коммуникации, предполагающий не только уважение к представителям другого народа, но и возможность смены собственной позиции в контексте критического диалога (Лекторский В.О., 1997).

Как полагает Кеннет Уэйн, межнациональный диалог будет органичным и конструктивным только в том случае, если он имеет непосредственный, натуральный смысл. Это означает, что толерантность предполагает не только некое гипотетическое и абстрактное уважение к ценностям, установкам и убеждениям (позициям) представителей различных культур, но и уважение к самим носителям ценностей и установок – непосредственно к людям разных социокультурных пространств (Кеннет Уэйн, 1997).

Этническая толерантность определяется в рамках уважительного диалога и взаимодействия различных этнических групп. Принцип этнического толерантного диалога предполагает множество позиций, установок, ценностных параметров, которые считаются равноправными. Для современного состояния понимания толерантности характерен отказ от монополизации истины, присущее стремление к провозглашению открытости, готовности к компромиссу в диалоге и взаимодействии. Это означает вариативность и ситуативность различных форм этнической коммуникации.

6.4. Толерантность в обыденном сознании

В жизни каждого человека возникают ситуации взаимной агрессии, непримиримости и последующего разочарования из-за того, что проблема, вызвавшая агрессивное противостояние, не только не разрешается, но обостряется. При этом, как правило, возникает понимание неэффективности такого поведения. Конструктивное решение указанных проблем возможно посредством проявления участниками конфликтной ситуации толерантности.

Толерантность/интолерантность включает в себя определенное знание-представление об объекте отношения (когнитивный компонент). В случае межличностных отношений это знание о другом человеке, особенности восприятия и представления о нем. Знание о другом человеке обуславливает наше эмоциональное отношение к нему (аффективный компонент). Знание и обус-

ловленное им эмоциональное отношение, в свою очередь, определяют поведение по отношению к этому человеку (конативный компонент), характер «обращения» с ним. Под влиянием эмоций люди становятся тенденциозными, предвзятыми, необъективными. Совершенный под влиянием минутного настроения поступок (конативный компонент) может повлечь создание определенной модели ролевых отношений с ним и стать причиной возникшего стойкого отношения к нему и столь же стойкого определенного суждения об этом человеке. Таким образом, три аспекта толерантности: когнитивный, аффективный и конативный – составляют триединую структуру. А. В. Юревич пишет: «...когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты зарекомендовали себя как основные составляющие психического, что породило представление о так называемой «фундаментальной психологической триаде» (Юревич, 2007. С. 509).

В психологии и смежных науках, занимающихся проблемами человека, его отношениями в социальном мире, термин «толерантность» в настоящее время употребляется в разных значениях и наполняется различающимся психологическим содержанием.

Не менее интересен вопрос о том, какое представление о толерантности преобладает в обыденном сознании, т.е. в сознании обычного человека, специально не занимающегося исследованиями этого феномена.

Под руководством З. И. Рябикиной был проведен ряд исследований, направленных как на выявление значений, которыми наделяется понятие «толерантность» в обыденном сознании, так и определения соотношений толерантного поведения со стремлением к самореализации.

По результатам первого исследования было установлено, что около 70% участников хорошо знакомы с понятием «толерантность».

Раскрывая содержание понятия «толерантность», респонденты чаще всего использовали слово «терпимость» (83%). Помимо этого определения в трактовке понятия использовались такие характеристики, как: «самообладание», «спокойствие», «выдержка», «устойчивость», «не агрессивный», «не конфликтный», «демократичный», «готовность к компромиссу», «уважение к другому человеку», «доброта», «отзывчивость», «понимание», «уступчивость», «способность жертвовать своими интересами», «самопожертвование» и др.

На просьбу оценить уровень толерантности у тех, с кем приходится контактировать в обыденной жизни, мужчины и женщины ответили по-разному. Среди женщин-респондентов 24% склонны считать окружающих достаточно толерантными. Среди мужчин такая точка зрения не обнаружена.

Выражая свое отношение к толерантности как к качеству личности, 55% респондентов-женщин и 41% мужчин ответили, что считают это качество безусловно положительным; 6% мужчин и 3% женщин скорее склонны рассматривать его как плохое качество.

Отвечая на вопрос «Как изменится мир, если люди станут более толерантными?», женщины дали ответ «улучшится» в 52% случаев, мужчины в 24%. «Мир ухудшится» ответили 6% мужчин.

В заключении автор делает вывод, что понятие «толерантность» в обыденном сознании скорее ассоциируется со способностью человека сдерживаться, не проявлять себя (свое отношение) и даже иногда с необходимостью жертвенности, самоотречения.

Характер представлений о толерантности и отношение к этому свойству личности у мужчин и женщин различается. Приблизительно половина из опрошенных женщин и только третья часть мужчин склонны оценивать толерантность как положительную особенность человека.

Мужчины традиционно демонстрируют более высокие показатели направленности на самореализацию, поэтому толерантность, ассоциируемая «со способностью сдерживаться, не проявлять себя», воспринимается ими зачастую негативно. Если в психологическом портрете «настоящего мужчины» фигурирует «склонность защищать свои взгляды», то в портрете «настоящей женщины» это – «умение уступать». Таким образом, культурно заданные образцы мужского, женского поведения обуславливают гендерные различия в отношении к толерантности на уровне обыденного сознания.

Противоположным процессом по отношению к толерантности выступает самореализация, трактуемая как ориентация человека на аутентичное бытие, как присущее человеку намерение реализовать все его потенциалы.

Как соотносить ценность самореализации с призывами быть толерантным? Нет работ, в которых достаточно ясно были бы со-

отнесены эти две направленности, обуславливающие поведение человека в социуме. Очевидно то, что в обыденном сознании они нередко могут создавать впечатление конфронтующих.

Хотя возможно и более корректное рассмотрение соотношения этих феноменов. Резко возросла плотность контактов человека с другими людьми, увеличилось количество коммуникаций, возросла неопределенность в условиях большей свободы индивидуальной активности. Людям надо научиться жить на одной территории, которая все более наполняется субъектами, претендующими на то, чтобы организовать ее по своему разумению. Человеку надо уметь находить компромисс между самореализацией и толерантностью, т. е., с одной стороны, сохранить возможность реализовать себя, создав аутентичное своей природе бытие, с другой стороны, дать возможность другому реализовать проект его бытия. Поэтому исследования психологических закономерностей самореализации, тех состояний и преобразований, которые должны быть реализованы субъектом, дополняются не менее актуальной и практически значимой темой толерантности.

Метод, использованный в следующем исследовании, был создан по мотивам известной телевизионной игры «Последний герой».

В ходе анализа проведенной игровой процедуры были получены следующие данные:

- частотный словарь черт личности, послуживших основанием для изгнания персонажа из игры;
- перечень характеристик личности, послуживших обоснованием симпатий к участнику игры «Последний герой».

Первое место в рейтинге причин изгнания заняли характеристики «конфликтность», «скандальность» и пр., что можно обобщенно обозначить как «интолерантность».

Лучшие результаты в игре были достигнуты героями, в чьих психологических портретах стержневыми характеристиками были гибкость в отношениях, неконфликтность, умение ладить с разными людьми, т.е. толерантные способности.

Исследование показало, что в рейтинге причин «изгнания» рядом с интолерантностью оказалась личностная особенность, названная участниками экспериментальной игры «бездеятельность». Напротив, характеризуя понравившихся героев, как правило, респонденты отмечали их деятельную (или субъектную)

позицию, в том числе и в выстраивании отношений с другими участниками игры. Установлено, что в реальном действии предпочтению отдается не тому варианту толерантности, который ассоциируется со способностью сдерживаться, терпеть, не проявлять свое отношение, готовностью жертвовать собой, а тому варианту толерантности, который предполагает активное построение со-бытия с другим, при этом не отказываясь от себя, сохраняя ориентацию на самореализацию.

Таким образом, в данном случае есть основание говорить о двух типах толерантности в зависимости от того, в какую конфигурацию личностных черт она вписывается. Условно их можно обозначить как толерантность активную и пассивную. Двойственность психологического содержания этого феномена обуславливает двойственность отношения к нему, проявившуюся в содержании обыденного сознания и особенно в гендерной дифференциации этого содержания: скорее позитивное отношение женщин и скорее негативное отношение мужчин к толерантности на уровне обыденных трактовок.

Возрастание активной толерантности может происходить с нарастанием социального опыта, с расширением картины мира и выработкой разнообразного тезауруса социально-перцептивных эталонов и соответствующих им вариантов (моделей) поведения в общении.

В исследованиях С. В. Абрамовой изучалось отношение к женщине своего и чужого этноса. В частности, рассматривалось содержание образа женщины в обыденном сознании адыгов и русских. Установлено, что базовый конструкт «образ женщины» как элемент обыденного сознания личности и составляющая ее картины мира различается в русской и адыгской культурах. Ситуация совместного проживания на одной территории представителей разных культур предполагает сближение содержания обыденного сознания. В исследовании выявлено значительное сходство в представлении образа женщины у мужчин различной этнической принадлежности. Более того, процессы схождения наблюдаются не только у мужчин, но и непосредственно происходит сближение структур образа «Я» у женщин, также относящихся к разным этническим группам. В обыденном сознании мужчин образ женщины определяется возрастом и принадлежностью к определенному этносу. То есть «знание-представление» как составная часть

толерантности опирается во многом на этническую принадлежность субъекта восприятия. В результате исследователь приходит к заключению, что в ходе когнитивных процессов субъекты взаимодействия будут ограничивать свою толерантность по отношению друг к другу, исходя из присущих им традиций этнического восприятия.

Особенности формирования и проявления толерантных установок у российских граждан в различных ситуациях межнационального взаимодействия можно продемонстрировать результатами исследований ВЦИОМ.

Так, в результате опроса в 2007 году установлено, что большинство респондентов (87%) полагают, что «российскому народу присуща открытость, стремление к общению и взаимодействию с представителями разных народов, религий и культур». Этому мнению придерживается 87% русских людей (к русским по национальности себя отнесли 86% опрошенных) и ещё большая доля, 91%, представителей других национальностей. Не согласны с данным тезисом лишь 8% респондентов.

«Русский народ в течение своей истории объединял разные народы, примирял их между собой» – так считают 80% опрошенных. Противоположную точку зрения, что «история российского государства – это история насильственного присоединения других народов и стран, подавления их национальной самобытности и самостоятельности», разделяют только 10% респондентов.

На то, что «отношения между различными народами нашей страны всегда были терпимыми», указали 78% опрошенных (не согласны с ними 11%). «Политика власти всегда строилась с учётом равноправия различных народов нашей страны» – с этим тезисом согласны 71% респондентов (против 16%). Мнения по этим вопросам русских и людей других национальностей распределяются практически одинаково.

Если говорить о личном опыте, то только 4% опрошенных часто сталкиваются с дискриминацией по национальному признаку, еще 14% – иногда. Это происходит чаще всего в быту – магазинах, отелях, общественном транспорте и т. п., при приёме на работу (2% и 11%) и на учёбу (1% и 7%).

Допускают для себя и своих детей возможность вступления в брак с представителем другой национальности свыше полови-

ны россиян – 59% (в их числе 18% безусловно готовы к этому, и 41% скорее готов). Среди русских такую возможность допускают 57%, среди представителей других национальностей – 75%.

Большинство россиян довольно тесно общаются с представителями других национальностей. У 69% есть такие коллеги, хорошие знакомые, у 68% – друзья. Кровного родства с представителями «не своей» национальности у опрошенных чаще всего нет: у 60% их нет среди близких родственников, у 49% – среди дальних; как нет их и среди недоброжелателей (49%).

Интересными представляются исследования, проведенные в 2008 г. под руководством В. А. Тишкова, которые позволяют не только подтвердить основные тенденции, выявленные годом ранее в исследовании ВЦИОМа, но и дать им научную интерпретацию.

По итогам опроса выяснилось, что только 11% респондентов считают, что их родственники и друзья принадлежат одной национальности. Гораздо больше оказалось тех, кто ответил (76%), что в их ближайшем окружении есть люди разных национальностей. Такие ответы свидетельствуют о том, что в повседневной жизни люди придают некоторое значение национальности окружающих их людей. Современная наука трактует данные результаты как, прежде всего, результат непосредственного социального опыта.

Две трети респондентов считают, что «национальность» – это происхождение по родителям и предкам, а 42% отметили, что для них национальность – это, прежде всего, язык и культура. По большому счету подобные ответы говорят о восприятии национальности как «этнической предопределенности» человека.

Хотя результаты исследования продемонстрировали, что в обыденном сознании россиян большое значение придается этническим различиям, тем не менее 79% респондентов заявили, что люди различаются не по групповым, а по индивидуальным качествам. Значит, не взирая на все возможные стереотипы, россияне воспринимают других людей, в первую очередь, по их личным качествам.

Также проведенное исследование показало, что две трети россиян считают, что у них больше сходств чем различий. Оказалось, что только 8% россиян категорически не приемлют идею межнациональных браков. Остальные опрашиваемые в большей или меньшей степени положительно смотрят на подобные союзы.

Особенно мало внимания на национальность партнера обращают молодые люди, в их оценке превалирует личная привлекательность.

Более 35% респондентов допускает, что в течение жизни человек может менять свою этническую принадлежность.

Результаты этих и других исследований показывают, что современному российскому обществу присущи плюралистические позиции в гораздо большей степени, нежели считалось ранее. А это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о тенденции укрепления общероссийской гражданской идентичности при одновременном сохранении этнокультурного многообразия.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы представления о толерантности в мировой культуре?
2. В чем заключаются положительные моменты активной толерантности в сравнении с пассивной толерантностью?
3. Почему мы выделяем толерантность как культурную норму и моральную ценность?
4. В чем проявляются исторические предпосылки возникновения толерантности?
5. Как соотносятся понятия: глобализация и толерантность?
6. В чем заключается этническая составляющая толерантности?
7. В каких ситуациях в обществе особенно остро проявляется потребность в толерантности?
8. В чем сходство и различие в понимании толерантности у отечественных и западных исследователей?
9. В чем заключаются отличия научного и бытового понимания толерантности?

Список литературы

1. *Абеляр П.* Диалог между Философом, Иудеем и Христианином // Вопросы философии. М., 1995. № 3.
2. *Асмолов А. Г.* Мы обречены на толерантность // Семья и школа. 2001. № 11–12.
3. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1. 1991.
4. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2002.
5. *Дробижева Л. М.* О возможности формирования толерантных установок общественного сознания в современном российском социуме. Социальное согласие и толерантность в современном митре.

Вып. № 2 / отв. ред. З. Т. Голенкова, Г. М. Денисовский. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002. 192 с.

6. *Золотухин В. М.* Две концепции толерантности. Кемерово, 1999.

7. *Кант И.* Сочинения. В 6 т. М., 1968. Т. 4. Ч. 1.

8. *Кондрашов А. П.* Кто есть кто в классической мифологии: Энциклопедический словарь. М., 2002.

9. *Лебедева Н. М.* «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. М.: Старый сад, 1997.

10. *Лебедева Н. М., Лулева О. В., Стефаненко Т. Г., Мартынова М. Ю.* Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. М.: ИПК РУДН. Институт этнологии и антропологии РАН, 2003.

11. *Локк Дж.* Послание о веротерпимости. Екатеринбург, 2002.

12. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. 1992.

13. Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В. А. Тишков. М., 2008.

14. Социологическая энциклопедия. В 2 т. М., 2003.

15. *Таранов П. С.* 150 мудрецов и философов (Жизнь. Судьба. Учение. Мысли): Интеллектуальный энциклопедический справочник в 2 т. Симферополь; Запорожье, 2000.

16. *Тишков В. А.* О толерантности // Толерантность и согласие. М., 1997.

13. *Фукуяма Ф.* Конец истории // Вопросы философии. 1990.

14. *Шалин В. В.* Толерантность (культурная норма и политическая необходимость) Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 2000.

ГЛАВА 7. ТОЛЕРАНТНОСТЬ И РЕЛИГИЯ

7.1. Религиозная толерантность

Религиозная сфера – одна из тех составляющих жизни общества, для которых толерантность необходима в первую очередь. Степень уважительного, спокойного и доброжелательного отношения между приверженцами разных религий, разных направлений одной конфессии, между верующими и неверующими предопределяет уровень культуры людей, цивилизованность общества и государства.

Религиозная толерантность в целом – это признание права на свободу самоопределения верующих, уважительное отношение граждан к этому праву, к культурно-религиозному плюрализму общества, утвержденных как исходные положения и демократические нормы государства.

Тогда принцип религиозной толерантности должен включать в себя:

- признание права личности на свободу религиозного самоопределения, уважительное отношение к культурно-религиозному плюрализму общества, восприимчивость и непредубежденность к альтернативе;

- обязанность гражданина способствовать утверждению религиозных прав человека, культурно-религиозного плюрализма; признание каждым гражданином права за другими придерживаться своих религиозных, нерелигиозных (индифферентных) и атеистических убеждений;

- уважительное отношение органов государственной власти к религиозным чувствам верующих.

Индикаторами толерантности в области религии выступают: степень лояльности к лицам иного вероисповедания, отношение к экстремизму и глобализации, атеизму и безрелигиозности, трактовка роли и места религии в жизни общества и человека, оценка тенденций секуляризма или, наоборот, сакрализации, религиозного фундаментализма и экстремизма, понимание соотношения религии и науки, допущение религиозного плюрализма.

Учитывая, что религиозная толерантность как определенный тип отношений включает различных ее участников, то и ее проявление происходит на следующих уровнях:

а) микроуровень – между индивидами;

б) макроуровень – между религиозными группами (деноминациями, конфессиями, мировыми религиями), формирующими, как правило, межконфессиональную толерантность, а также толерантное отношение к светской социальной жизни;

в) мегауровень – между религиозными организациями и государством, контролирующим взаимоотношения между религией и политикой.

Необходимо различать «внутреннюю» и «внешнюю» («светскую») трактовку религиозной толерантности. Каждая из этих трактовок, рассматривая факт достижения религиозной толерантности в рамках плюралистической религиозной конкуренции, состязательности и соперничества, ставит свои вопросы.

«Внутренняя» – о возможности и границах признания другой религии как подлинной и легитимной встречи со священным. И разрешение данного вопроса касается макроуровня, где рассматривается вопрос об отношении одной религии к другой, т. е. проблема межрелигиозных и межконфессиональных взаимоотношений.

«Внешняя» – о действенности «западноевропейской» модели толерантности, при которой религия рассматривается как личное (частное) дело каждого человека, а государство проводит политику невмешательства в дела совести своих граждан, если только те или иные религиозные убеждения не угрожают свободе других членов общества. Здесь речь идет о мегауровне, на котором осуществляются принципы свободы совести. Иными словами, во «внутренней» форме границы религиозной толерантности обуславливаются догматикой, тогда как во «внешней» – законами.

В сознании религиозного человека эти два типа религиозной толерантности могут входить в противоречие, когда верующий сталкивается с ситуацией выбора между активным сопротивлением тому, что его вера считает неистинным и/или греховным, и демонстрацией толерантного отношения, которого требует от человека светское государство. Ведь, будучи гражданином, верующий человек находится одновременно и в светском, и в религиозном поле.

Практически любая религия призывает своих адептов к доброду, уважительному отношению к другим людям. И только когда

религиозная сфера входит в соприкосновение со сферой политики, начинаются проблемы, связанные с неприятием верующими одной конфессии верующих другой.

Несмотря на разные предназначения, цели, сферы деятельности, религия (как сфера сверхъестественного, духовной жизни, личных чувств и убеждений) и политика (специфическая сфера организации общественной жизни, властных отношений, управления социальными слоями, обществом и государством) неизменно взаимосвязаны.

Взаимоотношения политики и религии требуют в каждый конкретный исторический момент детального рассмотрения, призванного раскрыть специфику проявления различных звеньев религиозных организаций в политике и особенности использования религии политическими деятелями для достижения своих целей.

Вопреки разделяемому многими верующими принципу размежевания религии и политики, в современном мире наблюдается широкое участие религиозных организаций в общественной и политической жизни разных стран, в том числе и в военных конфликтах.

В новой и особенно в новейшей истории для большинства стран мира стал общепринятым светский (секулярный) правовой принцип отделения религиозных дел от государственных, признание независимости и автономности политики и религии. Подобные нормы зафиксированы в конституциях и законодательных актах множества стран. Сходные положения имеются и в современных принципиальных документах многих религиозных организаций. Для жителей многих из этих стран характерно как раз толерантное отношение к представителям других верований, так как достижение определенных благ, уровня жизни или повышение своей социальной роли не зависит от вероисповедания и гарантировано любому гражданину.

Но есть государства, в которых какая-либо религия носит статус официальной, главенствующей. Соответственно, установка «свой-чужой» в таких обществах принимает практически конфликтный характер.

Воздействие религии на политику неизменно ощущается, в первую очередь, в том, что религия как определенная мировоззренческая система, включающая обязательные нравственные ус-

тановки, влияет на умонастроения своих последователей, на их жизненные устремления, социальное поведение, политические действия. Причем подобное воздействие тем сильнее, чем глубже вера последователей данной религии, чем больше их готовность следовать ее нормам в повседневной жизни. Неодинакова также степень влияния разных религий на определение духовных стимулов политической деятельности, нравственных критериев социального поведения.

Каждая религия в той или иной степени заявляет о вселенском и абсолютном характере собственного трансцендентного опыта и о ложности остальных. С богословской и философской точек зрения позиция исключительности вероучения у той или иной деноминации оправдана и является неотъемлемой частью их самоидентификации.

На основании мирового исторического опыта можно выделить следующие формы «внутренней» религиозной интолерантности:

1) фундаментализм – непоколебимая, чрезмерная, граничащая с фанатизмом приверженность определенным идеалам, принципам, идеям;

2) фанатизм – страстная преданность своей вере или идее, соединенная с крайней нетерпимостью к чужим убеждениям.

Толерантность во взаимоотношениях между последователями разных религий не является непосредственно производной от того или иного решения ими проблемы «истинности» веры тех, с кем приходится сосуществовать в одном социально-политическом пространстве, и тем более не подразумевает принятия другого верования. Многие исследователи религии предупреждали о глубоком заблуждении людей относительно того, что религиозная толерантность предполагает полное принятие мировоззрения другого верующего, что эта терпимость к вере человека иного исповедания означает «конвертирование» из одной веры в другую, что именно данная позиция составляет основную базу для религиозной интолерантности и является непреодолимым препятствием в убеждении человека о необходимости и возможности равного сосуществования на основе взаимоуважения (Джей Ньюмен, М. Б. Хомяков, Э. С. Филимонов, А. И. Артемьев, Е. И. Шехтерман, К. Ш. Шулембаев, В. Г. Яковлев и другие).

Нередко религиозная толерантность, проявляющаяся через бесконфликтные межконфессиональные отношения, зиждется не на той или иной степени близости убеждений людей, не на включении себя в качестве обязательного компонента доктринальной терпимости, а на уважении личного достоинства (здесь уместна известная христианская установка – «ненавидеть грех, но любить грешника») и на свободе, в том числе свободе религиозного выбора, закрепленного законодательно. То есть природа толерантности укоренена не в области «истины», а в сфере свободы. Поэтому толерантность не только (и не столько) «подпитывается» близостью понимания религиозной истины, но и сама создает благоприятные условия для того, чтобы эта близость постепенно превращалась во все более глубокое взаимопонимание между верующими.

«Внутренняя» религиозная толерантность на социально-политическом пространстве в значительной мере зависит от типа государства – светского или религиозного. Так, светское государство, в котором все религии имеют одинаковый правовой статус, более способствует развитию межконфессионального или межрелигиозного диалога.

Проблема заключается в том, что при допущении индивидуальной свободы вероисповедания в государстве свобода совести не является безусловным гарантом против религиозной символизации политических конфликтов. Привыкнув к пониманию религии как «частного дела», граждане начинают относиться ко всякой религии, претендующей на общественное значение, как к чему-то фундаментально подозрительному. А переводя религию в разряд «частного», по сути индифферентного, общество автоматически находится под угрозой обострения религиозных разногласий.

В странах с государственной религией толерантность или интолерантность общества в значительной мере испытывает влияние господствующей религии, которая может как способствовать, так и препятствовать укреплению социальной безопасности в плане обеспечения социального порядка и чувства защищенности от угроз культурно-духовным ценностям.

Современная Россия – многонациональная и поликонфессиональная страна (более 180 национальностей, более 70 религиозных направлений). Естественно, что представители всех народов

и верований постоянно взаимодействуют между собой. Поэтому формирование религиозной толерантности – один из факторов, влияющих на безопасность страны, ее целостность.

Трудности обеспечения религиозной толерантности в современной России обусловлены рядом обстоятельств. Это, прежде всего, негативные исторические традиции, ведь вопросы свободы совести нередко решались в стране в угоду политическим интересам государства или каких-либо партий.

Сложный поликонфессиональный и полиэтничный состав населения порождает необходимость регулярных усилий по поддержанию взвешенных взаимоотношений между разными религиями (православие – ислам, православие – иудаизм, ислам – иудаизм и т. д.), конфессиями (православие – католицизм, православие – протестантизм, православие – старообрядчество, протестантизм – католицизм и т. д.), между традиционными религиями и новыми, в том числе эзотерическими, религиозными образованиями. Следует иметь в виду также амбициозные позиции некоторых религиозных руководителей, которые своими некорректными, а подчас и провокационными высказываниями отнюдь не способствуют формированию толерантности. Наоборот, это порождает у определенных групп населения проявление нетерпимости по отношению к тем или иным верованиям.

Возможности реализации религиозной толерантности в современной России, как и в любом обществе, зависят от ряда факторов теократического, юридического и практического характера.

Речь идет, во-первых, о самом понимании принципа толерантности, его соответствии тем универсальным атрибутам религиозной толерантности, которые признаны мировым сообществом.

Во-вторых, следует говорить об отображении этого теоретического понимания в государственно-правовых документах, его воплощении в законодательных актах, дающих юридические гарантии для последователей различных религий.

Наконец, нельзя забывать о реально существующих социальных, культурных традициях, уровне общей культуры.

Теоретическое понимание религиозной толерантности, ее трактовка разными социальными и конфессиональными группами россиян в той или иной мере зависит от их религиозных, наци-

ональных, политических, патриотических и иных пристрастий. Но преобладающим среди всех слоев населения является убеждение в необходимости установления гуманных и демократических взаимоотношений между представителями разных конфессий, уважительного отношения ко всем верованиям.

Официальные государственные деятели неоднократно заявляли (в полном соответствии с известными международными документами – Всеобщей декларацией прав человека, Декларацией об устранении всех форм нетерпимости и дискриминации в связи с религией и убеждениями, Парижской хартией для новой Европы и др.) о своем стремлении обеспечить равенство всех религиозных объединений перед законом, исключить любые формы дискриминации по религиозным мотивам, создавать условия для обстановки терпимости, взаимного сотрудничества последователей всех религиозных направлений.

Эти устремления нашли отражение и в законодательных актах. Идеи толерантности отображены в Конституции РФ: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от... отношения к религии, ... запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам... религиозной принадлежности» (ч. 2, ст. 19); «... запрещается пропаганда... религиозного превосходства» (ч. 2, ст. 29). Более широко вопросы веротерпимости трактуются в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года, вобравшем основные положения международных документов по этому вопросу.

Однако законодательное закрепление каких-либо положений не есть их воплощение в реальной жизни. А потому на практике еще встречаются нарушения и духа, и буквы закона. Ведь при всех кардинальных идеологических, политических и правовых изменениях последнего времени наше общество остается на одном и том же уровне массовой культуры, цивилизованности, с одними и теми же традициями.

Для общественного настроения, разделяемого подавляющей частью населения России, характерно лояльное отношение к людям других верований и убеждений, готовность к терпимости, доброжелательности, сотрудничеству в разных сферах – от быта до политики. В отличие от некоторых религиозных руководителей большинство верующих не соглашается с идеей исключительнос-

ти, единственной истинностью той или иной религии и тем более с выступлением против других религий.

Общество заинтересовано в том, чтобы у его членов сформировалось мышление открытого типа, пробудился интерес к диалогу последователей разных религий, была преодолена предубежденность друг против друга на почве религии или национальной принадлежности, утвердились терпимость и конструктивное сотрудничество во имя всеобщего блага.

Наконец, не следует забывать о том, что практически все религии обосновывают толерантность одинаково. Ведь, несмотря на имеющийся некоторый потенциал нетерпимости авраамистических религий, тем не менее, в целом все религиозные учения, вне зависимости от национальной или культурной принадлежности, доктринально проповедуют универсальные принципы отношения Человека к Человеку, которые на протяжении двух с половиной тысяч лет меняли свою форму, оставляя неизменным их содержание. С древних времен они закрепились в религиозных мировоззрениях в виде аксиоматических божественных заповедей.

Буддизм: «Человек может выразить свое отношение к родственникам и друзьям пятью способами: великодушием, учтивостью, доброжелательностью, отношением к ним, как к себе, и верностью своему слову».

Конфуцианство: «Не делай другим того, чего не хотел бы от других».

Индуизм: «Не делай другому того, от чего больно тебе».

Джайнизм: «В счастья и страдании, в радости и в горе мы должны относиться ко всем существам, как относимся к самим себе».

Сикхизм: «Как ты думаешь о себе, так думай и о других. Тогда на небе вы будете равны».

Даосизм: «Считай успех соседа своим успехом, а потерю соседа своей потерей».

Зороастризм: «Только та натура хороша, которая не сделает другой того, что не хорошо для нее самой».

Иудаизм: «Не делай ближнему своему того, от чего плохо тебе».

Христианство: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

Ислам: «Никто из вас не станет верующим, пока не полюбит своего брата, как себя самого».

Вера Бахаи: «Не считайте друг друга чужими: вы плоды одного дерева и листья одной ветки», «лучший способ отблагодарить Бога – любить друг друга».

Нетрудно заметить, что все эти религии, возникшие в разное время и в разном географическом пространстве, объединяет одно – общая идея толерантности как призыв к миролюбию в принципах отношения Человека к Человеку.

История мировых религий подтверждает, что система норм, принципов и наставлений, провозглашаемая пророками, благотворно действовала на природу человека, пробуждала в нем высокие моральные качества, объединяла людей разных национальностей и убеждений на почве общих идеалов.

7.2. Религиозная нетерпимость в России: прошлое и настоящее

После падения Византии Россия на протяжении столетий считала себя единственной в мире страной истинной веры – православия. Ярчайшим выражением этого самоощущения русской элиты в XV–XVII веках стала теория «Москва – третий Рим». Именно поэтому чувство особой избранности (национальной, государственной и религиозной), свойственное почти каждому народу, у православных русских проявляется намного ярче, чем, например, у европейцев-католиков. Прямым следствием убежденности в «особости» всего русского стало представление у подавляющего большинства населения о том, что русские и их государство должны быть православными – другим здесь места нет.

Жизнь вносила в эти представления свои коррективы. Со времен Петра I русские люди и русское государство мирились с тем, что нерусские народы, проживающие в России, могут исповедовать другую религию. Здесь проживали и татары-мусульмане, и немцы-лютеране, и поляки-католики и другие иноверцы. Этот принцип веротерпимости глубоко укоренился в России, но уже в конце XIX века он стал давать сбои, потому что этноконфессиональные барьеры начали ослабевать и

участились случаи, когда русские перенимали веру у соседей-«инородцев».

В начале XX века в России наступил краткий период религиозной свободы. После 1905 года и марта 1917 года принцип веротерпимости победил и в законах, и в массовом сознании. Религиозный плюрализм стал наиболее характерным для большинства крупных российских городов.

Благодаря нескольким десятилетиям религиозной свободы бурно развивались различные направления протестантизма, католицизм и старообрядчество разных толков. Костелы, кирхи, дома молитвы, моленные, мечети и синагоги были в каждом крупном городе и не вызывали активной неприязни большинства населения, к их присутствию все привыкли.

В первое десятилетие своего существования советская власть по отношению к религиозным меньшинствам проводила весьма избирательную политику терпимости. В первую очередь преследованиям подвергалась Русская православная церковь, как, впрочем, и католицизм, и пацифистски ориентированные течения протестантизма. В то же время многие христианские меньшинства, которые притеснялись при царском режиме, получили свободу проповеди и организовывались в различные союзы. Как пример – активный рост евангельских христиан в 1920-х годах под руководством И. Проханова. Именно в этот период в России зародилось и распространилось пятидесятничество.

Естественным воплощением принципов большевистской идеологии стал возврат к тотальным антирелигиозным репрессиям с конца 20-х годов, завершившийся в 1929 году принятием законодательства о религиозных культах. «Советы» окончательно определили религию как пережиток, который необходимо искоренить. С терпимостью было покончено.

Сталинское примирение с церковью во время Великой Отечественной войны сделало православие фактически единственной общественно значимой религиозной силой в советском обществе. Изрядно потрепанная гонениями церковь была поставлена на службу государству, которое уже тогда стремилось использовать ее только в качестве патриотического символа. Послабления в существовании других конфессий были незначительны.

Изредка в печати всплывали сообщения о «кровожадных сектантах», под которыми подразумевались малочисленные группы

баптистов и пятидесятников. Последних обвиняли даже в том, что их члены совершают жертвоприношения детей. Можно представить, какое впечатление складывалось у советского человека об иных конфессиях, кроме православия, представители которого порой появлялись рядом с высшими руководителями государства. Свое зловещее звучание термины «сектанты» и «сектантство» стали приобретать именно в советский период. В качестве религии советскому человеку оставили лишь православие, да и то по большей части в качестве декларации. Вместо предреволюционного религиозного многообразия для людей стало естественным представление о монорелигиозности России.

С 1970-х годов целостное коммунистическое мировоззрение – вера в построение земного рая на основе социалистической экономики – практически полностью исчезло. Но положение после гибели коммунистической идеологии качественно отличалось от ситуации 1917 года, когда на смену одному целостному догматическому мировоззрению пришло зародившееся в его недрах другое, столь же целостное и догматическое. На смену советской системе взглядов пришло нечто туманное, аморфное и эклектичное.

К началу 1980-х годов и посещаемость церквей, и знание христианского учения находились на чрезвычайно низком уровне.

Посещение церквей само по себе не включало человека в реальную церковную жизнь и знакомило с традиционным религиозным мировоззрением лишь в минимальной степени. Поэтому неудивительно, что в годы перестройки произошла реабилитация всего духовного, религии без всяких вероисповедных различий. Наступило время безграничной религиозной терпимости.

Одновременно с «религиозным возрождением» наблюдался взрыв интереса и симпатий к католицизму и протестантизму, к буддизму и индуизму. Почти все вновь возникшие церкви, деноминации, культы и новые религиозные движения, существующие сейчас в России, появились в это время безбрежного интереса и терпимости к религии.

Схожей с состоянием общественного мнения была и политика властей. Наряду с участием официальных представителей власти в праздновании 1000-летия крещения Руси и отменой запретов на религиозную деятельность можно назвать визиты

М. Горбачева и Б. Ельцина в Ватикан и установление с ним дипломатических отношений, возрождение католических епархий, беспрепятственный массовый приток иностранных миссионеров и даже установление отношений на высшем уровне с некоторыми экзотическими для России и имеющими скандальную репутацию на Западе религиозными движениями – такими, как движения Шри Чинмоя, Секо Асахары, сайентологов и мунитов.

В самом начале эпохи религиозной свободы, в 1990 году, был принят весьма либеральный закон «О свободе совести», который отменял государственный контроль и регулирование религиозной жизни. Отношения между церковью и государством приближались в тот период к американской модели церковно-государственных отношений.

Московская патриархия не имела существенных привилегий по сравнению с другими конфессиями. Проникновение какой-либо религии в различные сферы государственной и общественной жизни на самом деле было ничтожным: ее не было ни в школе, ни в армии, ни в учреждениях. Религиозные праздники были частным делом граждан, а государство практически не финансировало церковь. На первых порах такое положение устраивало и религиозных деятелей. После тотальных запретов Русская православная церковь была удовлетворена самим фактом полного их отсутствия.

Принципиальный перелом в отношении общества и государства к религиозной свободе произошел в 1991–1992 годах, когда на смену западной «демократической» и «рыночной» эйфории пришли разочарование и апатия. Многочисленные социологические опросы тех лет показали: если до середины 1991 года не менее двух третей населения считало, что Россия должна брать пример со стран Запада, во всем подражать им, то уже в 1992 году подавляющее большинство считало, что у России особый путь, принципиально иная цивилизация, и Запад для нее не является эталоном.

Общим местом в выступлениях политиков, журналистов, общественников становятся утверждения об особом, русском пути развития, о существовании особой «русской цивилизации», о евразийстве. Но это были даже не рассуждения, не исторический и социологический анализ, а именно утверждения, лишённые сколько-нибудь серьезных аргументов. Эти изоляционистские

эмоции не являются результатом какой-то своеобразной, чуждой европейским ценностям идеологии, а, прежде всего, психологическим следствием невозможности быстро войти в европейскую семью народов по причине отсутствия гражданского общества, слабости правовой культуры и пробуксовки социально-экономических реформ.

В этом новом повороте общественного сознания русского постсоветского общества православие приобрело особое значение – символа национальной идентичности, пришедшего на смену коммунистическому прошлому.

Представление о враждебности «чужой веры» основывается совсем не на идеологии, а поэтому и противостоит не идеологиям, а каким-то религиозным формам – организациям, не вписывающимся в сложившийся стереотип духовной традиции. Реальное же религиозное сознание противников «чуждой религиозной экспансии» может состоять из самого произвольного набора религиозных представлений от расплывчатого деизма до бытового оккультизма.

Дореволюционная терпимость к нерусским иноверцам формально сохранилась. Но теперь она слишком часто не имеет практического приложения.

Против иноверцев-«сектантов» в общественно-политической жизни выступают партии и движения, в идеологии которых делается упор на те самые традиционные духовные и культурные ценности. Среди таких общественных сил можно назвать коммунистов, ЛДПР и различные националистические партии. Приверженность православию при этом может занимать второстепенное или даже ничтожное место в мотивах, которыми руководствуются сторонники этих партий, когда они выступают против «сектантов, губящих Россию». Многие иные политические партии затрагивали в своих избирательных программах тему борьбы с сектами. В частности, этот лозунг использовали представители движения «Наш дом – Россия».

Протестантизм весьма различен в своих проявлениях, поэтому отношение к русским баптистам, к которым уже привыкли, резко отличается от восприятия пятидесятников и тем более «диких» протестантов в лице, к примеру, Церкви Христа (Бостонское движение) или харизматов движения Ульфа Экмана. Среди различных восточных культов наибольшее неприятие могут вы-

зывать, например, кришнаиты, но совсем не буддисты, которым не свойственны яркие публичные акции. Прочих представителей инославия можно условно назвать новыми религиозными движениями (НРД), резко отрицательное отношение к которым зависит, условно говоря, от степени агрессивности их пропаганды.

Наличие изначальной антисектантской установки приводит к возникновению определенных стереотипов, касающихся «сектантов». Эти стереотипы не обязательно являются только мифологией. В отношении некоторых «сектантских» организаций они вполне могут основываться на реальных фактах.

Поскольку в иноверии часто видят внешнюю угрозу национальным ценностям и государственным интересам, наибольшая враждебность проявляется по отношению к иностранным миссионерам. Во многих регионах России были приняты законы о миссионерской деятельности, согласно которым любой иностранной миссии нужно пройти аккредитацию на практически невыполнимых условиях.

Есть несколько причин, которые вызывают неприязнь по отношению к протестантам. Это прагматизм, определенная врожденная «правильность», конкретность в понимании, к примеру, каждого слова в Библии. Отсутствие обрядовых форм и простота проповеди, совмещенная порой с инструментальной музыкой, позволяет некоторым обвинять протестантов в слишком фамильярном отношении к Богу и к вере вообще. Все это в целом является ни чем иным, как активным неприятием западного стиля поведения и образа мыслей. Из этого неизбежно следует вывод о том, что они «не наши», они чужды национальной духовности, а следовательно, и не будут поддерживать идею величия России и интересы российского государства. Именно поэтому они должны занимать второстепенное место в российской религиозной жизни, а также подвергаться всяческим ограничениям, что непременно приветствуется властями и значительной частью общества.

Среднестатистический человек, таким образом, думает, что церкви иноверцев должны быть маленькими, находящимися где-нибудь на краю города, а их мероприятия не могут быть публичными, чтобы чуждые идеи ни в коем случае не повлияли на основную массу населения, особенно на детей, и не оскорбляли своим видом истинных носителей русской культуры.

Резкие выступления против баптистов происходят только в тех случаях, когда они ведут себя «слишком активно» и становятся заметны на общем фоне общественной жизни. Заказные ругательные статьи сопутствовали строительству домов молитвы и евангелизационным акциям в Брянске, Липецке, Ставрополе. Обычно баптистов называли «врагами русского народа» и обвиняли в том, что они не крестят младенцев и не почитают преподобного Сергия Радонежского.

Фобии по отношению к католицизму во многом схожи с отношением к протестантизму. Однако, кроме неприятия прагматизма и западного стиля, в данном случае существует еще один фактор – страх перед мощной централизованной организацией, которая издавна хотела распространить свое влияние на Россию и осуществить экспансию на Восток. Русское национальное самосознание веками строилось на противопоставлении себя Западу, причем под этим многомерным термином чаще всего подразумевался именно католицизм. Русская духовность, государственность, культура осознавали себя в качестве антитезы «латинству». Православие противостояло неправославию, и этим неправославием был католицизм. Антикатолицизм был не только неразрывно связан с религиозностью и культурой, но не в меньшей мере с национальным сознанием, патриотизмом, верностью политической системе.

В Москве и Санкт-Петербурге и при Советской власти было хотя бы по одному костелу, поэтому присутствие католиков не воспринимается там как скандал. В городах, где в советское время католические общины были уничтожены, к католикам относятся как к неведомым пришельцам. В Брянске, Орле, Белгороде, Барнауле и других городах католики, требующие вернуть им дореволюционные здания костелов, могут услышать в ответ, что «здесь никогда не было католиков и вдруг они появились». От них просто отвыкли. Еще больший конфликт вызывает независимая неформальная католическая деятельность. Примером может служить попытка нескольких католических организаций создать центр по реабилитации наркоманов под Переславлем Ярославской области. Столкновения с местным православным священником и общественностью начались после того, как католических активистов заподозрили, что в селе Яропольцы фактически создается католическая община, а

молодежь вовлекают в католицизм с помощью компьютерного класса.

Антизападнические настроения играют роль и в отношении так называемых тоталитарных сект и новых религиозных движений, хотя ксенофобия по отношению к ним имеет и другие причины. Какие-то формы дискриминации по отношению к так называемым «тоталитарным сектам» применяются не только в России, но и во многих европейских странах. Эти организации игнорируют не только «национально-культурную традицию», но и общепринятые нормы взаимоотношения общины с окружающим обществом. Обычно в таких движениях практикуются тоталитарное подчинение лидерам, жесткая дисциплина и агрессивное миссионерство, которые предполагают постоянную вербовку новых членов. Строгая регламентация жизни и быта в этих сектах вызывает беспокойство и опасения по поводу некоего загадочного «психологического воздействия». Регламентация жизни на основе маргинальной по отношению к большинству общества идеологии, естественно, приводит к частичной изоляции последователей «сектантских» движений от социума и его стереотипов, от его культуры вообще. Появляются отличия в образе жизни и поведении. Это, пожалуй, самая сильная причина недовольства массы общества «сектами»: родители не хотят, чтобы их взрослые дети попадали в неведомый мир «сект», ибо его мало кто знает, а тем более понимает. Русские НРД (такие, как «Белое братство», Богородичный центр, виссариониты) в той же степени подвергаются остракизму, как и иностранные. По отношению к русским нельзя лишь с гневом указать на американский или какой-либо иной зарубежный центр. Власти и простые граждане с подозрением относятся к богородичникам. Первые – из-за того, что они резко критикуют Московскую патриархию, вторые – из-за их закрытости и непонятных обрядов. Родители детей, попавших в секту, пытаются, как известно, бороться с ней, организуя антикультурные комитеты. Самые известные из них – «Комитет Кушнерской» в Москве и «Комитет русских» в Санкт-Петербурге. Они возбуждали уголовные дела против мунитов и «Свидетелей Иеговы». В судах (и не только в России) никогда (или почти никогда) не удается доказать, что последователи НРД на самом деле совершают что-либо противоза-

конное. Это в свою очередь вызывает еще большую неприязнь, возникают мифы о демонической способности к конспирации, могущественных покровителях и использовании неведомых науке психотехник.

Во многих регионах России, особенно на юге, распространен страх перед сатанистами, которых никак не могут поймать, однако рассказывают о случаях ритуальных убийств. Настоящие сатанисты безусловно должны были бы быть оформлены в соответствующие организации, но борцы с сатанистами в лучшем случае обнаруживают либо психически больных людей, либо группы неорганизованных подростков, рисующих на стенах магические символы, которые используют их рок-кумиры.

В целом можно отметить, что неприязнь к инославию в России выражается совсем не в массовых репрессиях, но в отдельных столкновениях на улице, в избиении «сектантов», грубостях по отношению к ним.

Парадоксальность религиозной нетерпимости в России состоит в том, что она не является следствием каких-то определенных идей, складывающихся в представление о духовной традиции. Она во многом основывается на стремлении доказать всем, что Россия выживет только своим духовным богатством, но сегодня далеко не все понимают, что это за богатство и как его применить к современной жизни. А большинство использует духовную традицию как флаг, но что написано на нем, многие не понимают.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какая европейская страна в эпоху Средневековья представляла собой оплот нетерпимости и религиозного фанатизма?

2. Какие события в европейской истории XVI–XVII вв. положили начало признанию конфессионального плюрализма и явились качественным скачком в развитии идей толерантности?

3. Каковы основные трудности на пути религиозной толерантности в современной России?

4. На каких уровнях происходит осуществление религиозной толерантности?

5. Каковы основные отличия «внутренней» и «внешней» трактовок религиозной толерантности?

6. Чем характеризуется религиозная нетерпимость?

Список литературы

1. *Антонян Ю. М., Давитадзе М. Д.* Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М., 2004.
2. *Балагушкин Е. Г.* Нетрадиционные религии в современной России. М., 1999.
3. *Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Е.* Национализм и ксенофобия в российском обществе. М., 1998.
4. *Красиков А. А., Токарева Е. С.* Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения. М., 2006.
5. *Кырлежев А.* Заметки о типах религиозного сознания // Власть Церкви. Публицистические статьи 1994–2000. М., 2003.
6. *Мень А.* История религий. В 7 т. М., 1997.
7. *Митрохин Н.* Русская Православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2006.
8. Религиозные традиции мира. В 2 т. М., 1996.
9. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М., 1996.
10. Современная религиозная ситуация в России / В. И. Веремчук. Социология религии. М., 2004.
11. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений. М., 2002.
12. *Эшаде М.* Священные тексты народов мира. М., 1998.

ГЛАВА 8. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

8.1. Формирование толерантных установок в межэтническом взаимодействии: политический уровень

Одной из важнейших задач многонационального государства является интеграция различных этнических групп, налаживание устойчивых связей между ними на различных уровнях социальных отношений. Она решается в ходе поиска и реализации наиболее благоприятных вариантов взаимодействия субъектов межнациональных отношений (Жуков В.И., Краснов Б.И., 2004). Формирование толерантного подхода к этническим различиям и противоречиям, связанным с этой сферой общественной жизни, – одно из важнейших средств решения данной задачи. Поэтому следует рассмотреть, как вырабатывается «политика этнической толерантности», с точки зрения мирового и отечественного опыта.

Необходимость формирования взаимоприемлемых принципов и норм межэтнических отношений возникла и была осознана обществом далеко не сразу. На ранних стадиях развития этносов преобладало восприятие чужого как враждебного. Помимо межплеменных столкновений нетерпимость поддерживалась наличием эксплуатации жителей захваченных территорий, пленников, обращенных в рабство. Играли свою роль и этноконфессиональные различия, становившиеся порою основой для политико-идеологического оформления конфликтов (крестовые походы Средневековья, религиозные войны Нового времени и др.). Известны преследования целых этнических групп со стороны государства и господствующих классов, их дискриминация (например, гонения на евреев в большинстве европейских стран, изгнание в XVI веке из Испании морисков и марранов). Некоторые исследователи считают, что этнические противоречия и конфликты не только были неизбежны, но и играли роль «двигателей прогресса», стимуляторов дальнейшего этногенеза.

Не следует однако рисовать межэтнические отношения на протяжении длительных исторических периодов исключительно в черном свете. Развитие общества представляет собой гораздо

более сложный процесс, и еще с древнейших времен известны примеры, когда государственные образования, их лидеры пытались, пусть и стихийно, «нащупать» определенные векторы этнополитики. Еще Александр Македонский стремился создать свою империю как единое государство эллинов и восточных народов, в частности, принимая их религиозные обряды, традиции, устраивая межэтнические браки и т. д.

Наличие рациональных принципов построения отношений между этносами демонстрировали и кочевники-монголы, которых обычно оценивают как жестоких завоевателей. Они с уважением относились к обычаям и религии покоренных народов, требуя однако политического подчинения. Это было обусловлено практической потребностью укрепления Монгольской империи, в которой «хозяева» составляли меньшинство.

История нашей страны также демонстрирует богатый опыт применения разнообразных стратегий в сфере отношений между этническими группами. Еще на ранних стадиях своего развития наше государство включало в себя не только восточнославянские элементы. В сферу его влияния и непосредственной деятельности достаточно быстро попали финно-угорские, тюркские народы. Позже русские князья охотно принимали на службу татар, выходцев из Литвы и других стран (хотя те, как правило, принимали православие).

В эпоху территориальной экспансии, становления и развития Российской империи необходимость толерантного отношения к «инородцам» проявилась в еще большей степени. На большинстве территорий, называемых историками «национальными окраинами», проводилась весьма мягкая политика, не имевшая ассимиляторской направленности. Изначально имперские власти не стремились к резкой ломке сложившегося на присоединенных территориях ритма жизни, вследствие чего «микросоциумы» в ее составе сохраняли свою самобытность. Сохранялись, в том числе и правовые основы их существования. Поэтому далеко не всегда общеимперские законы имели силу на той или иной территории.

О накоплении позитивного опыта межэтнических отношений говорит и то, что в состав имперской элиты органично входили элиты национальные, представители которых были вполне полноправны. Множество представителей славянских, кавказских, прибалтийских, центральноазиатских и других народов, входив-

ших в состав империи, занимали высокие государственные посты и должности, вписав ряд знаменательных страниц в развитие российской государственности.

Ориентация на принципы сосуществования в этнической сфере чаще всего диктовалась не только определенными моральными принципами, но и политической необходимостью. Уже с древних времен складывается понимание того, что количество и качество народонаселения является одним из важнейших ресурсов государства, обеспечивая его политическую, экономическую и военную мощь. В некоторые периоды истории разворачивалась настоящая борьба за людские ресурсы, и наиболее мудрые правители старались привлечь их в наибольшем количестве вне зависимости от этнической принадлежности и вероисповедания. В частности, Российская империя, имея в своем составе большие малозаселенные территории, стремилась привлечь для жительства иностранных подданных. Манифест Екатерины Второй, посвященный этой проблеме, содержит основы толерантного подхода: «Всем прибывшим в Империю Нашу на поселение иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно, а желающим, не в городах, но особыми на порожних землях, поселиться колониями и местечками, строить церкви и колокольни, имея потребное число притом Пасторов... напоминая однакож при сем, чтоб из живущих в России во христианских законах, никто и никого в согласие своей веры или сообщества ни под каким видом не склонял и не привлекал...».

Таким образом, реализация продуманной этнической политики в исторической ретроспективе может рассматриваться как один из инструментов укрепления государств, полиэтничных по своему составу. Она не является абсолютной доминантой, сочетаясь с универсализаторскими тенденциями, этнической дискриминацией, нетерпимостью и даже прямым насилием. Это во многом способствует возникновению т.н. «национальных вопросов», особенно актуальных для государств имперского типа. Так, в России к концу XIX века остро стояли польский, еврейский и другие подобные национальные «вопросы». Оголтелый национализм (не только меньшинств, но и этнического большинства) становился реальной угрозой для некоторых государств. Поэтому на повестке дня того времени была проблема осуществления

государственной этнической политики, имеющей в своей основе толерантный подход.

Во второй половине XX – начале XXI века проблема толерантности в политике и, в частности, в сфере межэтнических отношений получает новое звучание. Связано это с нарастающим процессом усложнения общества, что ведет к усилению его сегментации, с развитием демократических институтов, в рамках которых меньшинства приобретают «право голоса». Развиваются миграционные процессы, моноэтничность государств уходит в прошлое. Толерантность становится необходимым условием поддержания согласия в обществе, предотвращения острых политических конфликтов.

В этот период нарастает и внимание к сфере межэтнических отношений. Начиная с 1970-х годов исследователи фиксируют возрождение национализма, возникновение феномена «новой этничности».

В современном мире характер межэтнических взаимодействий во многом определяется процессами глобализации. В то же время этнические общности имеют свою специфику развития, и нормы регуляции их взаимодействий отработаны далеко не окончательно. Разноуровневое социально-экономическое положение и неравномерность развития разных народов и стран является причиной этноцентрических предубеждений. Это при определенных условиях формирует у более развитого в индустриальном отношении народа чувство превосходства над так называемыми «отсталыми народами», более того, часто сопровождается социокультурной экспансией (Рахманин В.С.). В условиях обострения межэтнических противоречий расцветают ксенофобия, этническая дискриминация, что вызывает глубокие расколы общества по этническому признаку. Гибельные последствия этнических конфликтов вполне очевидны, поэтому государство, как правило, стремится обезопасить себя от них, проводя «профилактическую работу», разрабатывая «политику толерантности». Продолжает оставаться актуальным вопрос о научных основаниях такой политики.

Во второй половине XX века политические концепции толерантности развивались в правовом и социокультурном русле (Ильинская С.Г., 2006). К примеру, в концепции Дж. Ролза прослеживается доктрина радикального правового равенства: равенств-

тво может быть допущено лишь для того, чтобы предотвратить еще большее неравенство. Государство сохраняет «нейтралитет» по отношению к различным сообществам, поддерживая правовое равенство. Однако критики этой концепции подчеркивают, что она требует морального консенсуса в обществе. Например, США успешно «переварили» европейскую иммиграцию, но столкнулись с проблемами новой иммиграционной волны. Новые граждане страны зачастую не испытывают чувства общности американцев и их истории, характеризующегося привязанностью к определенным идеалам.

Канадский политический философ Ч. Тейлор развивает идеи толерантности, основанные на мультикультуралистическом подходе. С этой точки зрения общество предстает не совокупностью индивидов, как в классической либеральной концепции, а множеством отдельных культурных сегментов, принадлежащих к меньшинству или к большинству. Конфликты между этими сегментами возникают по поводу не столько интересов, сколько ценностей, и происходят они не столько в экономической или прагматико-политической сферах, сколько в символическом пространстве. Развивая данные идеи, У. Кимлики утверждает, что государство не может быть безразличным к этничности, и считает справедливыми требования о культурном спонсировании меньшинств, вне зависимости от их взглядов на прогресс и демократические ценности. Либеральная модель государства, таким образом, вовсе не означает насаждение либерализма в каждом из составляющих его сегментов.

Пытаясь объединить эти подходы, Ю. Хабермас создает модель «совещательной демократии», в рамках которой центральной является идея не толерантности, а солидарности, которая предполагает не выставление условий терпимости тем, кто слабее, а взаимную кооперацию разных, нашедших способы продуктивного взаимодействия. Критике здесь подвергается политика обеспечения самобытности, при которой национальные, религиозные и другие меньшинства получают необоснованные привилегии.

Таким образом, центральной проблемой, связанной с формированием «политики толерантности» в отношениях между этническими группами, является согласование прав отдельной личности и прав этих групп, воспринимаемых как самостоятельные социальные субъекты. Далеко не все этнокультурные традиции

включают в себя либеральные представления о высшей ценности прав и свобод человека, демократии и т.д. Возникает вопрос: каковы пределы толерантности на политическом уровне межэтнических взаимодействий, позволяющие сохранить целостность общества и незыблемость правовых устоев в условиях выраженной этнической сегментации общества? Как показывают события последних лет, связанные с волнениями иммигрантских групп (например, во Франции), расширительное толкование политической толерантности может привести к печальным последствиям, в том числе и к необходимости ужесточения государственной политики в отношении отдельных групп. А это, в свою очередь, порождает новые противоречия.

Концептуальные проблемы, связанные с формированием толерантного подхода, приводят к нечеткости определения как самого базового понятия, так и границ и форм проявления толерантности. Пожалуй, наиболее приемлемым в этих условиях можно считать определение толерантности через призму конфликтов, существующих между культурными традициями (разрабатывается Б. Капустиним). Толерантность заключается в готовности признать право оппонента на существование и развитие, несмотря на уверенность в неправоте его взглядов. При этом сама идея толерантного отношения к «чужому» не вызывает особых вопросов. Главный вопрос о границах толерантности, которые не остаются незыблемыми. В определенном смысле толерантность связана с насилием: оно во многом необходимо для того, чтобы поддерживать указанные границы. При этом расширение/сужение границ также связано с политической борьбой. «Режим толерантности – это есть режим господства. ... Толерантность исключает равенство... предполагает, что кто-то имеет право терпеть кого-то. ... Толерантность... есть форма признания» (Капустин Б.Г.).

Специфика межэтнических взаимодействий во многом определяется тем значением, которое придается этнической идентичности. Для многих людей она является одним из главных оснований для самоидентификации. Даже в тех государствах, где получила развитие гражданская концепция нации, существуют весьма четко идентифицируемые этнические меньшинства, ведущие борьбу за признание своих прав. Для сохранения целостности государства и во избежание обострения межэтнических противоречий необходимо достаточно жестко закрепить «границы толе-

рантности». Как показывает политическая практика различных стран, игнорирование требований меньшинств в современном обществе не может быть основой государственной политики.

В то же время не следует забывать, что принципы толерантности могут реально применяться только на взаимной основе. Это следует учитывать при организации территориального устройства, разработке языковой, образовательной политики и т. д. «Позитивная дискриминация» меньшинств и тем более их стремление к доминированию де-факто приводит к расширению интолерантности, так как не признается большинством. Поэтому этнополитика государства должна иметь сбалансированный характер, опирающийся как на национальные традиции, так и на определенные научные подходы, получившие признание в данном обществе. Таким образом, большое значение приобретает вопрос о концептуализации государственной политики и реализации ее на практике.

8.2. Концептуальные основы и политические практики распространения межэтнической толерантности

Большинство государств в современном мире в той или иной степени являются полиэтническими и, следовательно, разрабатывают и проводят определённую политику в сфере межнациональных отношений. При ее формировании определяющую роль имеют те цели, которые государство стремится достичь в этой сфере отношений, а также используемые методы. Поэтому в основе этнополитики лежит определенная концепция межэтнических отношений.

Известный исследователь Э. Смит выделяет две основных модели формирования наций. Первая из них – так называемая «гражданская» или «территориальная» – предполагает движение «от государства к нации», т. е. все граждане одного государства имеют равные социальные и политические права и образуют единую нацию. Вторая модель – движение «от нации к государству». В данном случае в основе формирования национального государства лежат этнические связи, сложившиеся в процессе исторического развития. Этнос как историческая и культурная

общность людей трансформируется при помощи процессов мобилизации, политизации и установления контроля над территорией (Коротеева В.В., 1999). Эту модель также условно называют «французской» и «немецкой» моделью.

Казалось бы, в рамках первой модели легче добиться утверждения принципов толерантности, т.к. она изначально направлена на сплочение представителей различных этносов, тогда как вторая модель в определенной степени требует «этнической чистоты» (предполагается, что основу нации составляют представители одной этнической общности). На деле же в современном обществе и та, и другая модель не гарантированы от возникновения этнических проблем и эрозии толерантности, ведь в их основе лежат представления о достаточно высокой степени культурной близости элементов, из которых возникает нация. Активная миграция приводит к тому, что в рамках одного «национального» государства могут сосуществовать сильно отличающиеся друг от друга этнические группы. Межэтнические отношения на этапе глобализации сохраняют свою значимость, этнические различия не только не утрачиваются, но и, напротив, в ряде случаев актуализируются. Последние десятилетия характеризуются ростом этнического сепаратизма, национализма не только в кризисных, но и в относительно благополучных государствах.

Основная опасность этих явлений связана с этнической конфликтностью, что в свою очередь может привести к распаду государства, повышению этнической напряженности в отдельных его регионах. Значительную роль здесь играют националистические лидеры. Жителей относительно благополучных периферийных регионов весьма легко подвести к убеждению, что разрыв с центром обеспечит еще более высокий уровень жизни. Любое государство, использующее имперские методы управления, в случае утраты былой способности и возможности навязывать согласие посредством материального вознаграждения или угрозы наказания, склонно к распаду и прекращению существования.

Анализируя опыт государств в сфере этнических проблем, можно выделить несколько путей их решения, применяемых в политической практике. Основные – это мультикультурализм, ассимиляторство, этническая дискриминация.

Мультикультурализм – концепция, признающая все культуры равноправными. Он предлагает интеграцию культур без их ас-

симилиации. Существуют два его варианта: мягкий, при котором отрицается только искусственное стирание различий, и жесткий, где этнокультурные различия не только признаются, но и всячески стимулируются.

Ассимиляторство включает в себя все возможные идеологии объединения и интеграции, которые способствуют стиранию межнациональных различий. К числу наиболее распространенных в настоящее время объединительных процессов относятся этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция, аккультурация.

Этническая дискриминация – политика стимулирования неравноправия народов. Наиболее известными формами этнической дискриминации являются апартеид, рабство, изоляционизм и т. д. Несмотря на противоречие дискриминационных практик принципам международного права, в настоящее время имеется достаточно много примеров существования данной модели национальной политики, хотя она обычно не закрепляется государством официально.

Дискриминация по этническому признаку фактически закрепляет интолерантность. Однако примеры успешной долговременной политики такого рода сложно найти. Ассимиляционные стратегии в большей степени опираются на принципы толерантности, так как чаще всего предусматривают объединение культур разных этнических сообществ. Мультикультурализм немислим без поддержания толерантности. Таким образом, толерантность становится концептуальной основой интеграции этнических групп в пределах одного государства.

Как отмечает Дж. Ротшильд, в полиэтничных обществах этот термин может означать три типа разных явлений:

1. Интеграция «жизненных возможностей», преодоление различий между отдельными этническими группами по таким показателям, как уровень смертности, грамотности, занятости, жилищные условия и т. д. Сравнение по этим показателям резонно, но абсолютное равенство недостижимо, тем более, что тенденции развития по разным критериям не совпадают.

2. Культурная интеграция означает либо аккультурацию подчиненных групп под воздействием доминирующей культуры в социально-экономически и политически существенных «областях» при сохранении этнокультурных особенностей в менее зна-

чимых сферах или на личностном уровне, либо полную ассимиляцию, когда этнокультурные особенности совершенно исчезают или становятся несущественными даже в личной жизни. В наше время этот вариант маловероятен.

3. Политическая интеграция предполагает признание легитимности политической системы этнической группой. Она может пойти на это свободно и добровольно или же под влиянием завуалированного, но эффективного использования власти доминирующей группой. Этническая группа может отказаться от признания легитимности, если изменяются ее собственные ожидания или если в системе происходят неблагоприятные для данной группы изменения, либо доминирование становится неэффективным. В любом случае это обратимый и неоднолинейный процесс. Фактически из трех видов интеграции политическая наименее устойчива, ее необходимо постоянно поддерживать позитивными мерами (Ротшильд Дж., 2000).

В эпоху обострения межэтнических противоречий, грозящих перерасти в глубокие конфликты, главным проводником принципов толерантности выступает государство как в силу имеющихся у него возможностей и ресурсов, так и в соответствии со своими целями и задачами. Анализируя имеющийся опыт западных стран, Е.А. Нарочницкая отмечает: «Главным субъектом в решении обострившихся этнических проблем выступили западные государства, которые являлись одновременно и одной из сторон конфликта, и проводником доминирующих в обществе сил и позиций». При этом они не только поддерживают межэтнический мир силовым путем, но и в разумных пределах идут навстречу тем или иным этническим группам, проводя аккомодацию ряда их требований (Нарочницкая Е.А., 2000).

Чаще всего политическая власть видит свой интерес в защите существующих структур этнических отношений с минимальными издержками для режима и господствующей этнической группы и идет лишь на ограниченные уступки, не меняющие по существу сложившийся статус-кво. Цели правительства по регулированию национальных конфликтов и то, какими методами оно их реализует, зависят от факторов, облегчающих или затрудняющих политическое действие мобилизованных этнических движений. К ним относятся: структура политических возможностей (конституционные правила, соблюдаемые правительством), наличие

у государства ресурсов, существующие внутриэтнические фракционные деления (как в правительстве, так и внутри этнических движений), типы публичной политики государства, стратегии и тактики этнических движений (Аклаев А.Р., 2005).

Выбирая определенную стратегию действий (деполитизацию этнических различий или управление ими), государство вырабатывает собственную доктрину этнополитики. Например, США в свое время формировали ее, исходя из идеи «плавильного котла», который должен был слить всех иммигрантов в единое американское общество без глубоких культурных различий. Когда этот подход не оправдал себя, возникла т.н. «концепция салатницы» – сосуществование ряда сообществ, имеющих этническое или региональное происхождение (итальянцы, ирландцы, латино- и афроамериканцы и т. д.), в рамках общегражданской культуры, политических и правовых практик. С этих позиций поддержание толерантности, запрет на внешнее проявление неуважения и неприятия «другой» культуры становится базовым принципом.

В чем-то схожие концепции развития межэтнических отношений существуют и в Европе. Однако исторически культура европейских стран однороднее, и им приходится предпринимать большие усилия по интеграции инокультурных мигрантов. Уровень толерантности к ним со стороны принимающих сообществ традиционно высок, но в некоторых случаях властям приходится идти на введение прямых ограничений и запретов во имя сохранения все того же принципа. Так, к примеру, введение правовых норм, ограничивающих публичную демонстрацию религиозной символики и традиций, вызвало волнения среди французских мусульман.

Как в Северной Америке, так и в Европе в той или иной степени реализуются идеи мультикультурализма, что подразумевает построение общества, в котором нет «господствующей культуры». В т.н. «иммигрантских» странах (США, Канаде, Австралии) развитие мультикультурализма во многом объясняется «положительной дискриминацией» определенных групп населения, имеющей исторические основания (аборигены, афроамериканцы и др.). Поскольку в Европе исторически не было репрессивной практики по отношению к меньшинствам, в этих странах не было и нужды прибегать к «позитивной дискриминации» как средству восстановления справедливости. Необходимость поощрения

культурного разнообразия продиктована этнодемографическими, практико-политическими и гуманитарными причинами.

Массы новоприбывших членов общества, образующих миграционные меньшинства, столь внушительны, что их уже невозможно «переварить». Если государство действительно стремится к интеграции мигрантов и не готово мириться с их геттоизацией, то оно должно обеспечить реальное равенство возможностей. Мероприятия же по обеспечению такого равенства призваны защитить социальные и культурные права мигрантов. Демократическое правление предполагает обеспечение индивидуальных прав и свобод, к числу которых относится свобода совести, вероисповедания, а также выражения своих убеждений, в том числе и связанных с этнокультурной проблематикой. Таким образом, мультикультурализм поддерживает права граждан на различия, на идентичность (Малахов В.С.). В то же время реализация такой модели отношений не исключает конфликтогенных сценариев, противопоставления интересов «коренных» и «пришлых» граждан. Индикатором такого положения дел, к примеру, является рост популярности праворадикальных партий в ряде европейских стран: они активно обсуждают иммигрантскую тематику, высказываясь за ограничение въезда на территорию этих стран и ужесточение требований к вновь прибывшим.

Вместе с тем интолерантность, распространение ассимиляционных практик по отношению к меньшинствам также создает почву для этнической конфликтности и сепаратизма. Показательна в этом плане политика Китая в отношении Синцзян-Уйгурского автономного района. Предоставляя скрытые и явные преференции носителям культуры хань (наиболее многочисленной народности Китая), правительство, с одной стороны, увеличивает их количество на данной территории, с другой – вызывает все большее недовольство уйгуров. Волнения уйгурского населения вылились в погром, направленный против ханьцев.

Принципы толерантности в сфере межнациональных отношений в России заложены в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (принята Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909), а также в Федеральном законе от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Их создание происходило в период переосмысления основ межнациональных отношений в нашей

стране. В СССР господствовала официальная идеология «дружбы народов», в рамках которой сочетались усилия по созданию единой наднациональной общности – советского народа и развитие национальных культур. Результатом такой политики было возникновение, по сути, мультикультурного общества. Однако «национальный вопрос» оказался не полностью разрешенным, что стало особенно понятным с началом перестроечных процессов. Принцип этнотерриториальной автономии, заложенный в основу советского федерализма, привел к расколу государства по национальным границам и многочисленным этническим конфликтам. В конце 1980-х – начале 1990-х годов происходит резкое снижение уровня этнической толерантности. Это выражается, в частности, в вытеснении представителей «нетитульных» этносов с ведущих позиций в ряде сфер общественной жизни, в признании приоритета прав этнических групп над правами личности, формировании этнократий.

Концепция национальной политики Российской Федерации, по мысли ее разработчиков, была призвана задать новые векторы развития этнических отношений в условиях обострения роста проблем в данной области на этапе либерально-демократических преобразований. В то же время в дискуссиях по поводу принятия этого основополагающего документа выяснилось, что у интеллектуальной и политической элиты страны нет единого взгляда на сущность и пути решения обсуждаемых проблем. Это отразилось и на содержании Концепции.

К основным ее положениям можно отнести:

– равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям;

– запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

– гарантия прав коренных малочисленных народов в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации;

– право каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого принуждения;

- содействие развитию национальных культур и языков народов Российской Федерации;
- своевременное и мирное разрешение противоречий и конфликтов;
- запрещение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

Несовершенство концепции проявилось в том, что отдельные ее положения носят слишком обобщенный и декларативный характер. Кроме того, являясь базовым документом данного направления государственной политики, Концепция требовала принятия нормативных актов, развивающих ее идеологию. Однако это не было реализовано в достаточной степени. Исключением стал лишь уже упомянутый закон «О национально-культурной автономии», принятие которого стало значительным шагом в развитии идей экстерриториальности прав человека на этническую идентичность и персональной автономии. Согласно закону, НКА – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан РФ, относящих себя к определенным этническим общностям.

В вопросах, связанных с расширением политических и правовых практик развития принципов этнической толерантности, как правило, требуется целенаправленный контроль со стороны государства. Как подчеркивается в тексте Декларации принципов терпимости, утвержденной Генеральной ассамблеей ЮНЕСКО (1995), на государственном уровне терпимость требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм. Терпимость также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. Мир невозможен без терпимости, а развитие и демократия невозможны без мира.

В ряде государств создаются специализированные государственные органы, в сфере деятельности которых находятся проблемы реализации этнополитики и соблюдения принципов толерантности. Например, в Швеции в связи с обострением проблем иммиграции в 1987 году риксдаг создал комиссию по борьбе с расизмом и нетерпимостью к иностранцам. В Австралии в нижней палате парламента имеется постоянный комитет по делам абори-

генов. В британской палате общин традиционно работает комитет для рассмотрения дел, касающихся Шотландии и Уэльса. Аналогичные структуры создаются и в органах исполнительной власти. В Канаде действует специализированное министерство по делам индейцев, в Австралии – министерство по делам аборигенов, на которое возложена разработка национальной политики, учитывающей их интересы (Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д., 2004).

В России долгое время существовало (под различными названиями – Государственный комитет Российской Федерации по делам Федерации и национальностей, Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике, Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям и др.) ведомство, занимавшееся данным кругом вопросов. В настоящее время в структуре Министерства регионального развития создан Департамент межнациональных отношений, отвечающий за выработку и реализацию государственной политики в сфере межнациональных отношений, защиты прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, взаимодействие с казачьими обществами.

В настоящее время уровень этнополитической напряженности в российском обществе снизился по сравнению с 1990-ми годами. Однако ряд проблем сохраняется. В частности, вопросы соблюдения прав человека не привлекают столь пристального внимания, как в западных странах. В первой половине 2000-х годов реализовывалась федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», однако ее результаты проявились скорее на уровне теоретического обсуждения вопросов толерантности, нежели в практике этнополитических отношений.

8.3. Политкорректность как форма проявления толерантности

Понятия «толерантность» и «политическая корректность» являются близкими, но не тождественными. Толерантность оказывается более широким и универсальным понятием, тогда как политическая корректность предполагает выработку толерантного поведения. «Политически корректное поведение в

теории требует признания всеобщего равенства, установления справедливости, опоры на собственные силы, предпочтения богатого внутреннего мира индивида случайным чертам его внешности, требует внимания к любым меньшинствам и при этом не унижая их жалостью», – пишет Татьяна Толстая (Толстая, 1995).

Политическая корректность может рассматриваться как культурно-поведенческая и языковая категория. Как культурно-поведенческая категория политическая корректность представляет собой систему культурных и поведенческих норм, принятых в обществе, которые направлены на преодоление негативных стереотипов и выработку терпимости к дискриминируемым группам людей (этническим и сексуальным меньшинствам, инвалидам, пожилым и др.) и предполагают признание равноправия представителей этих групп.

Как языковой феномен политическая корректность проявляется в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.

Политкорректность возникла в 1980-1990-е годы в США как идеолого-политическое движение, распространяемое, главным образом, либеральными группами и заключающееся в навязывании строгого соблюдения нейтрального языка применительно к полу, возрасту, сексуальной ориентации, расовой принадлежности, гражданским правам и ограничению свободы слова при обсуждении вышеперечисленных тем.

В разных странах наблюдаются разные формы проявления политкорректности.

Идеи политкорректности зародились в США – стране, где проблемам межкультурных и межконфессиональных отношений уделяется значительное внимание. Основными причинами распространения политической корректности в США стали следующие факторы:

а) многонациональный состав населения США. Этот фактор потребовал учитывать интересы всех этнических групп, населяющих США, особенно таких, как афроамериканцы, латиноамериканцы и индейцы;

б) высокий уровень индивидуальных и коллективных свобод, благодаря которым в Соединенных Штатах наиболее сильны позиции феминистского движения, многочисленные организации, отстаивающие права национальных, сексуальных меньшинств, инвалидов, группы, борющиеся за сохранение окружающей среды и права животных.

Особенно ярко идеи политической корректности проявляются в сфере образования. Выдвигаются, в частности, предложения о необходимости изучения студентами в первую очередь достижений культуры той нации или расы, к которой они относятся. Учебный план в духе политической корректности предполагает включение в список обязательной литературы произведений африканских и азиатских писателей, авторов нетрадиционной сексуальной ориентации. Ведется также борьба с «каноном», под которым подразумевается классическая литература.

Согласно идеям политической корректности набор в учебные заведения должен проводиться в соответствии с планом «позитивных действий» (affirmative action), который предусматривает существенные преимущества при поступлении для афро-американцев, испаноязычных американцев, индейцев и некоторых других групп населения (инвалидов, гомосексуалистов, ветеранов вьетнамской войны).

Следующей немаловажной чертой политкорректности является выработка норм поведения, предполагающих лояльное отношение к представителям различных меньшинств. За нарушение этих норм предусмотрено наказание, начиная от устных замечаний и заканчивая исключением из учебного заведения. В сфере запретов входит «использование оскорбительных прозвищ», «неуместные шутки», и даже «неправильно адресованный смех» (misdirected laughter).

По отношению к женской половине населения, которая, как считается, незаслуженно притеснялась мужской, используются слова, не указывающие на половую принадлежность. Так, например, вместо слова *chairman* (председатель-мужчина), используется нейтральное *chairperson* (председательствующая персона). К людям с физическими недостатками нельзя обращаться как к инвалидам. Нужно говорить: «люди, испытывающие трудности из-за своего физического состояния» (*physically challenged*). К умственно отсталым детям нужно обращаться следующим образом:

«дети, испытывающие трудности при обучении» (children with learning difficulties). Пенсионеры – это старшие граждане (senior citizens). Полных людей следует именовать «людьми, испытывающими трудности из-за своих горизонтальных пропорций», низких – «людьми, испытывающими трудности из-за своих вертикальных пропорций». Даже бедные люди превращаются в «экономически ущемленных» (economically disadvantaged) граждан, а бомжи, роющиеся в помойках, – в «коллекционеров вещей, от которых отказались» (refuse collectors). Данный список включает не только социальные группы людей, но даже представителей флоры и фауны. Так, домашних животных правильнее называть компаньонами-животными (animal companions), а домашние растения – компаньонами-растениями (botanical companions) (Белов, 2008).

Политкорректность вошла в политическую повестку дня европейских государств несколько позднее, когда на пороге третьего тысячелетия Старый Свет столкнулся с двойным вызовом. С одной стороны, процессы региональной интеграции и глобализации, создающие угрозы размывания национально-культурной идентичности народов Европы, с другой – массовый приток иммигрантов из стран Африки и Азии с более низким уровнем экономического развития, но гораздо более высокой демографической динамикой. Будучи носителями совершенно иных нравов, обычаев, верований, они с трудом вписываются в общественную ткань принимающих стран. Различное понимание политкорректности и отличающиеся политические практики хорошо демонстрирует современная политическая жизнь старейших европейских стран – Великобритании и Франции.

Российские туристы, возвращающиеся из Великобритании, считают одним из самых сильных впечатлений реальное знакомство с расовым и этническим составом современного Соединенного Королевства. В 2001–2003 годах «цветное» население страны увеличилось с 6,6 до 7,1 млн. человек. Более трети жителей Лондона имеют небелый цвет кожи, а в Бирмингеме их почти половина, причем в основном это мусульмане. Несмотря на традиционное представление об Англии как о стране, где к иностранцам относятся сдержанно и свысока, это одна из самых открытых миру развитых стран: порядка миллиарда человек имеют право безвизового въезда в нее (Великобритания... 2007).

Перед современными британскими политиками стоит трудноразрешимая триединая задача: приостановить размывание британской идентичности, сохранить положительные стороны мультикультурализма и соблюсти баланс между традициями меньшинств. Находить баланс удается не всегда.

В одной британской школе из традиционной рождественской песни выкинули слово «Мария», чтобы «не оскорблять нехристиан». Марию заменили на нейтральную «Люсию», чтобы песня не выглядела слишком религиозной. Этот поступок дирекции школы был в штыки воспринят организацией «Кампания против политической корректности», которая осудила очередной «вывих политкорректности». Эта организация, выступающая против «чрезмерных», по ее мнению, проявлений толерантности в Британии, выпускает тематический календарь, иллюстрирующий подобные случаи. Из Библии под влиянием политкорректности исключено упоминание о том, что Христос распят иудеями. Чтобы удовлетворить феминистские амбиции, понятие Бог-Отец изменено на Бог-Отец-Мать. Полицейским собакам-ищейкам придется носить обувь во время обысков домов мусульман, чтобы не оскорбить их религиозные чувства.

Недавно в Англии разразился скандал, героем которого стал популярнейший спортивный телекомментатор, а некогда знаменитый тренер Рон Аткинсон. После окончания трансляции футбольного матча «Монако» – «Челси», где победу одержал «Монако», Большой Рон буркнул себе под нос что-то насчет «ленивых толстых ниггеров», говоря о капитане «Челси» Дессаи, французе африканского происхождения. На беду Аткинсона, одну из камер (арабский канал ART) забыли выключить, и возник грандиозный скандал, закончившийся отставкой знаменитого комментатора.

А. Колаковская приводит в статье (Колаковская, 2004) отчет об обучении географии в английских школах. На уроках географии главные темы – «Окружающая среда, устойчивое развитие и культурная терпимость». Учителя «говорят учащимся, что те должны думать о глобальном потеплении и эксплуатации менее развитых стран большим бизнесом. К каждой проблеме есть только один правильный подход, других толкований нет». «Дети получают много знаний о загрязнении окружающей среды и об эксплуатации, но не о реках и горах, государствах и столицах и не о том, что где расположено. Под конец средней школы дети не умеют найти на глобусе Африку».

Министр Великобритании по делам общин и местного самоуправления Хейлз Блирс заявила, что политкорректность и уважение по отношению к другим культурам не должны препятствовать критике в адрес традиционных устоев, нарушающих права человека. В своей речи она заявила, что политкорректность не отменяет возможности критиковать догматичные культурные традиции, нарушающие права человека, так как равенство людей от рождения – это не идеал исключительно западной цивилизации, а общечеловеческая ценность. По ее словам, уважение чужой культуры не должно переступать черту, за которой нарушаются универсальные законы нравственности. «Этот маятник качнулся слишком далеко», – сказала Блирс, добавив, что обсуждению роли религии в современном обществе сильно мешает чрезмерная осторожность, которую многие люди проявляют в любых вопросах, касающихся взаимоотношения с другими культурами.

Одной из характерных особенностей Франции является сочетание неоднородности этнического происхождения значительной части населения страны с высокой степенью национального самосознания. Пожалуй, нигде в Европе, как в этой стране, идея нации не остается сегодня столь важным, необходимым условием идентичности любого политического режима (Рубинский, 2004). В политической истории существует термин «французское исключение». Со времен абсолютной монархии в стране возобладал сугубо ассимиляторский принцип национального строительства. «Франция – это не этнос, а культура», – говорил бывший премьер-министр Пятой республики Раймон Барр (Франция в поисках... 2007). Важнейшими инструментами национально-культурной унификации были и остаются французский язык и система образования. Даже в колониальных владениях Франции школьники начинали учиться читать и писать с одной и той же фразы: «Наши предки были галлы». Французская модель строилась в отличие от британской или германской на безоговорочном принятии приезжими не только законов страны приема, но и ее языка, культуры, нравов и обычаев. В 1980-е годы термин «ассимиляция» как политически некорректный был заменен «интеграцией». Замена терминов не изменила принципиального подхода властей к самой сути их политики.

Когда в 1991 году в закон о Корсике сторонники ее автономии попытались внести фразу «Корсиканский народ – составная

часть французского народа», Конституционный совет отклонил данную формулировку, мотивируя это тем, что в Конституции страны есть только одно понятие «французский народ, состоящий из всех граждан-французов без различия происхождения, расы или религии» (Франция в поисках... 2007). Франция, в отличие от подавляющего большинства других стран ЕС, не подписала Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств, разработанную Советом Европы. Она также не ратифицировала в 1999 году Европейскую хартию языков регионов и меньшинств. Противоречие между этнической неоднородностью и целенаправленной ассимиляторской политикой долгое время смягчалось принципом терпимости, закрепленным Декларацией прав человека и гражданина 1789 года и сохранившимся в действующей Конституции. До середины XX века, пока иммигрантами были представители близких по языку и идентичных в религиозном отношении романских народов, Франция успешно ассимилировала новое население. Но когда начали прибывать массы иммигрантов из стран Азии и Африки, далекие от европейской культуры, процесс ассимиляции стал давать сбои.

Согласно подсчетам социологов численность лиц – мусульман по родству составляла в конце 1990-х годов 3,7 млн. чел. (Франция в поисках... 2007). Французский парламент принял закон, запретивший ношение в государственных светских школах «демонстративных знаков принадлежности к религиозному культу». Хотя он касается в равной мере крестов поверх одежды или иудейской кипы, болезненную реакцию мусульман вызвал запрет ношения женских платков – «хиджабов», а надевавшие их ученицы не допускались к занятиям.

Серьезность противоречия наглядно показали события осени 2005 года, когда в иммигрантских «гетто» вокруг Парижа и ряда провинциальных городов давно зревшая напряженность вылилась в открытый мятеж. В общей сложности сгорело около 10 тысяч автомобилей, повреждения получили 225 школ, 233 здания госучреждений, 51 почтовое отделение. Эти события обратили внимание общества на необходимость решительно покончить как с дискриминационной практикой в отношении иммигрантов из иных этнических ареалов, так и с иждивенчеством, вседозволенностью и криминализацией в иммигрантских анклавах. Политики вынуж-

дены считаться и с порогом толерантности коренного населения, нарушение которого чревато дестабилизацией социально-политической обстановки в стране. Анализ мер, принятых на государственном и муниципальном уровнях после «кризиса пригородов», показал, что Франция фактически стала на путь так называемых «позитивных действий», предоставляя французским гражданам некоренного происхождения преимущества при приеме на престижную работу. Благоприятным фоном, облегчающим принятие коренными французами подобной политики, служат успехи иммигрантов второго поколения, приносящие Франции всемирную славу в искусстве или спорте (достаточно вспомнить футболиста З. Зидана).

В политической культуре французов причудливо переплетаются традиционные ориентации и новые, постмодернистские ценности. Синкретическая идентификация современного француза отражается в зеркале социологических опросов и в городском фольклоре. Так, певец Мулуджи перечисляет качества, делающие его французом:

«Я по матери католик,
Мусульманин по отцу,
Чуточку еврей по сыну
И буддист по принципу...
Атеист я, слава Богу,
Слава Богу, атеист!» (Фадеева, 2000).

Примеры политически корректных текстов можно найти в материалах советских средств массовой информации, построенных по канонам марксистско-ленинской идеологии. В СССР доярку называли «оператором машинного доения», а тракториста – «механизатором». Налицо было желание смягчить восприятие низкостатусного социального положения большей части населения. Как иронично замечает Т.Толстая, царя никто не назовет «работником престола». Учебные заведения для детей с задержкой умственного развития могли называться «спецшколами». В советские же времена смертная казнь долгое время называлась «высшей мерой социальной защиты» (Быков, 2008), а в прессе возражали против употребления слова «больной» в применении к пациентам: слово это оскорбляет здоровых, закрепляет за истинно больными ярлык неизлечимости. Слово «прислуга» было заменено «домашней работницей» (Толстая, 1995).

В публикациях российской прессы термин «политическая корректность» часто трактуется как реалия, присущая в основном Соединенным Штатам или другим странам Запада и затрагивающая русскую культуру лишь в некоторой степени. Интерес к обсуждению содержательной стороны политической корректности обусловлен относительной новизной этого понятия в России, поэтому некоторые статьи носят ознакомительный характер. Особенностью представления политической корректности в российской печати является определенный иронический подтекст («Ты уж извини, я выражусь неполиткорректно...»), стремление показать ее недостатки и даже абсурдность, но наблюдаются и положительные оценки. Тем не менее, необходимо отметить возросшее внимание, уделяемое в российских печатных СМИ проблемам национальной нетерпимости, социального расслоения, неравенства полов, то есть вопросам, традиционно рассматриваемым в рамках теории политической корректности.

В целом, как свидетельствует анализ газетных текстов в России (Панин В.В., 2004), в русском языке не наблюдается столь масштабных языковых нововведений, какие произошли в английском языке последних десятилетий под эгидой борьбы за равноправие полов, преодоления ксенофобии, расовых предрассудков и социального неравенства. Как заметил М.Соколов, у догоняющего развития есть не только недостатки, но и достоинства. Имея возможность наблюдать опыт народов, куда дольше и лучше нашего упражнявшихся во всепобеждающей политкорректности и теперь уже не знающих, что с этой политкорректностью делать, можно было бы явить чуть меньше энтузиазма в заимствовании передового опыта.

Если в середине – конце 1980-х годов политическая корректность рассматривалась скорее как положительная тенденция, то с начала 1990-х годов в ее адрес слышится все больше критических замечаний и негативных оценок. В университетской среде наметился своеобразный раскол. Противники политкорректности в США создали организацию под названием «Национальная ассоциация ученых» (National Association of Scholars), цель которой – защитить традиции «классического образования», попираемого политкорректностью. Программа «позитивных действий» вызвала процесс «дискриминации наоборот» (reverse discrimination), ущемляющей при поступлении в университеты права людей, не

принадлежащих к национальным меньшинствам. Такая дискриминация привела к негативной реакции со стороны белого населения США, получившей название «белого бумеранга» (whitelash). Чтобы восстановить справедливость, студентам иногда приходится обращаться в судебные органы. Писатель и актер из Чикаго Дж.Ф. Гарнер перевел на политически корректный язык традиционные сказки. Книга Гарнера «Политически корректные сказки» пользуется большой популярностью у читателей, порядком уставших от засилья политкорректности в прессе и на телевидении. Например, в финале пересказанной известной сказки Перро Красная Шапочка прогоняет желавшего ей помочь дровосека со словами: «Паршивый сексист! Враг живой природы! Женщины и волки сами решат свои проблемы без вмешательства со стороны мужчин!». Бабушка пошла еще дальше и «оттяпала» дровосеку голову, после чего Красная Шапочка, бабушка и Серый Волк «пришли к консенсусу и выработали общую цель, создали альтернативную семью, основанную на сотрудничестве и взаимном уважении».

В определенном смысле политкорректность начинает противоречить толерантности, ибо предполагает нетолерантное отношение к тем, кто не одобряет практику политкорректности и толерантности. Как замечает Умберто Эко, «этот принцип призван насаждать толерантность и признание любой инаковости, религиозной, расовой и сексуальной, и при всем том он становится новой формой фундаментализма, которая канонизирует до степени ритуала язык повседневного общения и предпочитает букву духу – можно даже дискриминировать слепых, но с неукоснительной деликатностью именуя их «слабовидящими», а в особенности можно сколько угодно дискриминировать тех, кто отклонился от обязанности соблюдать правила *politically correct*» (Эко У., 2003). Когда канцелярия Джорджа Буша, не побоявшегося влезть в Ирак, при этом боится слова «Рождество» и в поздравительных письмах из Белого дома говорится о некоем абстрактном Празднике, это значит, что процесс зашел достаточно далеко.

Отрицательные эффекты политкорректности фактически сводят на нет усилия по борьбе с дискриминацией. Дискриминация и непонимание продолжается, но в политкорректной форме. Тем не менее опыт западных стран показывает, что появление резких и непolitкорректных сообщений в коммуникационном простран-

тве вполне возможно. Политкорректность без настоящей толерантности выхолащивает саму идею установления понимания между людьми разных рас, вероисповеданий, национальностей, политических взглядов и других различий.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем, по вашему мнению, заключаются преимущества и недостатки т. н. «положительной дискриминации» этнических меньшинств? Почему некоторые государства считают ее необходимой?

2. Как соотносятся толерантность и политкорректность?

3. Каковы основные концепции формирования наций, в чем заключаются различия между ними?

4. Каковы основные направления конструирования межэтнических отношений, применяемые в политической практике современных государств?

5. Охарактеризуйте концептуальные основы российской этнополитики, способствующие распространению толерантности в сфере межэтнических отношений.

6. Познакомьтесь со статьей Т. Толстой «Политическая корректность». Выразите свое отношение к позиции автора.

7. Почему идеи политкорректности появились в США?

8. Почему принципы политкорректности по-разному реализуются в различных странах?

Список литературы

1. *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2005.

2. *Антонян Ю. М., Давитадзе М. Д.* Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М., 2004.

3. *Арутюнян Ю. В., Дробизжева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999.

4. *Асмолов А. Г.* На пути к толерантному сознанию. М., 2000.

5. *Валитова Р. Р.* К истории понятия толерантности. М., 1994.

6. Великобритания: эпоха реформ. М., 2007.

7. Воспитание толерантности в поликультурном социуме. Ростов н/Д, 2002.

8. *Джанда К., Бери Д. М., Голдман Д., Хула К. В.* Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США. М., 2006.

9. *Ильинская С. Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М., 2007.

10. *Колаковская А.* Imagine...Интеллектуальные истоки политкорректности // Новая Польша. 2004. № 3.
11. *Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2005.
12. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М: Ключ-С., 1999.
13. *Малахов В.* Зачем в России мультикультурализм? // <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a062.htm>.
14. *Рахманин В. С.* Этноцентризм и толерантность в национально-этнических отношениях // <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a062.htm>.
15. *Рубинский Ю. И.* Национальная идея в политической культуре Франции // Доклады Института Европы РАН. М.: ИЕ РАН, 2004. № 133.
16. *Толстая Т.* Политическая корректность // Иностранная литература. 1995. № 9.
17. *Эко У.* Миграции, терпимость и нестерпимое: Пять эссе на темы этики. СПб., 2003.

ГЛАВА 9. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

9.1. Проблема толерантности в социально-трудовых отношениях

Любая деятельность в многонациональном обществе (равно как в многонациональном коллективе) содержит в себе возможность обострения отношений между людьми на национальной почве. К примеру, производственная деятельность, с одной стороны, требует взаимопонимания людей, ее осуществляющих, единства их действий в соответствии с инструкциями и указаниями директивных органов. Она объективно «толкает» ее участников к использованию единого языка, общих правил поведения и дисциплины. А с другой – для того, чтобы это происходило, некоторые работники должны примириться с необходимостью осуществлять деятельность не на их языке, не по канонам их материальной и духовной культуры.

Производственная деятельность отягощается дополнительными проблемами, вызванными требованием поддерживать между работниками нормальные национальные контакты. Следовательно, функционирование и развитие этого вида деятельности оказывается в прямой зависимости от состояния межнационального общения людей, осуществляющих деятельность.

Одновременно повышается вероятность разнообразных конфликтов из-за противоречия интересов, ценностей, реальной или ожидаемой угрозы своей физической, психологической, социальной безопасности, а также из-за нарушений справедливости на разных уровнях социального взаимодействия. Вместе с этим происходит наложение и переплетение конфликтов и противоречий межнационального характера с социально-трудовыми, экологическими, бытовыми проблемами. Более того, последние нередко выходят на первый план и выступают своего рода оболочкой межнациональных проблем. Результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации, показывают, что среди тем, которые более всего беспокоят респондентов и окружающих их людей, оказались проблемы материального

благополучия, здоровья и здравоохранения, экологии, жилищные трудности, вопросы образования, преступности, занятости (Российская нация... 2008). Так, на вопрос «Какие темы более всего беспокоят Вас и Ваше окружение» почти треть респондентов заявила о проблеме материального благополучия (29%), проблема здоровья заняла второе место (13%). Вместе с тем миграционная тема заняла 25 позицию (2,3%), проблема межнациональной розни – 33 позицию (1,3%), на позиции ближе к 100-й оказались ответы, указывающие на такие источники беспокойства, как межнациональные браки, утрата родного языка и традиций. Анализ данных в региональном разрезе показал, что хотя региональная картина ответов обладает особенностями, общая закономерность остается неизменной: этнические и миграционные сюжеты не являются главным общественным раздражителем.

Анализ изменений в российском обществе в социально-трудовых отношениях при рассмотрении проблем толерантности вообще и межэтнической толерантности в частности выявил ряд важных позиций.

Кардинально изменились отношения собственности, появились новые корпоративные и индивидуальные хозяйственные агенты, участвующие в выработке правил игры на рынке труда. Государство, перестав быть монопольным работодателем, выстраивает новые отношения контроля и поддержки этих игроков. Как следствие, произошла отмена многих административных запретов на рынке труда, предприятия получили свободу в установлении численности персонала и уровня заработной платы, стала развиваться контрактная система трудовых отношений. Но в то же время ушла в прошлое гарантированная занятость, существенно изменились режим и качество труда в связи с простоями предприятий, невыплатой заработной платы или ее падением до критически низкого уровня. Обновилась система социально-профессиональных ролей, повысилась трудовая мобильность, появились маргинальные группы (безработные, так называемые новые бедные, просто бедные, мигранты; отдельные группы предпринимателей), активно формировался слой социально исключенных (Л. А. Гордон, В. О. Рукавишников, Н. Е. Тихонова). Широкое распространение получила экономическая депривация из-за потери или снижения доходов. Она формирует у достаточно широких слоев населения низкое чувство возможного (низкую надежду), ожидание негатив-

ных результатов и пессимистический стиль поведения, неверие в справедливость, низкую самооценку личности, пассивные формы совладания с материальными трудностями, сильно укороченную или неопределенную временную перспективу.

Устойчивым фоном трудовых отношений стало систематическое отклонение от правовых норм, становление и развитие неправовой свободы, которая способствует формированию зависимых и бесправных отношений между работниками и работодателями (Л. А. Гордон, Г. Г. Дилигенский, Н. Е. Тихонова, М. А. Шабанова). Неправовая свобода является обратной стороной расширения свободы действий для человека. Данный феномен связан с более общим стойким ощущением собственной уязвимости и незащищенности законом. Как свидетельствуют опросы, такое ощущение из года в год охватывает от двух третей до трех четвертей россиян.

Приобрели остроту межнациональные трудовые отношения в связи с интенсивной трудовой миграцией из стран бывшего СССР, появлением этнических форм бизнеса, относительной автономизацией региональных экономик, открытием совместных и иностранных предприятий, где менеджмент и наемные работники нередко представляют разные культуры и этносы.

В массовом сознании произошло изменение ценностных иерархий, прежде всего в вопросах соотношения групповых (классовых) и общечеловеческих ценностей, духовного и материального, нравственного и рыночного. Национальное стало доминировать над гражданским, индивидуальное – над общественным, настоящее стало противопоставляться прошлому. В совокупности это ведет к деформации мотивационно-потребностной сферы личности, усугубляет конфликтность поколений, что таит в себе опасность разрушения всей системы наследования культурно-исторического опыта подрастающим поколением.

Идентичность россиян стала более неопределенной и неустойчивой, основания самоидентификации стали более разнообразными и детализированными, но при этом их социальный масштаб сузился, т.к. люди не видят для себя возможности контролировать ситуацию за пределами узкого жизненного пространства (сформировался так называемый эффект лилипута). В новых условиях важнейшим основанием самоидентификации стал фактор национальной принадлежности (Г. М. Андреева, Н. М. Лебедева, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, В. А. Ядов).

Произошло изменение механизмов построения образа мира и, в частности, образа другого человека. В массовом сознании осуществляется перенос ответственности за неуспех с врага «внешнего» на «врага» внутреннего, например, на какие-либо национальные группы. Следствием является рост агрессивности, доминирование в обществе настроенности, разлитой враждебности (Андреева Г.М., 2000).

Очевидно, что наблюдаются многообразие и противоречивость как форм осознания социальных перемен, так и действий человека и социальных групп в новых условиях. Отечественные ученые единодушны в том, что жизнь стала значительно более напряженной, таящей в себе множество потенциальных конфликтов.

Проблему толерантности в социально-трудовой сфере целесообразно рассматривать с учетом нескольких обстоятельств.

Во-первых, существуют разные уровни социального взаимодействия. Макроуровень включает отношения и взаимодействия «личность – общество, большие социальные группы, государство», «большие социальные группы – большие социальные группы, общество, государство». Мезоуровень предполагает анализ отношений и взаимодействий «личность, малая группа – организация», «организация – организация». На микроуровне мы имеем дело с отношениями и взаимодействиями «личность – личность, малая группа», «малая группа – малая группа».

Перечисленные уровни тесно связаны, но для каждого из них можно и нужно выделять свою феноменологию и факторы толерантности. В частности, за пределами непосредственного межличностного взаимодействия уровень толерантности в значительно большей степени определяется сложившимися нормами, стереотипами, предубеждениями, которые могут быть не очень значимыми и поэтому не актуализированными в ситуации общения конкретных лиц.

Во-вторых, следует говорить не просто о толерантности, а о континууме интолерантные/толерантные отношения, на котором размещается тот или иной феномен социального взаимодействия. Реальные трудовые отношения в России насыщены феноменами интолерантности, поэтому остро стоит вопрос о границах приемлемого, безопасного взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов, т. е. такого взаимодействия, при котором сохраняются целостность субъектов, их способность удовлетворять потребности и развиваться в соответствии со своими идеалами и ценностями.

Постановка данного вопроса означает, что интолерантность в трудовых отношениях, как правило, связана с трудными жизненными ситуациями, в которых оказываются люди и в которых они подвергаются различным формам дискриминации и депривации.

Трудные жизненные ситуации для человека нередко протекают в форме разнообразных личностных кризисов – смыслового, профессионального, возрастного, кризиса идентичности, кризиса занятости и т.д., которые в современных условиях могут накладываться друг на друга. Общим моментом в психологическом понимании кризисов является изменение привычного хода жизни в результате внешних и/или внутренних противоречий, которое сопровождается болезненными переживаниями, существенной перестройкой внутреннего мира и поведения. С этой точки зрения личностный кризис, социальные изменения и толерантность – тесно связанные понятия.

Поскольку непосредственными предпосылками интолерантности могут выступать негативные переживания, чувство унижения и обиды, полученный негативный опыт во взаимодействии с другими социальными субъектами, при обсуждении проблемы толерантности следует обращать внимание на феномены стрессоустойчивости, психического истощения, совладающего поведения, благодаря которым кризисные ситуации действительно становятся барьерами в развитии личности или, наоборот, успешно преодолеваются.

В-третьих, опыт изучения трудных и кризисных ситуаций в социально-трудовых отношениях позволяет разделить показатели толерантных/интолерантных отношений между субъектами в данной сфере на текущие, «здесь и сейчас» регистрируемые, и отложенные (они дают возможность судить о характере отношений по произведенным эффектам).

К показателям первого типа относятся:

- 1) наличие/отсутствие конфликта между людьми или группами на уровне ценностей, интересов и т. д.;
- 2) наличие/отсутствие насилия в ситуации конфликта;
- 3) допущение равных прав каждого человека на наиболее полное развитие своих способностей (Селезнева Е.В., Бондаренко Н.В., 2008. С. 22–23).

Показатели толерантности/интолерантности второго типа включают:

- 1) уровень и динамику социального, профессионального, материального статусов;

2) уровень и динамику психологического благополучия субъектов взаимодействия, т. е. уровень тревожности, удовлетворенности жизнью, фрустрированности и т. п.;

3) наличие/отсутствие агрессивности, циничности, сохранение/изменение психологической дистанции и нравственных установок по отношению к другому субъекту;

4) состояние физического здоровья (если речь идет о группе или обществе в целом, то его эквивалентом выступает так называемый индекс витальности – уровень смертности, заболеваемости и т. д.).

Выделение отложенных показателей является важным инструментом анализа толерантности/интолерантности во взаимодействии разномасштабных социальных субъектов. Например, невнимание общества к проблемам бедных при декларировании их прав на развитие может сопровождаться прогрессирующим ухудшением уровня их физического здоровья и психологического благополучия, объективной невозможностью улучшить свой социальный статус, что приводит к консервации их маргинального статуса и, по сути, лишения возможностей для полноценной жизни и развития. Можно ли в этом случае назвать позицию общества по отношению к бедным истинно толерантной? Вряд ли.

Текущие и отложенные показатели являются как объективными (поведенческими, статусными, физиологическими), так и субъективными, т. е. лежащими в плоскости переживаний, мыслей, оценок происходящего. Их комбинации позволяют говорить о той или иной степени толерантности во взаимодействии. При этом следует учитывать то обстоятельство, что для разных сторон конфликта или противоречия могут быть разные комбинации индикаторов. Оптимальный вариант предполагает наличие положительных значений по всем текущим и отложенным индикаторам, но такое в реальной жизни встречается далеко не всегда.

Проблему толерантности/интолерантности на макроуровне социального взаимодействия можно рассматривать на примере таких феноменов, как безработица и предпринимательство.

Безработица, или потеря оплаченной трудовой занятости, целенаправленно изучается мировой наукой уже более 100 лет. Показано, что она может повлечь за собой нарушения психологического и физического здоровья, нанести вред межличностным отношениям и социальному статусу человека и членам

его семьи, обесмысливает их жизнь, коррелирует с уровнем смертности, бездомности, конфликтности, агрессивности, социальной напряженности в обществе. Не случайно политики боятся безработицы: при 7%-ной безработице рынок труда считается напряженным, при 10%-ной – критическим, свыше 10%-ной – социально опасным. Такой барометр – важный инструмент оценки уровня социальной напряженности (и, соответственно, уровня интолерантности/толерантности в обществе) и основа для принятия государственных решений.

Отношение общества к безработице в форме обыденных представлений и объяснений достаточно разнообразно и зависит от конкретных исторических обстоятельств. В одной социальной ситуации ответственность за потерю и пребывание без работы возлагается на самого человека, в другой ситуации – на экономические факторы.

Зарубежные исследования показали, что уже в 1980-е годы общественное мнение стало все больше склоняться к экстернальным объяснениям, связывая причину безработицы не с личными качествами людей, а с внешними экономическими факторами. Во многом это было обусловлено высокими уровнями местной, национальной и международной безработицы. Несмотря на возросший уровень толерантности западного общества по отношению к безработным, вряд ли можно говорить о преодолении в этом обществе исторически сложившейся установки к людям, выключенным из оплаченного труда, как социальной периферии.

В России отношение к безработице более мягкое по причине новизны данного явления для ныне живущих поколений наших сограждан, а также в силу особенностей менталитета и соответствующих систем ценностей.

По мнению авторов «Экономической психологии», основным субъектам рынка труда на Западе, Востоке и в России свойственно разное отношение к безработице (Экономическая психология, 2000. С. 340–341). С точки зрения предпринимателя, на Западе – это «форма духовной смерти» (из проповеди папы Иоанна Павла II: «Безработица – это не только отсутствие у человека денег, это один из видов его духовной смерти»), на Востоке – способ выявления дешевой рабочей силы, в России – способ выявления «лентяев». С точки зрения наемного работника, на Западе безработица – это бедственное положение, на Востоке – просто отсутствие работы, а для России

характерно сопротивление ей и сочувствие безработным. Однако в условиях идущего экономического кризиса можно ожидать более жесткого отношения граждан России к безработице и отдельным группам безработных. Объектом неприязни становятся выходцы из других стран или регионов России. Например, в массовом сознании жители Таджикистана, Узбекистана и других бывших республик СССР нередко воспринимаются как конкуренты в борьбе за рабочие места и источник межнациональной напряженности. Такое восприятие не всегда является обоснованным, в связи с чем актуальным является вопрос информирования и разъяснения ситуации коренному населению, обсуждения возникающих противоречий с участием как его представителей, так и мигрантов.

Для анализа проблем толерантности реальная или ожидаемая безработица важна тем, что она выступает питательной средой для разнообразных тревог и страхов. Может ли их разрастание привести к социальным конфликтам? При определенных условиях может и приводит к достаточно масштабным конфликтам. Укажем на студенческие волнения во Франции в 2006 году, спровоцированные проектом закона о молодых специалистах, в частности, правом работодателей увольнять этих самых молодых специалистов без предупреждения. В 2008 году в Греции студенческие волнения одним из своих главных мотивов имели протест против неспособности власти обеспечить молодежи трудоустройство после окончания университетов. В обоих случаях тревоги и страхи студентов, накапливаясь, сконденсировались в агрессивный протест задолго до выхода на рынок труда и столкновения с реальными проблемами.

В 2009 году в России в условиях финансово-экономического кризиса государство предприняло попытки сформировать определенность будущего у молодежи за счет увеличения числа бюджетных мест в магистратуру и аспирантуру, сохранения количества бюджетных мест в вузах. Данные меры частично могут сгладить тревоги выпускников профессиональных и общеобразовательных школ, но очевидно, что учебная занятость способна заменить трудовую занятость только временно.

Еще одним примером для анализа толерантности в социально-трудовых отношениях на макроуровне является отношение общества и различных групп населения к предпринимателям и предпринимательству.

Специалисты указывают, что в США и Японии к предпринимателю более позитивное отношение, в Европе есть элемент настороженности. В России «новые русские» (как одна из предпринимательских групп) воспринимаются с достаточно выраженным негативным оттенком, поскольку большое значение придается средствам достижения успеха (Дейнека О.С., 2000). В целом отношение к предпринимательской роли зависит от того, связывает ли общественное сознание с этой ролью свои ключевые ценности. Многие трудности со становлением предпринимательства в постперестроечной России связаны с его маргинальностью: есть очевидное социальное давление со стороны старых и новых институтов, присутствуют неопределенность будущего и высокий риск разорения.

Маргинальный статус предпринимательства иллюстрируется «дистанцированной гипотезой» Шмельдерса, согласно которой образы предпринимателей «на расстоянии» и «вблизи» отличаются. Образ «вблизи» сложнее и позитивнее, чем образ «на расстоянии», так как опирается на личный опыт общения, знакомство с конкретными успехами и проблемами предпринимателей (Дейнека О.С., 2000). «Дистанцированная гипотеза» нуждается в проверке в разных социокультурных условиях и для разных социальных групп населения, но тем не менее она поднимает важную социальную проблему выстраивания оптимальной психологической дистанции между населением и предпринимателями. Учитывая существование феномена этнического предпринимательства (когда представители тех или иных этносов ориентируются на определенные сферы деловой активности), данная проблема весьма актуальна и ее решение, по-видимому, будет зависеть как от региональных особенностей, так и от конкретных этнических характеристик предпринимательства.

Среди механизмов формирования интолерантности/ толерантности на макроуровне социального взаимодействия выделим стигматизацию, социальную эксклюзию, относительную депривацию.

Стигматизацией называется приписывание в общественном сознании членам той или иной социальной группы негативных, дискредитирующих характеристик в силу занимаемого социального статуса. Например, порицание безработицы как социального и психологического явления приводит к восприятию статуса безработного как некоторого позорного явления. Стигматизация может иметь место по отношению к бедным, этническим или расовым группам и т. д.

Стигматизация связана с чувством беспомощности (представление о своей неспособности изменить ситуацию). Чувство беспомощности разрушает мотивацию к поиску работы и приобретению новых навыков, которые объективно могли бы повысить шансы на трудоустройство, а также ухудшает выполнение оценочных заданий при приеме на работу. Поскольку чувство беспомощности обладает определенной инерцией и не исчезает сразу же после восстановления занятости, оно сказывается на качестве труда – бывший безработный проигрывает постоянным работникам и имеет более высокие шансы вновь потерять работу, что опять-таки влияет на уровень его беспомощности, производительности и т. д. С учетом данных зависимостей разрабатываются поведенческие макроэкономические модели (в частности, применительно к афроамериканцам), в которых спрос и предложение труда зависят не только от реальной заработной платы, но и психологического благополучия рабочей силы, в частности, наличия опыта безработицы. По-видимому, модели занятости, учитывающие этнические и расовые характеристики населения, содержат большой научный и прикладной потенциал.

Социальная эксклюзия – это «нахождение «внизу» и «вне» общества, возникающее в результате того, что индивиды:

- 1) находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных, финансовых ресурсов и т. д.;
- 2) их шансы получить доступ к основным социальным институтам, распределяющим эти жизненные шансы, существенно ниже, чем у остального населения;
- 3) подобные ограничения длятся во времени (Тихонова Н.Е., 2003. С. 99).

Относительная депривация – воспринимаемое людьми расхождение между их ожиданиями (стремлениями, ценностями) и возможностями эти ожидания реализовать. Т. Гарр выделяет три разновидности относительной депривации:

- 1) убывающая депривация, при которой групповые ожидания остаются относительно постоянными, а возможности воспринимаются как снижающиеся;
- 2) устремленная депривация, при которой возможности относительно статичны, а ожидания возрастают или интенсифицируются;

3) прогрессирующая депривация, при которой наблюдается существенное и одновременное возрастание ожиданий и снижение возможностей (Гарр Т.Р., 2005).

Относительная депривация рассматривается в качестве одной из причин фрустрированности и роста социальной напряженности, конфликтности, агрессии, насилия, революций.

С помощью этого понятия можно объяснять некоторые феномены, появившиеся в России после начала реформ, и прогнозировать их вероятные эффекты на разных уровнях социального взаимодействия. Например, в условиях неравномерного экономического развития различных территорий жители депрессивных регионов остро переживают невозможность реализовать свои ожидания в области трудоустройства, дохода, прочих условий жизни (убывающая депривация).

Многие специалисты, анализируя ситуацию в национальных республиках (в частности, на Северном Кавказе), указывают на необходимость создания новых рабочих мест как на важнейший механизм снятия социальной напряженности, поскольку незанятые люди являются более подверженными пропаганде экстремистских идей, ищут причины своего неблагополучия в действиях «внешних» врагов и т. д. При этом активная политика занятости не может быть заменена обильными социальными трансфертами в депрессивные республики, поскольку в этом случае скорее всего будет формироваться другой вид депривации (устремленная депривация).

Проблему интолерантности/толерантности на мезоуровне социального взаимодействия можно рассматривать на примере таких феноменов, как организационная справедливость и психологический контракт.

Организационная справедливость – это частный случай социальной справедливости, она предполагает беспристрастное отношение к работникам организации (Мучински П., 2004. С. 345). Выделяют несколько видов организационной справедливости.

Справедливость распределения связана с беспристрастным распределением ресурсов (финансовых, материальных, социальных) и результатов деятельности организации.

Процедурная справедливость – это честность методов, используемых для достижения результатов. Ее критерии: последовательность решений, беспристрастность, точность, исправимость

в случае ошибки, учет всех заинтересованных лиц, основанность на общепринятых этических стандартах. Если сотрудники верят в справедливость процедур, они становятся более лояльными организации. Вера в справедливость повышается, если сами сотрудники привлекаются к процессу принятия решений, т.е. могут контролировать процедуру.

Частным вариантом процедурной справедливости выступает так называемый профессиональный подход к увольнению. Соблюдение профессионального подхода к увольнениям, являясь проявлением толерантности на мезоуровне, оказывает влияние на процессы и феномены макроуровня, например, на качество рабочей силы, действующей на данном рынке труда, на распространение цинизма среди оставшихся работников и, следовательно, на производительность труда. Подобные закономерности позволяют обосновать необходимость деловой и социальной ответственности бизнеса на рынке труда.

В реальной российской практике увольнений фактор межнациональной интолерантности (дискриминации по национальному признаку) встречается не так уж редко. Об этом свидетельствуют результаты исследования «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации». 39% респондентов, отвечая на вопрос, приходилось ли им сталкиваться с фактами увольнения людей с места работы по национальному признаку, дали утвердительный ответ; 43% указали в качестве причины увольнения гражданскую принадлежность (респонденты имели в виду личный опыт наблюдений). Примечательно, что половина опрошенных заявила о несогласии с увольнением человека по признакам национальности, 40% допускают дискриминацию лишь применительно к «особым профессиям», и только 13% опрошенных сказали, что такая дискриминационная мера может считаться правильной. Исходя из полученных данных, авторы исследования считают, что «даже незначительное стимулирование общественного обсуждения фактов дискриминации способствует преодолению ксенофобских воззрений, тогда как неразвитость гражданской позиции приводит к обратному» (Российская нация ... 2008. С. 29). Общественные дискуссии и обсуждение подобных вопросов позволяют развивать культуру трудовых отношений как у работодателей, так и у работников, делая их позиции и ожидания более взвешенными.

Выделяют еще две разновидности организационной справедливости: межличностная (забота о людях и уважение их достоинства) и информационная (предоставление полной информации о процедурах в организации).

Важным аспектом социально-трудовых отношений в организациях является психологический контракт, который не нужно отождествлять с контрактом юридическим, регламентирующим должностные и финансовые отношения между работодателем и работником. Психологический контракт – это некоторые неофициальные взаимные обязательства между работником и организацией. Работник имеет определенные представления о том, каковы обязательства организации перед ним и каковы его обязательства перед организацией. Например, он может считать, что, принимая его, организация согласилась гарантировать ему работу, карьерный рост, уважение личного достоинства, отсутствие дискриминации взамен на добросовестный труд и лояльность (преданность). Следует подчеркнуть, что подобные вещи могут существовать только в сознании работника, а не в реальности, но работник руководствуется этими представлениями (равно как и работодатель с противоположной стороны). Иными словами, психологический контракт – это подразумеваемые обещания или обмен ожиданиями.

Нарушение психологического контракта со стороны работодателя может включать задержку заработной платы, невыплату премий, невыполнение социальных обязательств или обещаний, насмешки над сотрудником и т. д. К сожалению, трудовые отношения в России дают немало подобных примеров, в том числе с участием этнических трудовых мигрантов.

Актуальность изучения феномена психологического контракта в российских условиях связана с большим удельным весом неформальных и неправовых норм в организации трудовых отношений – от серых схем выплаты заработной платы до отсутствия трудовых контрактов как таковых. В этой связи одним из направлений снижения напряженности в трудовых отношениях является преодоление их деинституционализированности (т. е. выпадения из сферы законодательного регулирования).

Проблему интолерантности/толерантности на микроуровне социального взаимодействия рассматривают на примере таких феноменов, как конфликты и насилие на рабочем месте.

Среди конфликтов выделим такую их разновидность, как психологический террор на работе. Исследователи и консультанты в области социально-трудовых отношений в последние годы обращаются к данной разновидности конфликтов все чаще. Среди причин такого интереса – возросшая внутриорганизационная конкурентность среди работников, влияние организационной несправедливости на микроуровень социальных отношений (аналогичные причины лежат в основе исследований насилия на рабочем месте).

Таким образом, вопрос толерантности в социально-трудовых отношениях необходимо решать на разных уровнях. На государственном – через законодательное регулирование трудовых отношений, на личностном – через формирование толерантных установок и форм поведения у граждан.

9.2. Трудовая миграция и толерантность

В научной литературе миграция рассматривается с различных точек зрения, но в основном она носит вынужденный характер и является одним из характерных признаков мирового процесса глобализации. Миграция населения – это сложный социальный процесс, влияющий практически на все сферы жизнедеятельности общества.

В разные исторические периоды развития человечества миграция играла определенную роль. С этим процессом связаны заселение и освоение земли в различных уголках мира, образование и смешение рас, языков и народов. Конец XX – начало XXI века не стали в этом отношении исключением. Именно в данный период феномен миграции стал одним из серьезных факторов геополитических, социальных изменений во многих странах мира. «Трудовая миграция и передвижения политических и экологических беженцев приобрели небывалый размах и новое качество. Если ранее иммигрантов толкали на выезд отчасти индивидуальные мотивы, то сейчас передвижения приняли межконтинентальный, межгосударственный и региональный характер» (Дмитриев А.В., 2008. С.10–11).

По оценкам ООН, в 2005 году от 185 млн. до 192 млн. человек (или 3% населения планеты, по численности это сравнимо с населением довольно большой страны) проживали за пределами государств, в которых родились. Ежегодно 7–10 млн. человек

переезжает в иные, главным образом индустриально развитые страны мира. В 2005 году только в Европе (включая Европейскую часть бывшего СССР) мигранты составляли 7,7% населения. В настоящее время лидерами по приему мигрантов являются США (35 млн. чел.), Россия (13,3 млн. чел.), Германия (7,3 млн. чел.). Лидерами по поставке иммигрантов являются Китай, диаспора которого насчитывает сегодня 35 млн. чел., Индия – 20 млн. чел. и Филиппины – 7 млн. чел. (Димаев А.Р., 2007).

Миграцию населения можно определить как перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с перемены места жительства навсегда или на более или менее длительное время (Алисов Н.В., 2001).

Важнейшая социально-экономическая функция миграции – обеспечение определенного уровня подвижности населения и его территориального перераспределения, в том числе в индустриальные центры и осваиваемые районы. Тем самым миграция населения способствует более полному использованию рабочей силы, росту производства. Однако последствия миграции противоречивы. Она оказывает существенное влияние на сбалансированность рынка труда, изменяет экономическое и социальное положение населения, что нередко сопровождается ростом мотивации к образовательной и профессиональной подготовке, расширением потребностей участвующих в миграции людей. С другой стороны, массовый приток мигрантов может быть причиной роста безработицы, сильного давления на социальную инфраструктуру (жилье, здравоохранение и др.). Миграция также влияет на уровень жизни коренных жителей. Эти и другие сложности, связанные с миграцией населения, являются предметом государственной миграционной политики.

На сегодняшний день существуют несколько теоретических подходов, по-разному характеризующих миграцию населения с точки зрения ее функциональных особенностей и результатов: демографический, исторический, психологический, философский, юридический и т.д.

В рамках настоящего учебно-методического пособия наиболее интересен социологический подход, который основное внимание уделяет проблемам, связанным с адаптацией мигрантов к новому социальному, культурному, этническому окружению.

Привлекательность либо отталкивающий потенциал территорий выбытия и прибытия в значительной мере зависят от меж-

личностных взаимоотношений, существования сообществ мигрантов-земляков, родственных и дружеских связей, исторических традиций, отражающих прежний миграционный опыт этнической группы и т. п. Анализ различных исследований позволяет выделить функциональные характеристики миграционных процессов. Во-первых, миграция предстает как один из важнейших регуляторов численности трудоспособного населения. Во-вторых, она является своеобразным катализатором перераспределения трудовых ресурсов в зависимости от уровня их квалификации. В-третьих, она стимулирует конкуренцию на рынке рабочей силы, способствуя тем самым качественному изменению этой силы в соответствии с потребностями общества. Таким образом, о каких бы видах миграционного движения ни шла речь, большинство их обусловлено экономической необходимостью получения средств к существованию и в той или иной мере связано с рынком труда.

Основу современной классификации миграционных процессов в российской науке предложил Л. Л. Рыбаковский, он оперирует такими понятиями, как «вид», «форма», «тип» (Рыбаковский Л.Л., 1987). Вид используется для характеристики миграционных процессов, сходных по формальным признакам. Выделяются эпизодические, маятниковые, сезонные миграции. Форма – это специфические особенности какого-либо миграционного явления. Тип – это внешняя миграция (межгосударственная) и внутренняя (внутри государства). В настоящее время данная классификация дополнена такими пунктами, как «причины» и «стадии». В экономической миграции выделяется миграция с целью получения образования, туризм и т. д. Этническая миграция классифицируется по масштабу (семейная миграция, миграция этноса) и относительно этнической территории (миграция за пределы этнической территории, в пределах этнической территории).

Политологи всего мира с тревогой отмечают, что в обществе нарастает непонимание сложности миграционных процессов и как следствие этого отторжение иммигрантов. Россия в этом отношении не является исключением. Общественное мнение в РФ представлено, с одной стороны, недружелюбным, а порой и враждебным отношением к приезжим, с другой, пониманием серьезности проблемы, обусловленной вынужденным переселением соотечественников из бывших республик СССР. При этом часть местного населения выступает против упрощенной процедуры

получения гражданства даже для граждан бывшего СССР, русских по национальности. Причина антииммигрантских настроений у части населения заключается в боязни, что приезжие займут рабочие места и станут конкурентами для местного населения.

В реальности такого не происходит, потому что мигранты, как правило, идут на непрестижную работу, которая местное население не привлекает (сфера обслуживания, работа водителями трамваев и троллейбусов, строительство, торговля на рынках и т. д.). Чувство опасности или тревожности в принимающем обществе усиливается не только из-за собственно мигрантов, но и вследствие недостаточности действий властей, общего недоверия населения к властям и основным социальным институтам. В связи с этим усилилась внутренняя ксенофобия. Носители ксенофобии – это не люмпены, не маргиналы, а «обычные люди», средние по своим характеристикам (уровню образования, доходам, ценностным предпочтениям и политическим взглядам). Это квалифицированные рабочие и технические служащие без специального образования и квалификации, низкоквалифицированные рабочие (Шулепникова Т.Ю., 1993). Более терпимо к приезжим относятся предприниматели, особенно негативно – милиция и военные, рабочие и пенсионеры. Это говорит о слабости или отсутствии каких-либо сил, способных влиять на общество в этическом или гуманистическом плане. Раздражение вызывает сам факт адаптации приезжих, вживание их в условия российских городов. Наибольшее возмущение фиксируется именно в тех группах, которые непосредственно не конкурируют или не сталкиваются с «чужими».

Вместе с тем очень скоро страну ожидает сокращение населения в трудоспособном возрасте. При этом число пенсионеров будет стремительно расти. Даже если в стране произойдет коренная модернизация экономики, необходимо поддержание определенных пропорций между работающим и неработающим населением, иначе будет кризис пенсионной системы. Кроме того, кто-то должен служить в армии, заниматься тяжелым физическим трудом, полностью искоренить который вряд ли удастся. В любой экономике, даже в самых развитых странах, есть много малопрестижных рабочих мест, которые вот уже многие десятилетия занимают почти исключительно иммигранты.

Если исходить из этой логики, в России должна всячески поощряться иммиграция людей, способных своим трудом под-

нимать российскую экономику и одновременно участвовать в воспроизводстве российского населения. То есть должна проводиться селективная политика привлечения иммигрантов – молодых, трудолюбивых, не имеющих социальных проблем.

В 90-е годы XX века количество межнациональных конфликтов различных масштабов достигало сотни, количество беженцев из зон этих конфликтов стало исчисляться миллионами, а сами политические преобразования в период распада СССР были такой глубины, аналогов которым еще не было в истории. Именно в этой ситуации возникали такие явления, как вынужденная миграция соотечественников, отторжение их на этнической родине, неадекватная миграционная политика на всей территории постсоветского пространства.

В этой связи адекватной является такая точка зрения, которая фокусирует внимание не просто на фактах межэтнических контактов, а на полноценных отношениях между представителями различных этнических общностей. Такой подход более приемлем для рассмотрения миграции как способа существования общества.

Для осмысления отношений «свой-чужой» как социального последствия миграции необходимо учитывать пути регулирования «иммиграционной экспансии». Так, ассимиляция определяется культурологами и этнологами как политика включения мигрантов в общество через односторонний процесс адаптации. Ожидается, что иммигранты поступят своими отличительными лингвистическими, культурными и социальными характеристиками и станут неотличимыми от большинства населения. Роль государства в ассимиляции заключается в создании условий, благоприятных для индивидуальной адаптации и трансформации культуры и большинства ценностей через использование доминирующего языка и обучение в школах детей мигрантов.

Дифференциальное исключение (сегрегация) может быть охарактеризовано как ситуация, когда иммигранты объединены временно в некоторые социальные подсистемы и включены только в отдельные области жизнедеятельности общества (прежде всего в рынок труда), но лишены доступа к другим социальным институтам.

Наряду с экономическими и политическими вопросами для российского общества нерешенными остаются национальные проблемы. Поэтому регулирование миграционных процессов

возможно при стабилизации социально-экономической и политической обстановки как в целом по стране, так и в отдельных субъектах Федерации. Миграция в Россию происходит на фоне острых противоречий. Если в первой половине 1990-х годов миграционные процессы объяснялись идеологическими и этнополитическими конфликтами, военными столкновениями, то на рубеже XX и XXI веков усиливается резкая социально-экономическая дифференциация населения. Центр Российской Федерации и особенно южные регионы привлекательны своей относительной толерантностью с учетом особенностей их развития.

Одним из главных миграционных центров выступала и выступает столица российского государства – Москва. Также усиливаются потоки миграции на Юге России: Краснодарский край и Астраханская область занимают второе и третье место по миграционному приросту в стране (Усманов Р.Х., 2002). Российский Юг никогда не отличался социокультурной однородностью. Являясь периферией как христианской, так и исламской цивилизаций, регион представляет собой зону, где ярко проявляется их противостояние. Это социокультурное противостояние отражается и в системах базовых ценностей, и в политических ориентациях, и в моделях политического поведения (Морозова Е.В., 1998).

В настоящее время, несмотря на относительную стабильность, которая носит неустойчивый и обратимый характер, в этих регионах все же сохраняется высокий уровень конфликтности. Такой вывод сделан на основе анализа фактического материала, представленного экспертной группой Южного федерального округа под руководством ведущего конфликтолога члена-корреспондента РАН, д.ф.н. А.В. Дмитриева (Дмитриев А.В., 2007).

Привлекательность дешевой и непритязательной рабочей силы мигрантов создает более легкие условия для работодателя, чем наем своих работников с их устоявшимися нормами и традициями. Часто эту ситуацию усугубляет публикация в СМИ сообщений о более высоком благосостоянии и уровне жизни в тех странах и регионах, куда направляются мигранты, при этом не учитывается готовность территорий к миграционному наплыву и социальному обустройству мигрантов. В этом плане показателен пример Южного федерального округа, где экономически более развитые регионы привлекают миграционные потоки (Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области).

Последняя перепись населения России 2002 года свидетельствует о том, что в отдельных районах Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского краев, Волгоградской, Ростовской, Астраханской областей существенно нарушен сложившийся этнический баланс населения. Сегодня становится очевидным, что процесс адаптации мигрантов к новым местам проживания и к местным традициям и обычаям еще не стал объектом системного и пристального внимания со стороны государственных учреждений. В результате периодически вспыхивают конфликты между коренным населением и мигрантами (Усманов Р.Х., 2007).

Говоря о степени толерантности в миграционных процессах, необходимо учитывать, что она в целом относительно невысока среди всего российского населения. Об этом свидетельствуют данные, полученные известными исследователями Л. М. Дробижевой (Институт социологии РАН), В. А. Тишковым (Институт этнологии и антропологии РАН), А. Г. Асмоловым (МГУ). Показательными в этом плане стали результаты изучения толерантности на Юге России. Несмотря на отдельные видимые усилия властных структур по пропаганде терпимости по отношению к мигрантам или к отдельным этническим группам среди коренного населения, уровень толерантности в регионе снизился (Дмитриев А.В., Слепцов Н.С., 2004). Примечательно, что в регионах Нижнего Поволжья в 70–80-е годы XX века толерантность была относительно высока по сравнению с другими центральными регионами России. Причины – экономическая стабильность и невысокий уровень миграции. Ухудшение ситуации связано, во-первых, с совершенно разным пониманием этническими элитами своих интересов (как представителями местного населения, так и мигрантами); во-вторых, с социальной и политической нестабильностью в некоторых территориях региона (например, борьба за передел собственности на фоне безработицы и общей неустроенности коренного населения).

Проведенные исследования в области межэтнических отношений вызывают озабоченность и указывают на необходимость усиления работы по урегулированию этнополитических конфликтов в регионах Юга России. Такая работа должна быть, по мнению ведущего научного сотрудника Южного научного центра РАН, д.ф.н., профессора Г.Д. Гриценко, как минимум двухуровневой. Первый (нижний) уровень – урегулирование и разрешение конкретных конфликтов, локального и этносоциального напря-

жения, прежде всего «застарелых» и существенно влияющих на региональные процессы. Второй уровень – макрорегиональный: наращивание потенциала согласия и созидания в регионе через реализацию межрегиональных мегапроектов, возрождение старых и создание новых производств, использование современных технологий. Исключительно важной составляющей при этом должен быть ее духовный компонент с привлечением молодого поколения (Гриценко Г.Д., 2007).

Мировая практика последних лет показывает, что миграционные процессы должны четко регламентироваться и регулироваться со стороны государства. Пускать эти процессы на самотек, без учета специфики, традиций, нормативной, законодательной базы государства, куда направлен поток мигрантов, нельзя. Свидетельством тому являются примеры западноевропейских стран (Франция, Германия, Бельгия и др.). Сегодня некоторые ученые высказывают предположения, что придет время, когда народы, представляющие мигрантов в развитых странах Западной Европы, просто сметут и кардинально изменят этнический состав населения этих государств.

Конфликт, связанный с миграцией, обычно касается взаимодействий двух основных участников: постоянных жителей с одной стороны и мигрантов – с другой. Зачастую он дополняется вмешательством властей, т. е. появлением третьего участника конфликта. Основной признак такого конфликта – восприятие участниками поведения друг друга как ущемление своих территориальных, материальных, политических и духовных устремлений. Группы ведут соревнование за укрепление своего статуса, сохранение своих ценностей и идентичности. Конфликтное напряжение вызывает желание каждой из сторон достичь успеха и тем узавтвить противника (Дмитриев А.В., 2007).

Эти явления носят международный характер. Судя по последним опросам общественного мнения, именно иммиграционная проблема вышла на первое место среди всех проблем английского общества. Данная тема актуализировалась не только из-за террористической угрозы. «Коренные жители сетуют, что в разгар кризиса иммигранты отнимают у них работу, а также получают за счет британских налогоплательщиков всевозможные льготы – субсидии по безработице, скидки на транспорт и жилье и т. д.» (Озеров М., 2009). Особенно обострились отношения с мусульманами, которых в Великобритании уже почти 2 млн. человек.

Причем о пресловутой европейской политкорректности власти и общество как бы забыли (возле самой резиденции британского монарха в Виндзоре участились столкновения «белых» и «цветных», а в одну из мечетей Лондона была брошена голова свиньи). По оценкам СМИ, действия британских «визократов» (представителей короны) подрывают имидж туманного Альбиона.

Те же самые проблемы мы видим и в России. Особенно это заметно в ЮФО. «Активный миграционный приток в условиях кризисного состояния экономики вызывает напряженность на рынке труда и перегрузку социальной инфраструктуры. К сожалению, переселенцы не подстраиваются под местные условия. А коренное население, в свою очередь, не проявляет терпимости и сопереживания к трудностям и лишениям прибывших. Это порождает социальную напряженность» (Еделев А., 2009).

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные о том, как россияне оценивают изменения в межнациональных отношениях в нашей стране в последние годы и что, с точки зрения опрошенных, должны делать власти, чтобы не допустить разжигания межнациональной розни.

Так, результаты опросов показали, что в развитии межнациональных отношений в России в период с 2005 по 2008 год наметилась позитивная тенденция. По сравнению с 2005 г. снизилась доля россиян, указывающих на рост напряженности в этих отношениях (с 41% до 24%), и возросла доля опрошенных, полагающих, что межнациональные отношения не изменились (с 35% до 40%) или стали более терпимыми (с 17% до 27%). Рост напряженности более всего ощущается в Северо-Западном федеральном округе (49%), менее всего – в Уральском (14%).

Тем не менее отношение к массовой иммиграции в Россию остаётся негативным. «Большое количество приезжих из других стран – это отрицательное явление», – считают две трети респондентов (68%, в Москве и Санкт-Петербурге это мнение особенно распространено – 75%). За два года число тех россиян, кто считает это явление позитивным, сократилось с 21% до 15%, одновременно возросло число затрудняющихся с оценкой (с 10% до 17%).

Чтобы не допустить в России роста межнациональной напряженности и конфликтов между коренным населением и мигрантами, власти должны: «Ограничить приток в нашу страну иностранной неквалифицированной рабочей силы, ужесточить

порядок их въезда и регистрации» – так считают 55% опрошенных. Ещё 26% полагают, что «Нельзя допускать концентрированного проживания мигрантов в отдельных городах и районах России (так называемые «этнические гетто»)».

Все остальные варианты решений менее популярны. Так, 28% поддерживают предложение ужесточить наказание за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь, 22% – запретить деятельность всех экстремистских религиозных и политических организаций. Что касается таких мер, как легализация, повышение правовой защищённости мигрантов, улучшение условий их жизни, то их поддерживают 13–14% опрошенных. За жёсткое пресечение любых несанкционированных уличных выступлений выступили 10% респондентов.

Одним из существенных факторов, мешающих развитию толерантного отношения к миграции, является коррупция. Именно она во многом провоцирует и поддерживает конфликтную ситуацию между коренным и пришлым населением. Коррупция одинаково вредна как для гражданского общества, так и для мигрантов, которые порой оказываются вне его социокультурного и политико-правового пространства (Серова Я., 2008).

Еще одной негативной тенденцией является криминализация взаимоотношений резидентов и мигрантов. Случаи насилия над мигрантами случаются достаточно часто там, где существует значительный культурный и социально-экономический разрыв между этими группами населения. В странах ЕС эта проблема стоит не менее остро, чем в соседних с ними регионах. И Россия здесь не стала исключением.

Столичные СМИ отмечают, что «напряжение в обществе нарастает пропорционально числу мигрантов. При этом милицейские операции и молодежные политические акции против нелегалов едва ли можно считать действенным средством борьбы с ксенофобией». «Статистика преступлений на национальной почве в 2008 году побила все рекорды. Москвичи совершили более 90 нападений на приезжих. По сравнению с 2007 годом рост таких преступлений составил 300 процентов» (Уколов Р., 2009).

Спекуляции вокруг проблем миграции часто носят откровенно надуманный политический характер. «Тема миграции стала расхожей козырной картой в популистских политических играх, телевидение то и дело зомбирует россиян уроками человеконена-

вистничества... именно сейчас, в смутное время, особенно важно доносить до людей правдивую информацию о вкладе мигрантов в экономику нашей страны и в решение социально-бытовых проблем россиян. Рамазан Абдулатипов, только что вернувшийся из Таджикистана, где был послом России, с болью говорил о том, как пагубно влияет на взаимоотношения стран СНГ нагнетаемая антимиграционная истерия» (Графова Л., 2009).

Приведенные примеры конфликтов между местным населением и мигрантами характеризуют противоречивую природу миграции вообще и современного ее состояния в частности. С этой проблемой сталкиваются все государства мира. Поэтому справедливо говорить о глобализации данного процесса и о том, что его можно решить только сообща. Отдельная страна, находящаяся один на один с проблемой (особенно с нелегальной, неконтролируемой миграцией и неконтролируемыми межэтническими конфликтами, возникшими на ее основе), может соблазниться решить задачу исключительно силовыми средствами. А это означает, что непременно возникнет нарушение прав человека: репрессии, этнические чистки и т. д., как минимум ведущие к гуманитарной катастрофе, а как максимум провоцирующие кровопролитные социальные волнения и гражданские войны. Чтобы избежать подобных катаклизмов, общество и государство должны научиться своевременно предупреждать конфликты и успешно их разрешать. Те общества и государства, которые не умеют это эффективно делать, обрекают своих граждан на перманентный характер политического конфликта.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Почему проблема толерантности становится особо актуальной в условиях социальной нестабильности?

2. Какое отношение имеют феномены неправовой свободы к проблеме толерантности?

3. Назовите возможные механизмы формирования социального образа безработицы. Какие из них связаны с социальной стигматизацией?

4. Как безработица, социальная эксклюзия и другие негативные явления в сфере занятости могут влиять на социальную напряжённость в обществе?

5. В чём суть «дистанцированной гипотезы» Шмельдерса? Можно ли её применять к другим, кроме предпринимателей, социальным и этническим группам?

6. Какие проблемы могут возникнуть при увольнениях в многонациональных трудовых коллективах? В чём проявляется профессиональный подход к увольнению?

7. Каковы основные причины миграционных процессов?

8. Каковы положительные и отрицательные эффекты трудовой миграции для РФ?

Список литературы

1. *Алисов Н. В.* Территориальное передвижение населения (миграция) // Н. В. Алисов, Б. С. Хорев. Экономическая и социальная география мира. М., 2001.

2. *Андреева Г. М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.

3. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

4. *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 2. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. М., 2001.

5. *Графова Л.* В защиту «понаехавших» // Новая газета. №33 (1447). 01.04.2009. С. 6.

6. *Дейнека О. С.* Экономическая психология: Учеб. пособие. СПб., 2000.

7. *Димаев А. Р.* Миграция населения как социальный феномен: факторы динамики // Социология власти. 2007. № 3.

8. *Дмитриев А. В., Слепцов Н. С.* Конфликты миграции. М., 2004.

9. *Дмитриев А. В.* Нелегальная миграция: риски и опасности. М., 2007.

10. *Капелюшников Р. И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М., 2001.

11. *Мучински П.* Психология, профессия, карьера. 7-е изд. СПб., 2004

12. *Петров В. Н.* Толерантность и идентичность: взаимодействие этнических мигрантов и местного населения в Краснодарском крае // Социологический журнал. 2002. № 4.

13. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. У. Солдатовой. М., 2002.

14. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В. А. Тишков. М., 2008.

15. *Селезнёва Е. В., Бондаренко Н. В.* Развитие толерантности государственных служащих. М., 2008.

16. *Слепцов Н. С.* Конфликты миграции. М., 2004.

17. Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования. Ростов н/Д, 2008.
18. *Тихонова Н. Е.* Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.
19. *Уколов Р.* Кризисный катализатор ксенофобии // Независимая газета. № 015 (4647). 28.01.2009. С. 8.
20. *Усманов Р. Х.* Влияние структур власти и ее интеллектуально-го потенциала в условиях конфликтогенной ситуации на безопасность миграционных процессов // Актуальные проблемы безопасности в условиях конфликтогенной ситуации на Юге России. Краснодар, 2007
21. *Фелау Э. Г.* Конфликты на работе. Как их распознать, разрешать, предотвращать. М., 2006.
22. *Хоперская Л. Л.* Этнические миграции на Юге России в периоды резкого изменения социальной структуры общества / Актуальные социально-политические и экономические проблемы южного федерального округа. Ростов н/Д, 2005.
23. Экономическая психология / под ред. И. В. Андреевой. СПб., 2000.
24. Этнические мигранты в принимающем обществе. Ч. 1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии. В. Н. Петров, М. В. Донцова, Н. М. Нос / под ред. В. Н. Петрова. Краснодар, 2005.

ГЛАВА 10. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

10.1. Толерантность с позиции теории социального действия

Рассмотрение взаимосвязи толерантности с другими свойствами системы в ситуации межэтнического взаимодействия возможно путем применения методологического приема, который использовал М. Вебер в своей теории социального действия и который широко известен как «концепция идеального типа». С ее помощью Вебер логично и обоснованно вывел свою типологию социальных действий, каждый элемент которой является идеально-типическим понятием и в реальной жизни существовать не может.

В процессе интеракции человек в виду своей сложной организации сочетает сразу несколько типов действия, один из которых является более выраженным по отношению ко всем остальным и позволяет более или менее конкретно определить тип действия: является ли оно целерациональным, ценностно-рациональным, традиционным или аффективным.

Деление людей на толерантных и интолерантных, равно как социальных действий на целерациональные или, скажем, традиционные, является условным. «Крайние позиции встречаются редко. Каждый человек в своей жизни совершает как толерантные, так и интолерантные поступки. Тем не менее склонность вести себя толерантно или интолерантно может стать устойчивой личностной чертой, что и позволяет проводить такого рода различия» (Век толерантности. 2001. № 1. С. 40). Именно поэтому можно определить толерантность и интолерантность как идеальные свойства системы действия.

В ситуации межэтнического взаимодействия наряду с толерантностью существуют такие проявления субъективной организации, как альтруизм, конформизм, эгоизм, интолерантность, ресентимент.

Альтруизм:

1) «самоотверженность, сознательное и добровольное служение людям, желание помогать другим, способствовать их счастью на основе мотива любви, преданности, верности, взаи-

мопомощи, сочувствия, сострадания. В некоторых случаях альтруист проявляет полное самопожертвование, самоограничение, отказывается от счастья, своих интересов и желаний. Противоположен эгоизму» (Российская социологическая энциклопедия, 1998. С. 8);

2) «Система ценностных ориентаций личности, при которой центральным мотивом и критерием нравственной оценки являются интересы другого человека или социальной общности; стремление к бескорыстному оказанию помощи другому» (Ильин Е.П., 2000. С. 343).

Эгоизм (от лат. Ego – «Я»): «себялюбие, жизненный принцип, продиктованный заботой лишь о самом себе, ставящего свои интересы выше интересов других людей и общества» (Российская социологическая энциклопедия, 1998. С. 627).

Конформизм:

1) «приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т. д.» (Российская социологическая энциклопедия, 1998. С. 221);

2) «проявление предрассудка, проистекающее из предрасположенности людей следовать местным традициям и легендам, идеологическим установкам своего класса» (Оллпорт Гордон В., 1998. С. 171);

3) «изменение убеждения или поведения в ответ на реальное или воображаемое групповое давление в тех ситуациях, когда нет ни прямого требования соглашаться с группой, ни каких-либо причин, которые могли бы оправдать эти изменения поведения» (Зимбардо Ф., Ляйппе М., 2001. С. 71).

Понятие «ресентимент» требует особого пояснения. М. Шелер пишет, что «ресентимент представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов (жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство), самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой натуры. Этот запрет порождает склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам» (Шелер М., 1999. С. 13).

Важнейший исходный пункт в образовании ресентимента – импульс мести. Жажда мести, злоба вступают в процесс форми-

рования ресентимента там, где не происходит ни нравственного преодоления, ни адекватного действия, проявляющего душевные состояния (ругательство, размахивание руками), и где это не происходит, потому что такое действие или его выражение сдерживается еще более очевидным сознанием собственного бессилия. Из чувства бессилия возникает зависть. «Зависть приводит к формированию ресентимента там, где речь идет о ценностях, благах, которые по самой их природе нельзя приобрести, и лишь тогда, когда таковые попадают в поле нашего сравнения – в сферу, где наши внутренние изменения происходят через сравнение себя с другими» (Шелер М., 1999. С. 26). Таким образом, происхождение ресентимента связано с особым рода установкой на ценностное сравнение самого себя с другими.

Ресентимент – единство переживания и действия, которое, соответственно, подразумевает:

1) интенсивное переживание и последующее воспроизведение определенной эмоциональной ответной реакции на другого человека, благодаря которой сама эмоция погружается в центр личности, удаляясь тем самым из зоны выражения и действия личности;

2) что качество этой эмоции носит негативный характер, т. е. несет в себе некий посыл враждебности, но «не заключая в себе никаких враждебных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода» (Шелер М., 1999. С. 10).

Смысл ресентимента заключается в том, что из ощущения собственного бессилия человек как бы выворачивает свое ценностное восприятие наизнанку. В результате ценности обидчиков кажутся ему низкими и греховными, а его собственные – возвышенными и чистыми. Происходит появление так называемой «ценностной слепоты или ценностной иллюзии по отношению к тем ценностям, достичь которые данный субъект оказывается не в состоянии» (Шелер М., 1999. С. 34–35).

Ресентимент в определенном смысле противопоставлен альтруизму. В его основе также содержится человеколюбие, служение людям, милосердие, сочувствие, сострадание. И эти чувства в случае ресентимента являются субъективной ценностью, но в перевернутом, иллюзорном виде. Они превращаются в «квази-чувства». То есть ресентимент – это альтруизм со знаком минус, антиальтруизм, показной альтруизм.

Однако нельзя сказать, что как антипод альтруизму ресентимент является синонимом эгоизма. В основе ресентимента лежит ненависть, злоба, но в затаенном виде.

Применительно к межэтническим отношениям ресентимент – это скрытая интолерантность по отношению к своему собственному народу. Само по себе наблюдение ресентимента, или, точнее, этнического ресентимента, как собственно толерантности и интолерантности, происходит в процессе социального действия, через реакцию актора на этноконтактную ситуацию. В случае этнического ресентимента актор осознает превосходство собственных ценностей над ценностями его собственного народа в пользу иной этнической группы, к которой он ощущает чувство комплиментарности.

Ресентимент порождается бессилием, страхом с дальнейшим появлением мстительных чувств к народу, представителем которого он сам является. Причем рождению ресентимента скорее всего способствует определенная негативная ситуация, в которой переживание человеком отрицательных эмоций связано с его собственной национальной группой. Ресентимент можно связать с определенным типом этнической идентичности – гипоидентичностью.

Итак, в качестве идеальных типов свойства системы действия в ситуации межэтнического взаимодействия могут выступать наряду с толерантностью ресентимент и интолерантность. Именно в сравнении с этими свойствами явление толерантности можно представить более полно. Указанные выше свойства – альтруизм, конформизм и эгоизм – мало применимы к анализу ситуации межэтнического взаимодействия, так как по своему смыслу они апеллируют и к внутригрупповым, и межгрупповым контактам.

Научные работы, касающиеся изучения позитивных аспектов межэтнических взаимодействий, таких как «толерантность», «социальное доверие», факторы социального согласия, – дефицитны. «Парадоксальное положение сложилось с научным анализом социального согласия. Если изучение конфликтов получило значительное развитие благодаря конфликтологии и другим научным дисциплинам, то систематические исследования социального согласия делают первые шаги. Так или иначе, изучение социального согласия, конечно, не менее важная вещь, чем изучение конфликтов» (Эфиоров С.А., 2002. С. 5).

Проблема социального доверия наиболее полно изучена в психологии и социальной психологии (В. П. Зинченко, Б. Ф. Поршнев, В. С. Сафонов, Г. У. Солдатова). Социальное доверие трактуется психологами как «исходное условие общения, как отправная точка взаимодействия человека с миром. Важным условием возникновения доверия являются чувства безопасности и надежности, ощущение того, что окружающий мир не представляет угрозы».

С социологической точки зрения понятие «социальное доверие» можно трактовать как готовность действующего субъекта вступать с «социальным другим» в отношения сотрудничества и партнерства, исходя из признания его как не представляющего социальной, культурной, этнической, физической и иной угрозы.

Было бы неправильным считать социальное доверие понятием, синонимичным толерантности. Безусловно, эти две научные категории лежат в одной плоскости и являются условиями позитивной коммуникации, так как толерантные отношения предполагают определенный уровень и необходимость доверия между субъектами взаимодействия (в частности, между этническими группами). Вместе с тем эти два понятия различны.

Толерантность в общем смысле – это «отсутствие или очень слабое реагирование сторон на конфликтогенный фактор» (Шарков Ф.И., 2002. С. 151). Например, конфликтогенность в системе отношений «мигранты – принимающее общество» заключается в наличии этнических и культурных различий между субъектами этих отношений. Толерантность предполагает, что субъект (индивидуальный или коллективный) как бы допускает или относится терпимо к сосуществованию с «социальным другим», отличия которого он считает отклонением от принимаемой им нормы, и эти различия для субъекта являются значимыми. Речь идет о коллективной терпимости и готовности приятия в социальном пространстве общества-реципиента носителей других (отличных от принятых на данной территории) социальных норм, традиций и обычаев.

Социальное доверие же интегрируется во взаимодействие индивидов или групп и проявляется в ощущении коллективной безопасности, отсутствии угрозы со стороны пришлой группы. Также толерантность может и не проявлять себя в тех отношениях, где имеет место социальное доверие, и наоборот. Например, наличие у социального субъекта свойства толерантности вовсе

не указывает на его готовность к отношениям сотрудничества (делового или иного) с представителями иноэтнической группы. Толерантный субъект может иметь низкий уровень социального доверия, ведь можно терпимо относиться к присутствию на «своей» территории культурных и этнических различий, но опасаться вступать с носителями этих различий в какие-либо доверительные отношения (сотрудничества, партнерства и т.д.).

Интересен феноменологический подход к интерпретации свойств толерантности. Толерантность/интолерантность непосредственно проявляются в социальном действии и ответных реакциях, поскольку атрибутивно принадлежат системе потребностей, интересов, мотивов, установок, целей.

Потребности обуславливают действия, нацеленные на сотрудничество или противодействие. В процессе сотрудничества они по своему качеству толерантны к другим, в противодействии – интолерантны. В первом случае они опираются на предположения о возможности, желанности и полезности «других», превращении их из «просто других» в «актуальных» других, а затем и в «значимых других». Во втором – они ведут к отвержению. При этом несовпадение, различие наших «Я» и тех, кого мы представляем, может не драматизироваться, а пониматься и приниматься как естественное наличное различие, социально не угрожающее и психологически не вызывающее тревоги. Через мотивы мы не только рационализируем понимание этого различия как представления о расширении вариантов нашего выбора, но и осознаем его как осложняющее наше бытие ввиду неизбежности неустанного поиска совпадений, а значит, прохождения через ошибки и переживания, драматургию этого опыта для нас.

В условиях межэтнического взаимодействия соотношение объективной и субъективной реальности в ситуациях социального взаимодействия происходит как процесс сравнения своих прошлых интернализированных основ культуры с предлагаемыми новыми. Восприятие ситуации идет через ее узнавание и определение, т. е. поиск того, в чем и в какой степени эти основания соответствуют и могут быть совмещаться или различаться? В какой степени различия преодолимы или непреодолимы, воспринимаются как противоречия и могут породить конфликт или могут соотноситься толерантно, не затрагивая возможности сосуществования?

Особую роль в формировании и реализации толерантности приобретает идентичность. Формирование социальной идентичности достаточно сложный процесс, заключающийся в последовательном вхождении индивида в поле диалектики субъективной и объективной реальности. «Отправной пункт этого процесса – интернализация: непосредственное постижение или интерпретация объективного факта как определенного значения, то есть как проявления субъективных процессов, происходящих с другими, благодаря чему этот факт становится субъективно значимым для меня самого» (Бергер П., Лукман Т., 1995. С. 211).

Успех или поражение в ситуациях действий по удовлетворению потребностей ведут к накоплению опыта идентичностей, накоплению качества толерантности/интолерантности. При этом интолерантное качество может быть результатом успехов, предубеждений, оформленных в стереотипы, или актуальным, ситуативным качеством, возникающим спонтанно как реакция на непредвиденный, случайный ход событий, не в соответствии с нашим сценарием, проектом действия. То есть оно может быть и преднамеренным, рационализированным до начала события, и возникающим в ходе его. Оно может быть сугубо рациональным (так нужно, выгодно, полезно, это долг или убеждения, от этого никуда не уйти...) или аффективным, спровоцированным эмоциональными ощущениями, иррациональными необъяснимыми переживаниями типа фрустрации.

10.2. Толерантность и другие свойства системы социального действия

Преодоление межэтнической напряженности и конфликтов, экстремизма напрямую связано с развитием качества толерантности в отношениях между людьми на разных уровнях социальной организации. Для российского общества толерантность становится условием стабилизации и устойчивости межличностных и межгрупповых социальных отношений, обеспечивая их конструктивность и высокую степень согласия на общесоциальном, региональном и локальном уровнях.

Социологическое изучение явления толерантности и межэтнических отношений концентрируется вокруг проблем социальной и этнической идентификации, межэтнических стереотипов,

социальных установок, стратегий поведения, а также конфликтных ситуаций между национальными группами. Социологические исследования проводятся в основном в рамках этносоциологии, которая, в свою очередь, формирует научную базу для теории этнической толерантности (Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. С. Кондратьев, А. А. Сусоколов, З. В. Сикевич, М. Г. Герасимова).

Состояние толерантности, культура толерантного восприятия и понимания людей друг другом располагаются в исторической плоскости общественного развития и имеют определенные явно выраженные черты и характеристики. Они обусловлены национальными и социокультурными особенностями социальных групп, подвержены очень сильному идеологическому влиянию. Толерантность существует в общественном сознании как определенная ценность, но ее мера и способ выражения могут быть различными.

Явление толерантности в смысловом отношении относится к системе личности. Однако для того, чтобы человеку можно было приписать одно из свойств (таких, как терпимость, мягкость, страдание и т.д.), необходимы соответствующие условия, в которых эти свойства могли бы проявиться. В этом случае речь идет об определенной ситуации, с которой человек связывает свою активность и на которую последняя направлена. При этом важно понимание взаимодействия личностных свойств и объективных характеристик ситуации. Так, например, У. Томас и Ф. Знанецкий отмечали, что «ситуация – это набор ценностей и установок, с которыми индивид или группа имеют дело в процессе активности и в соответствии с которыми эта активность планируется и ее результаты оцениваются. Каждая конкретная активность представляет собой решение ситуации» (Томас У., Знанецкий Ф., 2001). У. Томас, подчеркивая роль ситуации, ситуационной обусловленности в поведении человека, делал акцент на субъективном значении ситуации для данного индивида.

Критерии, по которым можно судить о толерантности (интолерантности) отдельного человека, должны находиться на поверхности, быть доступными для индивидуальной и коллективной оценки. Такая оценка возможна лишь в ситуациях межличностных контактов, находящихся в плоскости социальных взаимодействий, вероятнее всего построенных на принципе де-

ления «свой»-«чужой», когда сталкиваются интересы, убеждения, культурные особенности двух или нескольких «непохожих» людей. При этом толерантность присуща не только отдельному человеку, но и целой группе, а в этом случае речь идет уже о толерантности как коллективном свойстве.

Таким образом, социологическое исследование проблемы толерантности находится в трех взаимосвязанных плоскостях:

- 1) система личности;
- 2) социальные взаимодействия;
- 3) ситуация (как условие взаимодействий).

Отправной точкой любого исследования, связывающей воедино все три системы, выступает понятие социального взаимодействия.

Суть социального взаимодействия проявляется в конкретной ситуации. Ее причина и следствия – это бесконечная череда обмена субъективно значимой информацией, которая в силу социальной необходимости приобретает форму объективного факта (или, по терминологии Э. Дюркгейма, «социального факта»). Эти факты (например, нормы, правила, статусы, роли), существуя в социальном пространстве в виде символов, обуславливают саму возможность социального взаимодействия.

Плодотворный подход к описанию логики создания социального мира разработан П. Бергером и Т. Лукманом, которые главную роль в этом процессе отдали феномену социального взаимодействия. При общении между собой люди создают типичные образцы поведения, символы или, по терминологии авторов, «типизации», которые вносят в условия общения порядок, делают его доступным для взаимного понимания. «Субъективные представления и человеческая экспрессивность подвержены объективации, т.е. проявляют себя в продуктах человеческой деятельности, доступных как ее создателям, так и другим людям в качестве элементов общего всем мира. Такие объективации служат более или менее устойчивыми показателями субъективных процессов, присущих их создателям, и позволяют вывести эти процессы за пределы ситуации «лицом к лицу», в которых их можно было бы непосредственно наблюдать» (П. Бергер, Т. Лукман, 1995. С. 60–61). В процессе взаимодействия в ситуации «лицом к лицу» возможно понимать других людей и ориентировать свое поведение на их ожидания.

Социальное взаимодействие имеет объективную и субъективную стороны.

Объективная сторона взаимодействия – это «социальные факты», не зависящие от отдельных личностей, но опосредующие и контролирующие содержание и характер их взаимодействия и составляющие определенную константу типичной ситуации. Это условия, которые в свою очередь представляют собой набор ситуаций, выступающих как совокупность определенных обстоятельств, имеющих субъективную значимость для каждого участника межличностных контактов.

Субъективная сторона – это сознательное (рационализированное), традиционное или аффективное (М. Вебер) отношение индивидов друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях соответствующего поведения. Это межличностные (или социально-психологические) контакты и отношения, которые представляют собой непосредственные связи между индивидами, складывающиеся в конкретных условиях места и времени. Это типичная или адаптированная к нетипичности реакция партнера по взаимодействию.

Объективность и субъективность (или субъектность) в системе социального взаимодействия находят свое воплощение в существовании объективной и субъективной реальности.

Понимание структуры социального действия опирается на представление о его общей системе, которая включает: потребность, интерес, идею (как проект движения к удовлетворению потребности), мотив (потребность, содержательно обогащенная смыслом) и цель. Операциональная составляющая действия связана с оценкой возможностей и выбором средств для достижения целей.

В процессе совершения социального действия индивид принимает ряд волевых решений, соотнося средства достижения целей с ожиданиями других людей и культурными предписаниями (нормативно-ценностные основания культуры). В ситуации межэтнического взаимодействия очень существенное значение приобретают ментальные характеристики культуры, установки и этнические стереотипы участников взаимодействия. Кроме того, для индивида крайне важно ощущение своей принадлежности к определенной группе – идентичность.

Означенные системные свойства социального действия составляют единое поле существования и воспроизводства образов действия.

Исходя из этих рассуждений, можно выделить в качестве основной категорию «ситуация взаимодействия». Однако она сама по себе не дает возможности увидеть субъектно-объектные отношения во всех их проявлениях. Можно наблюдать лишь срез этих отношений, заключенный в индивидуальном действии. Исследуя же ситуацию взаимодействия, нужно сосредоточить свое внимание на категории социального действия. Вполне обоснованной в этом случае выглядит логическая линия исследования: «личность – действие – ситуация», что означает реализацию ситуации через действие.

Выбор категории социального действия в качестве связующего элемента трех систем (личности, социального взаимодействия и ситуации) обоснован следующими доводами. Во-первых, само действие принадлежит системе личности. Во-вторых, изучение условий действия, факторов, способствующих его возникновению, дает возможность всестороннего анализа ситуации. В-третьих, социальное действие всегда направлено на других людей, что обуславливает возможность изучения взаимодействия.

Это значит, что при изучении явления толерантности следует вести речь об определенных особенностях действия, которые в ситуации непосредственного контакта с другими людьми при благоприятных обстоятельствах создают в сознании окружающих представление о личности – носителе этого действия как «толерантной». Также отметим, что единичное действие вряд ли даст возможность с уверенностью судить о его толерантной или интолерантной направленности. В связи с этим необходимо рассматривать совокупности действий, т. е. их системную модель.

В социологической литературе явление межэтнического взаимодействия определяется как этноконтактная ситуация. «Сутью этноконтактной ситуации является субъект – субъектное взаимодействие, где целостные субъекты деятельности и познания – этнические группы или их представители выступают с позиции группы» (Солдатова Г.У., 1998. С. 19). Главным структурирующим принципом этноконтактной ситуации является этническая граница. Это психологический результат универсальной для всего живого на земле тенденции разделять мир на «чужих» и «своих» на основе этнической принадлежности. Это оппозиционная тенден-

ция, а значит, ее доминирование поляризует любую ситуацию, в том числе и этноконтактную (Солдатова Г.У., 1998. С. 21–22).

Принципиальным при исследовании социального взаимодействия в этноконтактной ситуации является представление о том, что ситуация определяется в процессе ее конструирования действующим лицом (субъектом), а то, с кем и как этот субъект взаимодействует, отражает субъективное и символическое понимание ситуации. С этой точки зрения исследование структуры субъективной реальности приобретает основополагающее значение для понимания свойств социального действия в ситуации межэтнического взаимодействия. Толерантность является одним из таких свойств, имеющих ключевой смысл в объяснении содержания, характера и направленности социальных взаимодействий в этноконтактной ситуации (рис. 1).

Исходя из этого можно сделать следующие выводы:

- понятие толерантности связано прежде всего с категорией социального действия, а потому определение этого понятия необходимо строить исходя из теории действия;

- в интерпретацию толерантности входит понятие системы действия, так как анализ только лишь единичного акта затрудняет объективную оценку;

- индикаторы, позволяющие судить о толерантности, находятся в трехмерной системе координат: а) ситуация, б) действие и система действия, в) личность, ее внутренняя структура и социальные характеристики.

Таким образом, толерантность как свойство системы действия вырабатывается в процессах межличностного и межгруппового взаимодействия и по своему качеству заключает в себе предрасположение и расположение к приемлемости, приятию и принятию других как партнеров по социальному действию.

Объяснить место и роль толерантности в системе социального действия позволяет теория Т. Парсонса. Для того, чтобы было совершено социальное действие, необходимо наличие «актора» (действующего лица), ситуации действия и ориентации актора на ситуацию. «Единицы действия» комбинируются в системы. «Эти системы являются органическими в том смысле, что у них есть структуры и аналитически важные эмерджентные свойства, которые исчезают при членении систем на единицы и части» (Парсонс Т., 2000. С. 288).

Рис. 1. Структура системы действия в этноконтактной ситуации

Упомянутые свойства систем действия возникают только на определенном уровне сложности отношений единиц действия друг к другу. Эти свойства не могут быть обнаружены в отдельном, единичном действии, рассматриваемом в отрыве от его отношения к другим действиям в той же системе. Они не могут быть выведены в процессе анализа свойств изолированной единицы действия.

Эмерджентные свойства – это атрибутивные свойства системы действия, которые могут приобретать постоянный, регулярный характер и в силу этого придавать ей новые качества. «В той мере, в какой взаимодействие систем действия индивидов является продолжительным и регулярным, эти отношения приобретают определенные, относительно постоянные свойства или дескриптивные аспекты» (Парсонс Т., 2000. С. 289).

Толерантность – это не что иное, как атрибутивное (эмерджентное) явление. И действительно, толерантность, как отмечалось выше, вряд ли можно достоверно определить в «единичном акте». Объективный анализ возможен лишь в совокупности с другими действиями в одной и той же системе. Разделение этой системы на составляющие ее части может выявить только отдельные характеристики, которым можно приписать прилагательное «толерантный», но не назвать их существительным «толерантность». Между этими двумя понятиями есть существенная разница.

Итак, в социологии возможность рассмотрения толерантности/интолерантности как социального феномена связывается с методологическими основаниями теории социального действия. Ключевым моментом в социологической интерпретации толерантности выступает приемлемость, приятие или, наоборот, неприемлемость, неприятие партнерами по социальному взаимодействию друг друга как личностей с индивидуальными, но социально значимыми комплексами социально-психологических и социальных свойств.

Методологические подходы, разработанные в теории социального действия, дают основания рассматривать толерантность как атрибутивное (эмерджентное) социальное свойство всей системы социального действия, структурно включающего: актора, систему личности, условия ситуации действия (объективная реальность) и субъективные факторы (субъективная реальность), сами акты социального действия и взаимодействия.

Свойство толерантности проявляется в диапазоне от крайней приемлемости до полного неприятия и отвержения партнерами по взаимодействию друг друга как личностей с индивидуальными, но социально значимыми комплексами социально-психологических и социальных свойств в каждой отдельно взятой ситуации, в каждом отдельно взятом действии и в каждой отдельно взятой поведенческой реакции на это действие.

10.3. Методологические основы измерения межэтнической толерантности

Толерантность как атрибутивное (эмреджентное) свойство системы действия определяется состоянием его внутренней структуры, то есть количественными и качественными характеристиками принадлежащих ему признаков. При этом толерантность так же, как интолерантность и ресентимент, рассматривается как идеально-типическое свойство социального действия. Это позволяет одновременно описать изучаемое явление и учесть его многовариантность.

Любое социальное действие совершается во времени. Говоря о свойстве действия, мы имеем в виду не совокупность статичных характеристик, а определенное структурное состояние, которое проявляет себя в динамике и вполне может быть подвержено изменениям при способствующих этому обстоятельствах. Кроме того, понятие «состояние» в данном случае относится не к действию как таковому, а к составляющим его элементам (в нашем случае к «системе личности» и «ситуации действия»), так как они подвергаются изменению. Каждое последующее действие – это, как отмечалось ранее, итог внутренних процессов, происходящих в субъективной реальности отдельного актора.

В идеальном случае имеется широкое поле возможностей для предположений о «толерантных» или «интолерантных» характеристиках. Толерантность (или интолерантность) как идеальное свойство системы действия имеет определенный набор постоянных признаков, которые необходимо зафиксировать в эмпирическом исследовании. Следует также учесть, что один и тот же набор характеристик может соответствовать как толерантности, так и интолерантности. Такие характеристики можно признать нейтральными или противоречивыми.

Из рассуждений вытекает закономерный вопрос: в каком состоянии должны находиться характеристики личности, чтобы системе действия актора можно было бы приписать толерантность (а не ресентимент и интолерантность)?

Это можно выразить формулой, в которой переменными будут служить элементы структуры субъективной реальности:

$$Y = M + O + \text{ПИФ} (И + Д + УС + АС),$$

где Y – такое состояние структуры личности, через которое система действия приобретает свойство толерантности;

M – мотивационная система и ее элементы;

O – операциональная система и ее элементы;

ПИФ – поле субъективного и культурного контроля, включающее I – идентичность, D – долженствование, $УС$ – установочную систему и $АС$ – систему адаптивных свойств.

Есть ли в этом уравнении известные величины?

Если обратиться к результатам прикладных исследований, то такие величины можно найти. Например, Г. У. Солдатова толерантность связывает с определенным типом этнической идентичности, а точнее, позитивной этнической идентичности. Ее доказательства можно взять на вооружение и в качестве известной величины в данном уравнении обозначить переменную I (идентичность). Тип этнической идентичности эмпирически измеряется с помощью теста того же автора.

Далее на основе уже известной величины можно найти и другие переменные в этом уравнении. В инструментарии, разработанном исследовательской группой кафедры социологии Кубанского госуниверситета, измерение этих переменных производится на основе тестовых и опросных методик, апробированных в различных исследованиях. Были использованы методики исследования диспозиционной структуры личности В. А. Ядова (Ядов В.А., 1997), тесты Г. У. Солдатовой (Солдатова Г.У., 1998), З. В. Сикевич (Сикевич З.В., 1996, с. 89,91), тест «ценностные ориентации» М. Рокича (Малая энциклопедия психологических тестов, 1999. С. 43), измерение шкалы социальной дистанции Богардуса (вариант Л. Г. Почебут) (Платонов Ю.П., 2001. С. 257) и другие.

Используя инструментарий, можно создавать гипотетические особенности ситуации, в которой оказывается потенциальный актер. Эти особенности составляют ситуационный фактор взаимодействия, фиксируемый с помощью индикаторов. Апелляция к актору в процессе опроса позволяет включить его как субъект действия в предполагаемую этноконтактную ситуацию и таким образом выявить структурные элементы системы личности и те их свойства, которые актуальны в данной ситуации. Фиксация отдельных личностных свойств и особенностей действия осуществляется посредством процедуры сравнения с известными пере-

Рис. 2. Признаки свойства толерантности

менными и позволяет найти характеристики (толерантные или интолерантные) системы действия.

Выделенный категориальный аппарат позволяет выделить ряд признаков – индикаторов, которые логично расположить в трехмерной системе координат. Оси этой координатной плоскости можно обозначить следующим образом: **X** – личность, ее внутренняя структура и социальные характеристики; **Y** – ситуация; **Z** – действие и система действия.

Точки координатной плоскости – акторы. Координаты точек – значения обозначенных на плоскости признаков.

Данная система координат конструируется следующими признаками (рис. 2).

Этноконтактная ситуация как процесс общения с человеком иной национальности моделируется системой вопросов и определением предпочтений в ответах. В ходе опроса происходит фиксация особенностей поведения, реакций и установок акторов в ситуации межэтнического взаимодействия. Эта процедура делает возможным представление об особенностях системы личности, позволяет связать сами действия с внутренним миром человека, а значит более подробно описать исследуемый объект. Характерис-

тики акторов фиксируются индикаторами, с помощью которых происходит эмпирическое наблюдение объекта и последующее определение признаков – личностных и ситуационных. Базируясь на этой логике, можно выделить ряд эмпирических индикаторов, с помощью которых производится измерение эмпирических характеристик проявления свойства толерантности/интолерантности в ситуациях межэтнических контактов.

Все индикаторы делятся на две группы.

1. Ситуационные (индикаторы условий ситуации) – индивидуальные и групповые характеристики признаков, демонстрирующие сходство и различия членов исследуемой группы в способах поведения в ситуации межэтнического взаимодействия.

Эта группа включает в себя следующие индикаторы:

- частота и характер межэтнических контактов;
- факторы, детерминирующие поведение в ситуации межэтнического взаимодействия;
- степень допустимости участия иноэтнических групп в общественной жизни России;
- наличие (отсутствие) отрицательного опыта контакта с иноэтническими группами;
- аффективная реакция на участника(ов) конфликтной этноконтактной ситуации;
- поведенческие реакции на конфликтную этноконтактную ситуацию (в случае наличия такого опыта);
- возможность агрессивных действий в ситуации межэтнического взаимодействия.

Ситуационные индикаторы позволяют судить об особенностях этноконтактной ситуации, специфике реакций отдельных акторов на нее.

2. Индикаторы личностных свойств – характеристики личности, наиболее ярко проявляющиеся в этноконтактной ситуации. К ним относятся:

- этническая идентичность;
- социальная идентичность (своя группа);
- социальная идентичность (чужая группа);
- значение для актора национальной принадлежности другой стороны;
- факторы, определяющие принадлежность к своей нации;
- значение принадлежности к группе «Мы» и к национальной группе;

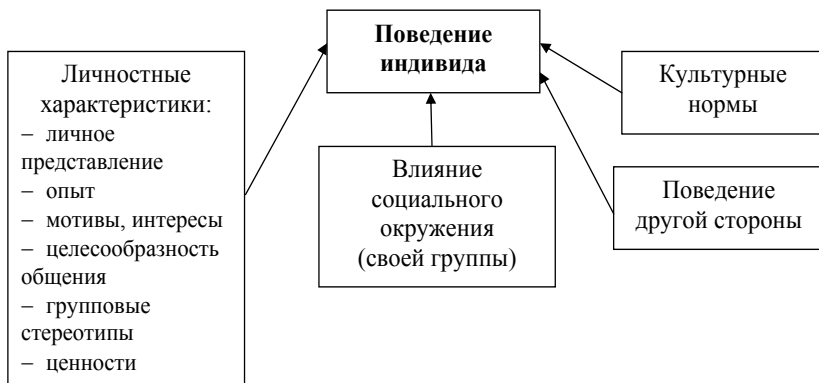

Рис. 3. Факторы, детерминирующие поведение в ситуации межэтнического взаимодействия

- социальная дистанция – этническая комплиментарность;
- отношение к иноэтническим группам;
- система стереотипов (автостереотипы и гетеростереотипы);
- ценностные ориентации.

Индикаторы личностных свойств фиксируют состояние структуры личности в этноконтактной ситуации. Данные индикаторы отражают систему признаков. Предполагаемый результат измерения – это получение значений признаков, которые в переводе на содержательный язык являются координатами точек признакового пространства.

Эмпирическая интерпретация признаков представлена в таблице 3.

Измерение конкретного признака осуществляется с помощью факторной операционализации понятия «поведение в этноконтактной ситуации» (рис. 3).

Признаки пространства «толерантность/интолерантность», поддающиеся прямому измерению, имеют следующие значения, которые фиксируются с помощью отдельной шкалы (табл. 4).

В качестве латентных признаков пространства «толерантность/интолерантность» выступают: социальная дистанция и уровень комплиментарности.

Социальная дистанция. При измерении этого признака используется методика Эмори Богардуса (Emory S. Bogardus). Ее

основное назначение – измерение национальных и расовых установок. Э. Богардус сформулировал список суждений, представляющих различные степени социальной близости и дистанции. Разработанная им шкала суждений включала:

- тесное родство посредством брака (1 балл);
- членство в моем клубе в качестве моего друга (2 балла);
- соседи по улице (3 балла);
- принадлежность к моей профессиональной группе (4 балла);
- гражданство моей страны (5 баллов);
- гости моей страны (6 баллов);
- не должны допускаться в мою страну (7 баллов).

Таблица 3

**Явные признаки в пространстве
«толерантность – интолерантность»**

Признак	Значение признака	Тип шкалы
Частота межэтнических контактов	Постоянно Часто Редко Не контактирую	Порядковая
Характер межэтнических контактов	С удовольствием, интересом В случае необходимости Избегание контактов Ощущение напряжения, дискомфорта при контакте С удовольствием, за исключением тех случаев, когда рядом человек определенной национальности	Порядковая
Степень доступности участия иноэтнических групп в общественной жизни России	Самые важные посты должны занимать только русские Государственные посты должны занимать люди, способные работать и приносить реальную пользу, независимо от их национальной принадлежности Во властных структурах России должно быть соблюдено паритетное представительство различных наций. Важные посты в России могут занимать представители разных национальностей.	Номинальная

Признак	Значение признака	Тип шкалы
Наличие отрицательного опыта контакта с иноэтническими группами	Отрицательный опыт был Отрицательного опыта не было	Номинальная
Отношение к иноэтническим группам	Высокомерное Уважительное Предвзятое Безразличное Недоверчивое Дружелюбное Ощущение неприязни Опасливое	Порядковая
Аффективная реакция на участника(ов) конфликтной этноконтактной ситуации	Враждебность Недоверие Жалость Презрение Злость Терпение Желание отомстить Разочарование Страх	Номинальная
Поведенческие реакции на конфликтную этноконтактную ситуацию (в случае наличия такого опыта)	Активная реакция (немедленный ответ) Пассивная (выжидание удобного момента) Нет реакции (все неприятные эмоции переживаются внутри) Демонстрация бессилия	Номинальная
Возможность агрессивных действий в ситуации межэтнического взаимодействия	Если есть угроза жизни семьи Если есть угроза жизни представителей своей национальной группы Оскорбительное поведение другой стороны Из-за плохого настроения Наличие отрицательного опыта общения Может иметь место, но от национальной принадлежности это не зависит	Номинальная

Признак	Значение признака	Тип шкалы
Значение для актора национальной принадлежности другой стороны	Национальная принадлежность имеет значение В большинстве случаев Имеет в зависимости от ситуации В большинстве случаев, нет Значения не имеет	Порядковая
Фактор, определяющий принадлежность к своей нации	Родители Социализация Осознание нации как самой лучшей Престиж нации Культурный (схожие традиции, обычаи) Эмоциональный (с людьми этой нации комфортно) Переживание схожих проблем и лишений Схожее положение Религиозный Языковой Территориальный	Номинальная
Значение принадлежности к группе (своей социальной группе) и к национальной группе	Имеет большое значение Значение имеет, но не определяющее Значения почти не имеет Не имеет никакого значения	Порядковая

Особенность измерения по этой шкале заключается в том, что каждая оценка (мнение, позиция) автоматически включает в себя все последующее и исключает все предыдущее. Э. Богардус определил расовую дистанцию для каждой расовой и этнической группы от 1 (минимально возможная дистанция) до 7 (максимально возможная дистанция). Соответственно каждому респонденту приписывается определенный балл, который и будет характеризовать его дистанцию.

Уровень комплиментарности. Измерение данного признака производится в ходе вторичного анализа данных, полученных с помощью шкалы Богардуса.

Таблица 4

**Признаки пространства «толерантность/интолерантность»,
подающиеся прямому измерению**

Факторы	Значения шкалы
Моё представление о людях этой национальностей	Является определяющим
Личный опыт общения с другими представителями этой национальности	Определяет в меньшей степени
Собственные мотивы, интересы	
Целесообразность общения	Почти не определяет
Распространённые схемы поведения, которыми пользуется большинство людей моей национальной группы	Совершенно не определяет
Опыт других людей	
Мои ценности	
Поведение того человека, с которым я контактирую	
Общественные нормы	

Вычисления уровня комплиментарности производится по формуле:

$$K = (\sum V / \sum N) / 7,$$

где V – валидные ответы по каждой национальности (числовые значения от 1 до 7);

N – количество анализируемых в инструментарии национальных групп;

7 – максимальное численное значение в списке вариантов ответов в шкале социальной дистанции Богардуса.

Вычисляемое значение называется «коэффициентом этнической комплиментарности».

Числовое значение коэффициента может находиться в границах > 0 и ≤ 1 . Чем выше это значение, тем более некомплементарным является актор, и наоборот, низкий коэффициент указывает на его комплементарность (высокую или низкую).

В целом возможности эмпирического исследования свойства толерантности и инструментальная реализация этих возможностей заключены в измерении уровня наличности ситуационных и личностных индикаторов этого свойства в моделируемых этноконтактных ситуациях.

Таким образом, толерантность как социальный феномен принадлежит всей структуре социального действия и характеризует его с точки зрения наличия, развитости, способов и форм проявления и других характеристик качественного состояния этого свойства.

В социологии толерантность рассматривается как состояние и процесс приятия, принятия другого в качестве партнера по социальному взаимодействию на условиях доверия и согласия, и с которым это взаимодействие приобретает конструктивный и продуктивный характер. В случаях же неприятия и непринятия образуется состояние интолерантности. Оно сопряжено с чувствами недоверия и отсутствия согласия, порождающих, в свою очередь, напряженность и тревогу, а взаимодействие приобретает рассогласованный, непродуктивный и конфликтный характер.

При этом толерантность/интолерантность оказываются диалектически взаимосвязанными полюсами проявления качества этого свойства в каждой отдельно взятой ситуации, в каждом отдельно взятом социальном действии и в каждой отдельно взятой поведенческой реакции на это действие.

Следует признать, что в межэтнических отношениях интолерантность также возможна и ожидаема, как и сама толерантность. Безусловно, при этом речь идет о цивилизованных, ненасильственных, неагрессивных формах и способах проявления и демонстрации интолерантности (несогласия, нетерпимости, неприятия), как, впрочем, и о сдержанности в проявлениях толерантности, не превращающейся в угодничество, лизоблюдство, рабское преклонение и подчинение.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Толерантность это изменяемая или неизменная величина? Что влияет на изменения в состоянии толерантности? Зависят ли проявления толерантности от ситуации?
2. Есть ли какие-то особенности толерантности, присущие отдельным группам людей, в том числе этническим группам?
3. Что влияет на формирование толерантности как социального свойства? От чего зависит то, как она проявляется во взаимодействиях между людьми и социальными группами?
4. Каковы основные индикаторы свойства толерантности?
5. Быть толерантными – обязанность или право личности, социальной группы?
6. В каких случаях и какими способами выражения возможна интолерантность?
7. Есть ли в обществе личности или группы людей, по отношению к которым толерантность особенно необходима?
8. Какие социальные институты и организации, на Ваш взгляд, оказывают наибольшее влияние на формирование и состояние толерантности в обществе? Может ли отдельная личность влиять на состояние толерантности?
9. Какие существуют основные проявления субъектной организации в ситуации межэтнического взаимодействия?

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В. и др. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М., 1998.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Дробижева Л. М. Социальные и культурные дистанции – опыт многонациональной России. М., 1998 (автор проекта и отв. ред.).
4. Дробижева Л. М. Этнический фактор в трансформационных процессах: пример республик Российской Федерации // Россия в глобальном контексте. М., 2002.
5. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
6. Зинченко В. П. Психология доверия / Энергия. 2001. № 4.
7. Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. М., 2002.
8. Козырева П. М. Толерантность и динамика социального самочувствия в современном российском обществе. М., 2002.
9. Петров В. Н., Ракачев В. Н., Ракачева Я. В., Черный В. И. Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирования толерантной культуры: Учеб. пособие. Краснодар, 2002.

10. *Платонов Ю. П.* Этническая психология. СПб., 2001.
11. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов, В. А. Авксентьев. Ростов н/Д, 2008.
12. *Солдатова Г. У.* Психология межнациональной напряженности. М., 2001.
13. Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2003.
14. Формирование современных навыков межэтнического взаимодействия в Ставропольском крае. Ставрополь, 2002.
15. *Шарков Ф. И.* Мониторинг напряженности и толерантности: Теория и методика исследования // Социальное согласие и толерантность в современном мире. Вып. 2. М., 2002.
16. *Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н.* Методы исследования этнической толерантности личности // Методы этнопсихологического исследования. М., 1993.
17. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М., 2002.

ГЛАВА 11. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

11.1. Толерантность как интегральная характеристика личности

Интерес исследователей к психологическим (личностным) аспектам и детерминантам толерантности, а также к проблемам толерантности в контексте межэтнических коммуникаций возникает все чаще.

В психологии традиционно выделяются следующие направления исследования толерантности:

- как психологической устойчивости;
- как совокупности индивидуальных качеств (черт);
- как системы позитивных установок.

В целом же толерантность принято рассматривать как интегральную характеристику личности, включающую все эти компоненты.

Базовым условием эффективной толерантности личности следует считать сформированную психологическую устойчивость. Этот тезис выдвинут исходя из определения, принятого в медицине и гуманитарных науках: толерантность – характеристика физиологической, психологической и социальной устойчивости человека к различным воздействиям. Именно психологическая устойчивость представляется одной из важнейших характеристик, обеспечивающих равновесие между выживанием и адаптацией человека, с одной стороны, и утверждением его индивидуальности, уникальности и в конечном итоге построением идентичности, с другой стороны.

Жизненный путь любого человека – это бесконечная череда попыток установления такого равновесия, постоянное стремление к стабильности под влиянием различных коллизий и трудностей. Однако рост количества коммуникаций, приходящихся на одного человека в настоящее время, автоматически означает такой же рост числа фрустрирующих и стрессогенных факторов, что делает проблему психологической устойчивости все более важной. Причины этого кроются в повсеместном росте многообразия и многоликости окружающей среды. Рост темпа жизни

приводит к сокращению времени на межличностное общение, которое изначально является способом разгрузки и терапии. Рост неопределенности из-за громадных потоков информационного мусора, сокращение времени на принятие решения не совпадает со снижением ответственности за принятые и реализованные решения. Таким образом, сегодняшний образ жизни можно охарактеризовать как высоко экстремальный, что предъявляет повышенные требования к психологической устойчивости. Отставание эмоционально-психологического развития человека от его технологического развития значительно, и этот разрыв увеличивается. Такое несоответствие заставляет оценивать проблему психологической устойчивости как глобальную проблему.

Психологическую устойчивость можно рассматривать на разных уровнях – от нервно-психического до социально-психологического. В первом случае имеется в виду выносливость или сопротивляемость человека к различным воздействиям, которые он может оценивать для себя как «вредные». Снижение чувствительности к влиянию таких неблагоприятных факторов может быть связано с отсутствием или ослаблением реагирования на них. Толерантность как психическая устойчивость – это способность индивида противостоять внешним воздействиям, выводящим человека из состояния нервно-психического равновесия, и самостоятельно с высоким быстродействием возвращаться в состояние психического равновесия (Трифонов Е.В., 2002). Социально-психологическая устойчивость предполагает устойчивость к многообразию мира, к этническим, культурным, социальным и мировоззренческим различиям. Она в идеале должна сформироваться как нравственная система ценностей зрелой личности. В этом смысле она представляет такое качество личности, которое можно назвать толерантностью. Проявлениями толерантности тогда могут оказаться эмпатия, альтруизм, миролюбие, доверие, веротерпимость, кооперация, сотрудничество, стремление к диалогу и другие. Например, Майкл Уолцер определяет толерантность как особый позитивный способ принятия различий, который исключает развитие конфронтации и ксенофобий (Уолцер М., 2000).

Описание понятия «толерантность» можно продолжить следующими характеристиками: устойчивость к разнообразным психотравмирующим факторам, неопределенности, конфликтам, поведенческим отклонениям, агрессивному поведению, нарушению

границ и норм. Синонимы психологической устойчивости – это жизнестойкость (стойкость), стабильность, уравновешенность, конфликтоустойчивость, низкий уровень нейротизма (эмоциональная стабильность), низкий уровень тревожности, резистентность в широком смысле (например, сопротивление внешнему воздействию). Таким образом, толерантность включает в себя как умение держать себя в руках, так и «искусство жить с непохожими» (Асмолов А.Г., 2001). Толерантность можно рассматривать и на индивидуальном уровне, и на групповом.

Исследования показывают, что психически неустойчивый человек может оказаться как толерантным, так и интолерантным по отношению к различным этническим группам. В контексте межличностных отношений психическая неуравновешенность может проявиться и как повышенная агрессивность по отношению к окружающим, и как повышенная сензитивность, позволяющая улавливать более тонкие нюансы и полутона взаимодействия. Авторитарность, которую соотносят с интолерантностью, обычно определяется как «психическая тугоподвижность» (Г.У. Солдатова), консерватизм, что связано с определенным типом психологической устойчивости человека. В то же время имеются эмпирические доказательства, что высокие показатели по психофизиологической устойчивости являются благоприятным фоном для развития толерантных установок. Приведенные данные не позволяют сделать однозначного вывода, а скорее подводят к новым вопросам о некоем оптимальном диапазоне, в пределах которого психологическая устойчивость может рассматриваться как основа толерантной личности. Однако вывод о том, что психологическая стабильность в разных формах ее проявления – необходимая основа эмоционально и нравственно зрелой личности, не подвергается сомнению.

Таким образом, толерантность можно определить, как «интегральную характеристику индивида, определяющую его способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического равновесия, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и с окружающим миром» (Солдатова Г.У., 2008).

Толерантность есть результат действия множества разнонаправленных сил, действующих на личность в период всего ее существования, но очевидно оказывающих наибольшее воздействие

в период активного формирования личности (темперамент, атмосфера в семье, воспитание, опыт, социальные и культурные факторы) (Allport, 1954). Результаты теоретических и практических исследований доказывают, что сама толерантность является интегральной характеристикой личности и инструменты ее формирования и развития представляют собой совокупность факторов.

В своей книге «Природа человеческих конфликтов: объективное изучение дезорганизации поведения человека» А. Р. Лурия рассматривает проблему устойчивости личности. Данный вопрос изучался в процессе проведения экспериментов со студентами, с детьми, с преступниками, с людьми, имеющими психическую патологию (Лурия А.Р., 2002). На основании анализа эмпирического материала был сделан вывод, что «чем более у субъекта развита способность «не допускать возбуждение непосредственно до моторного конца», задерживая его некоторым «функциональным барьером» и таким образом подвергая его некоторой предварительной обработке до переключения на моторику, тем больше у нас оснований отнести данного субъекта к нейродинамически стабильному типу личности» (Солдатова Г.У., 2008. С. 11). Другими словами, чем больше личность способна контролировать волевым усилием свою моторную реакцию на внутренние переживания, тем более стабильной и устойчивой является данная личность.

Американский психолог С. Кобейса выделила специальный тип личности, устойчивый к воздействию стресса, который обозначила как стойкую личность. В качестве базовой психологической основы стойкости она рассматривала:

- а) оптимистическую ориентацию;
- б) способность верить в себя и, соответственно, верность себе и своему делу;
- в) веру в то, что можно влиять на ход событий (контролировать события);
- г) желание испытать свои силы.

Стойкость определяет успешность поведения (оптимальный и эффективный репертуар реакций), опосредует стиль атрибуции. Например, люди с высоким уровнем стойкости, столкнувшись с негативным событием, объясняли его внешними, нестабильными и специфическими причинами и не считали себя лично виноватыми. Так же они воспринимали стрессовое событие как менее стрессовое. И напротив, столкнувшись с позитивными событиями,

ями, категория «стойких» считала их причинами внутренними и ставила эти события в заслугу лично себе.

Толерантность можно рассматривать и в рамках теории личностных черт. Здесь толерантность выступает как интегральная личностная характеристика в контексте таких факторов, как «тревожность», «нейротизм» и «психотизм». Раймонд Кеттел, создавая максимально полную карту возможных свойств человеческой личности, в итоге выделил 35 первичных основных черт. Среди них – слабое «Я», импульсивность, фрустрированность составили один из основных факторов второго порядка – «тревожность». Ему соответствуют такие качества, как застенчивость, робость, подозрительность, боязливость, слабый самоконтроль, напряженность, раздражительность, склонность легко расстраиваться. Их совокупность рисует портрет психологически неустойчивого человека.

Ганс Айзенк в последней редакции своей четырехуровневой иерархической модели личности выделил три базовых биполярных фактора: экстраверсию (интроверсию), нейротизм (стабильность) и психотизм (сильное супер-эго). Фактор нейротизм/стабильность нередко обозначается как тревожность/эмоциональная стабильность. Люди с высоким показателем нейротизма часто имеют склонность слишком эмоционально реагировать на возбуждение и с трудом возвращаются в нормальное состояние. Люди с высокими показателями по шкале психотизма часто эгоцентричны, эмоционально холодны, любят спорить, агрессивны и жестоки, импульсивны, враждебно настроены к окружающим, подозрительны и антисоциальны. Те, кто показывает низкий уровень психотизма (сильное супер-эго), склонны сопереживать, заботиться о других, сотрудничать и хорошо социально приспособлены.

В пятифакторной модели личности П. Коста и Р. МакКрае показатели толерантности заложены в двух фундаментальных факторах: нейротизме (эмоциональный контроль, эмоциональность) и сговорчивости («дружелюбная покладистость», «готовность к согласию»). Для первого фактора основная сфера жизни, к которой он имеет отношение, – это аффект, для второго – любовь. Согласно Г. Айзенку между фактором «психотизм» и двумя объединенными параметрами из пятифакторной модели – «готовности к согласию» и «сознательности» – существует корреляция, равная 0,85. Это означает, что они вполне могут быть компонентами психотизма, а не отдельными самостоятельными факторами.

Толерантность можно рассматривать и как систему установок. В 1931 году Эрих Фромм, исследуя представителей среднего класса Германии, обнаружил наличие у них установок, определяющих не только готовность к принятию тоталитарного режима, но и потребность в нем. Причем эти установки могли присутствовать вместе с негативным отношением к национал-социализму. В книге «Бегство от свободы» (1941) Эрих Фромм охарактеризовал авторитарность как «социальный характер». Основу этого характера составляет система бессознательных побуждений, рассматриваемых в психоанализе как садомазохистские. Фромм считал, что они определяют следующие жизненные ориентации людей с авторитарным характером: любовь к сильным и ненависть к слабым; «особое отношение к власти» – преклонение перед силой как таковой и презрение к бессильным людям и организациям; ограниченность и скупость во всем (как в экономических, так и эмоциональных отношениях – деньги, чувства), вплоть до аскетизма; узость кругозора; агрессивность, связанная с общей тревожностью и проявляющаяся как доминирующий способ психологической защиты; подозрительность; ксенофобия (боязнь всего «чужого» и незнакомого, воспринимаемого как источник опасности); «завистливое любопытство по отношению к знакомому»; бессилие и нерешительность; преклонение перед прошлым, связанное с неспособностью чувствовать себя полноценной личностью в настоящем (Фромм, 1990).

Факт существования авторитарного типа личности был доказан в исследованиях Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона и Н. Сэнфорда. Среди его основных характеристик следующие: консерватизм, авторитарное подчинение (потребность в сильном лидере), авторитарная агрессия (потребность во внешнем объекте для разрядки), антиинтрацепция (боязнь проявлять собственные чувства и страх утраты самоконтроля), предвзятость и стереотипность, комплекс власти (склонность разделять конвенциональные ценности), деструктивность и цинизм, проективность (проекция подавленной агрессии вовне).

Г. Айзенк заметил, что как фашисты, так и левые радикалы отличаются жесткостью мышления и авторитаризмом. В своих исследованиях он получил подтверждение этой гипотезы, обнаружив, что, хотя коммунисты являются радикалами, а фашисты – консерваторами, с точки зрения одной из характеристик лич-

ности, а именно «жесткости мышления»/терпимости, эти группы подобны друг другу. Обе они показали более высокий уровень авторитаризма, жесткости и нетерпимости к чужому мнению, чем контрольная группа (Eysenk, 1954).

Сегодня продолжают споры по целому ряду характеристик авторитарной личности. Но такие черты, как ненависть «к чужим», «отличающимся», «инородцам», «иноверцам» и поэтому «инакомыслящим», признаются всеми в качестве базовых черт этого типа личности. Ксенофобия – неприязнь к чужакам – становится одной из самых серьезных социальных проблем нашего общества. Следствием ксенофобии является противоположность толерантности – интолерантность.

Очевидно, что одни люди от природы более терпимы, другие – менее. Особенно ярко это качество проявляется в проблемных этноконтактных (межэтнических) процессах. Этническая нетерпимость (интолерантность) – реально значимая форма проявления кризисных трансформаций этнической идентичности, которые уже длительное время переживает значительная часть нашего общества. Негативное восприятие лиц других национальностей, когда представители чужих этнических групп воспринимаются как «неблагоприятный» фактор, предопределяет характер поведенческой реакции. Диапазон подобной реакции распространяется от легкого дискомфорта и раздражения до различных форм дискриминирующего поведения, вплоть до умышленного создания условий, направленных на физическое уничтожение отдельных групп по расовому, этническому или религиозному признакам.

Г. Оллпорт был первым, кто рассмотрел личность в контексте толерантность – интолерантность. В книге «Природа предрасположения» он охарактеризовал толерантную и интолерантную личность по ряду параметров.

По мнению Г. Оллпорта для толерантного человека характерно:

- знание самого себя (хорошая осведомленность о своих достоинствах и недостатках);
- защищенность (ощущение безопасности и уверенность, что с угрозой можно справиться);
- ответственность (ответственность не перекладывается на других);

– меньшая потребность в определенности (мир не делится на черное и белое, признается многообразие, характерен меньший дискомфорт в состоянии неопределенности);

– отсутствие склонности обвинять во всех бедах окружающих;

– ориентация на себя (больше ориентирован на личностную независимость, меньше – на принадлежность внешним институтам и авторитетам);

– меньшая приверженность к порядку (менее ориентирован на порядок вообще, в том числе и на социальный порядок, но также менее характерны такие качества, как педантичность, вежливость, чистоплотность);

– способность к эмпатии (социально чувствителен и способен давать более адекватные суждения о людях);

– чувство юмора (способен посмеяться не только над другими, но и над собой);

– предпочитает не авторитаризм, а свободу, демократию (общественная иерархия не имеет большого значения) (Allport, 1954).

Несомненно, любое деление на крайности является абстрактной ситуацией, в реальности маловероятной. Любой человек совершает поступки, по каждому из которых его можно отнести к толерантному или интолерантному типу. В этом случае, как и во всех аналогичных, уместнее говорить о склонности человека поступать, оценивать что-либо определенным образом без учета частных колебаний.

В кризисных, проблемных, экстремальных ситуациях проблема толерантности личности зачастую выходит на первый план. Именно в ситуациях наибольшего напряжения психологических и физиологических систем человека наиболее отчетливо проявляются предельные возможности и способности личности. К ним можно отнести как те ситуации, которые представляют опасность для жизни (техногенные и природные катастрофы, стихийные бедствия, участие в военных действиях, террористические акты), так и ситуации, связанные с профессиональной деятельностью, требующей от человека нервно-психической стабильности, способности быстро и уверенно реагировать на изменение обстоятельств и принимать решения. Именно применительно к таким случаям важность исследования поведения человека в континууме толерантности – интолерантности особенно актуальна.

11.2. Этническая толерантность в межличностных отношениях (по результатам экспериментальных исследований)

Межнациональное взаимодействие происходит на разных уровнях социальных отношений. Важной составляющей всего комплекса межнационального общения является уровень межличностного общения. Этническая пестрота многих государств, городов, отдельных поселений стала объективной реальностью, с которой сталкиваются конкретные люди. Необходимость взаимодействия с людьми других национальностей обнаруживается в трудовых коллективах, общественных организациях, учебных аудиториях, семьях и т.д.

Исследователи из различных областей науки изучают особенности межнационального взаимодействия людей в различных контактных ситуациях.

Наиболее показательными в плане фиксации общих настроений российских граждан в вопросах межнационального взаимодействия являются исследования проводимые ВЦИОМ. Так, анализ динамики отношений россиян к представителям других народов выявил позитивные изменения, происходящие в российском обществе в последние годы. Исследование, проведенное в 2009 году показало, что по сравнению с предыдущими годами резко возросла доля тех, кто ни к каким народам антипатии не испытывает (с 34% до 55%). Хотя и несколько увеличилась доля тех, кто неприязненно относится к кавказцам (29% против 23%), а по сравнению с 2006 г. несколько больше стало тех, кто испытывает раздражение по отношению к представителям народов Средней Азии (6% против 2% соответственно).

Особый интерес представляют работы, изучающие проблемы межнационального общения и проявления толерантности среди молодежи. В 2006 году под руководством директора Центра социологических исследований Российской академии образования В.С. Собкина проведено исследование в 4 территориях России среди молодежи: учащихся школ и ПТУ, студентов вузов. Одной из задач данной работы была оценка эмоционального притяжения/непритяжения представителей других национальностей.

В ходе анализа ответов выявилось, что готовность к проявлению интолерантных установок в сфере межнациональных отноше-

ний связана с такими личностными качествами, как недоверие и осторожность, в основе которых лежит предположение об угрозе со стороны других («другие люди планируют и приносят вред»).

Для определения содержательных особенностей отношения к тем или иным конкретным национальностям респондентам предлагался специальный вопрос, фиксирующий различные модальности личностного отношения: сочувствую; оказываю поддержку; уважаю; симпатизирую; отношусь нейтрально; игнорирую; отношусь враждебно; недоверчиво, с подозрением; с насмешкой; презираю; боюсь; осознанно вступаю в конфликт. Отвечая на данный вопрос, респондент должен был определить свое отношения к 14 национальностям.

По полученным данным оказалось, что среди русских респондентов именно к представителям своей национальности доминирует явно выраженное позитивное отношение: «уважение» – 54,5%, «стремление оказывать поддержку» – 18,0%, «симпатия» – 14,8%. Для сравнения, распределение этих модальностей по отношению к украинцам, соответственно: 16,1%, 7,0% и 15,1%. Отношение же к другим национальным группам более сдержанно. Здесь, как правило, доминирует «нейтральная позиция». В то же время, к отдельным национальностям весьма часто проявляются «враждебные» реакции.

Фактор, характеризующий в целом негативное отношение, которое связано с «боязнью», «подозрением, недоверчивостью», исследователи определили как «отказ от социального взаимодействия». Среди респондентов наиболее высокие значения по данному фактору проявились к чеченцам, грузинам, азербайджанцам и армянам.

Не трудно заметить, что все перечисленные национальности представляют народы Кавказа. Это позволяет сделать вывод о том, что бытующий в массовом сознании стереотип «лица кавказской национальности» связан с актуализацией таких установок, как боязнь, недоверие, подозрение. Именно они и определяют тот комплекс, который характеризует отказ от социального взаимодействия с представителями этих национальностей.

Весьма характерна также роль фактора «насмешка». Обращаясь к анализу этого фактора, важно отметить не только то, что сама готовность к проявлению «насмешки» в отношении большинства национальностей свойственна скорее интолерантным респондентам, но и то, что подобная реакция актуализируется к

таким национальностям, как калмыки, мордовцы, удмурты. Здесь стоит заметить, что в процессе выполнения задания многие респонденты указывали на свое незнание представителей данных национальных групп (удмуртов, калмыков, мордовцев); весьма типичным со стороны респондентов был вопрос: «Кто это такие?». Это позволяет сделать вывод о том, что реакция «насмешки» является одной из форм проявления защитной реакции в ситуации неопределенности. Более того, подобная неопределенность актуализирует состояние внешней угрозы, страха.

В отношении к евреям общие позиции у опрошенных респондентов проявляются в «сочувствии» и «насмешке». В этом, очевидно, заключается общекультурный стереотип восприятия данной нации со стороны представителей национального большинства. Однако более толерантные респонденты обычно также способны «уважать, оказывать поддержку» и «симпатизировать» евреям, в то время как менее толерантные респонденты проявляют «открытую враждебность».

Данное исследование продемонстрировало не только определенную связь наличия интолерантных установок с такими личностными характеристиками, как агрессивность и враждебность, но и выявило влияние стереотипов на восприятие людей той или иной национальности, низкий уровень осведомленности о спектре национального состава даже в рамках своей страны.

В социологическом исследовании проблем толерантности во взаимодействии этнических мигрантов и принимающего общества в Краснодарском крае, проведенном под руководством В. Н. Петрова, изучались позиции в ситуациях этноконтактного взаимодействия местных жителей и мигрантов, относящихся к различным национальным группам: «славяне и представители других европейских народов» и «представители народов Кавказа и Средней Азии». По материалам исследования, ценностная компонента («мои ценности») объективной и субъективной реальности определяется всеми группами респондентов как самый значимый фактор социального взаимодействия. На втором месте в рейтинге факторов, определяющих поведение в ситуации контакта с представителями другой национальности, заняли «общественные нормы». При оценке структуры ценностей для всех групп респондентов также установлена одинаковая иерархия ценностей: «здоровье», «семья», «друзья», «жизнь», «хорошая работа». Это, в свою очередь, свиде-

тельствует о непротиворечивости ценностных оснований культуры, их схожести и взаимоприемлемости, которые являются непрерывным условием, предполагающим проявление толерантности.

При сравнении частоты упоминания мотивов, определяющих поведение в ситуациях взаимодействия с представителями других этносов и складывающихся при этом социальных отношений, обнаружено явное преобладание такой модели поведения, которая ориентирована на конкретную ситуацию, где действия и реагирование на действия других выстраиваются в зависимости от поведения партнера по взаимодействиям. При этом этнические стереотипы, существующие в виде личностных установок («мое представление о людях этой национальности») или социально-групповых установок («распространенные схемы поведения»), установок, «почерпнутых из опыта других людей», явно уступают по своей предпочтительности значению «реализации собственных ценностей, мотивов и интересов», значению «рационализированной целесообразности». Другими словами, прагматика жизни неизбежно берет верх над возможными эмоциональными реакциями и аффективными установками.

В качестве иллюстрации проявления толерантности в ситуациях межнационального взаимодействия можно также привести результаты работы, проведенной в рамках комплексного исследования в МГИМО(У) МИД РФ. Основным объектом исследования выступили студенты факультета международных отношений, 81% из которых относит себя к русским. Исследователи исходили из того, что толерантность является атрибутивной сущностью дипломатии. Поэтому основная проблема исследования состояла в выявлении степени отклонения от толерантности как нормативного качества и целостного ориентира у будущих дипломатических работников.

В качестве индикаторов межэтнической толерантности будущих специалистов-международников явились вопросы о предполагаемых ситуациях: отношение к браку с человеком другой национальности, к возможному соседству с людьми различных национальностей.

Наиболее сильно этническая толерантность студентов проявилась в ответах на максимально отвлеченный от социального контекста вопрос: «В какой степени можно согласиться с суждением «Общество богаче и культурнее, когда люди разных национальностей живут рядом». Только незначительная часть (17%) не согласилась с ним, тогда как большая часть (51%) согласилась.

При оценке коммуникативной толерантности установлено, что большинству (53%) свойственна позиция эмпатии. Примерно один из десяти опрошенных придерживается доброты в отношении к чужому мнению, выражая готовность при необходимости принять другую точку зрения. Не получили значимого выражения в студенческой среде уровни терпимости (6%), а также интолерантности (7%). Для четверти опрошенных характерно уважение к чужому мнению, но без попыток к взаимодействию.

При оценке межконфессиональной толерантности установлено, что суждения толерантного характера получили существенную поддержку (70%). Тем не менее часть опрошенных (43%) согласилась с утверждением о главенстве в России православной веры, что можно рассматривать как отражение межконфессиональной интолерантности.

Однако следует отметить, что проявления толерантности в предполагаемых, гипотетических ситуациях демонстрируются респондентами шире, чем в реальном поведении.

Среди утверждений толерантного характера наибольшее согласие вызывали те, которые по своей сути не требуют высокого уровня терпимости и отражают общекультурные стереотипы. С ними согласно, как правило, абсолютное большинство людей, и студенты МГИМО здесь не исключение. Минимальный характер согласия получило утверждение о том, что президент в такой многонациональной стране, как Россия, не обязательно должен быть русским. С ним согласились (полностью или скорее) лишь 39%.

Ряд утверждений интолерантного характера получили большую поддержку, чем толерантные. Так, большинство (52%) согласно с тем, что наплыв в Россию приезжих из стран ближнего зарубежья способствует росту преступности. Многие выступили за ограничение проживания в Москве представителей народов Кавказа и Средней Азии (44%). Утверждение, получившее минимальную поддержку, носило откровенно расистский характер. Тем не менее согласны с тем, что «Люди одних национальностей от природы лучше других» – 15%, еще 11% частично согласны с этим.

Как нетолерантное рассматривалось желание респондента иметь в качестве супруга(и) человека своей национальности, а также вариант ответа «зависит от национальности». Толерантным является безразличие к национальности супруга(и) либо непридание этому признаку большого значения. К возможности брака с

человеком другой национальности большинство студентов (59%) проявляют толерантность. Четко выраженная ориентация только на брак с человеком своей национальности характерна для 15%, прежде всего, юношей (19%).

В целом авторы данного исследования констатировали, что уровень этнической толерантности у студентов невысок, так как степень согласия с суждениями толерантного характера не на много превышает степень согласия с интолерантными утверждениями (Темницкий А.Л., 2005).

Интересной в рассматриваемом контексте представляется и работа, проведенная под руководством Л.М. Дробижевой в одном из многонациональных городов России («Межэтнические отношения в Сочинском регионе». Дробижева Л.М., 2009). Его особенность заключается не только в том, что он является приграничным и многонациональным, но и в том, что Сочи в 2014 году будет принимать у себя Олимпийские игры. Поэтому в настоящее время вопрос межнациональных отношений приобретает особую актуальность в связи с перспективой прибытия на строительство олимпийских объектов большого количества рабочих из других регионов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

Исследование показало, что в Сочи вербально выражена высокая готовность к межнациональному общению в деловой и неформальной сферах (работа, соседство). Более 80% опрошенных готовы работать в условиях многонационального коллектива под руководством человека другой национальности, отдать детей в школу, где учатся дети разных национальностей, контактировать с людьми другой национальности как с соседями по дому. Постоянные и многообразные межэтнические контакты внутри региональной общности стали привычными и привели к формированию и развитию позитивных установок.

Поведение респондентов, основанное на подобных установках, является более эффективным и адаптивным. С точки зрения здравого смысла, в ситуации высокой этноконтактности неразумно жить в напряженности и неприязни с людьми другой национальности, которые с большой долей вероятности являются либо коллегами, либо соседями, целесообразнее сохранять с ними дружественные или нейтральные отношения. Это касается преимущественно тех сфер взаимодействия, где люди ограничены в своем выборе лиц для контактов.

Исследователи обратили внимание на то, что межэтнические установки на взаимодействие в разных сферах общения у представителей разных национальностей г. Сочи отличаются. Так, русские в сравнении с представителями других национальностей проявляют меньшую степень согласия по всем позициям межэтнического взаимодействия, касающихся разных сфер общения. При этом в сочинском районе русские привыкли к взаимодействию с армянами (в Адлерском районе Сочи они традиционно составляют около 1/3 населения). На уровне повседневного общения все чаще армян разделяют на «своих» и «чужих», на «новых» и «старых». Причем исходит такое представление не только от местных националистов, краевой администрации, представителей казачества, но и от условно называемых «местных армян». «Коренные» армяне недолюбливают приезжих армян «с гор» («киляхи»), которые, на их взгляд, своим поведением создают негативное представление обо всех сочинских армянах.

Большая склонность к дистанцированию наблюдается в семейной сфере, где человек волен выбирать: принять или нет человека другой национальности в семью в качестве мужа/жены своих детей и в качестве собственного партнера по браку. С такой позицией согласны 60% опрошенных респондентов. Это свидетельствует не только об известной закрытости семейной сферы общения, но и о сложившихся традициях. Доброе соседское существование и дружба – это одно, а брак, часто связанный с передачей собственности, семейного дела, изменениями в религиозных убеждениях, – совсем другое. Такая «отдаленность» связана с культурными особенностями, в которые входит почитание семьи, обычаев и традиций, а, следовательно, и их ретрансляция на семейном уровне, что может вызвать проблемы соответствующего рода при сближении в данной сфере с представителями других этнических групп.

Мнения мужчин и женщин по вопросу межнациональных браков для себя и своих детей различны. Мужчины чаще, чем женщины (69% и 57% соответственно), выражают готовность вступить в брак с представителем другой национальности. Русские женщины реже выражают готовность на этот шаг, чем женщины других национальностей (50% и 68% соответственно). Это говорит о более радикальном настрое последних, что не характерно для России в целом. Подобный «радикализм» жителей

полиэтничного Сочи может быть оправдан тем фактом, что они при ответе на вопрос о возможном брачном партнере другой национальности с большей вероятностью обращаются к реальным примерам из жизни своих друзей, знакомых, родственников. В то же время женщины из других городов России, преимущественно моноэтничных по своему составу, чаще представляют в этой ситуации некоторую гипотетическую картинку.

Результаты приведенных исследований дают основание предположить, что респонденты независимо от их национальной принадлежности, возраста, пола, социального положения довольно четко отделяют сферу трудовой деятельности от семейно-бытового уклада. Именно в семье легче находить взаимопонимание с человеком одной национальной принадлежности, ибо схожесть языка, образа жизни, традиций и обычаев помогает преодолевать сложности, могущие возникнуть в процессе совместного проживания супругов.

Важнейшую роль в культурном обмене играют этнически смешанные семьи, где происходит трансформация этнического самосознания, закрепляются и совершенствуются взаимоприемлемые культурные обычаи, все, что накоплено этносами в области культурного развития, сохранения традиций, обычаев и языка. Количество межэтнических браков – один из существенных показателей этнического сближения народов. Такие браки, являясь следствием усиления социально-культурных и других контактов народов, в свою очередь еще теснее сближают народы, способствуют интернационализации культуры, быта, повседневной жизни.

Во всем мире за последние десятилетия увеличилось количество межэтнических браков, что обусловлено расширением международных обменов, открытостью границ, увеличившейся потребностью и возможностью изучения других языков и т.д.

В Советском Союзе интернационализм был одним из государственных принципов. Миграционные процессы внутри страны стимулировались такими формами, как распределение по месту работы после окончания профессионального обучения (в любую из 15 республик), призывами молодежи на «ударные комсомольские стройки». Именно они затрагивали часть населения, которая находилась в том возрасте, когда человек стремится к созданию семьи и реализует это стремление. Так, в СССР в 1989 году было 12,8 млн. этнически смешанных семей, или 17%.

Распад Советского Союза негативным образом отразился на благополучии многих межнациональных семей. Это привело не только к проблемам (вплоть до распада) в межэтнических семьях, но и к ухудшению межнациональной ситуации во многих регионах страны, росту ксенофобии, усилению межэтнической интолерантности, ухудшению демографических показателей.

Интересными в свете рассматриваемой в данном параграфе темы представляются результаты лонгитюдного исследования, проведенного М.М. Шахбановой в Дагестане с 1996 по 2007 гг. Она зафиксировала присущее общественному сознанию дагестанских народов отношение к межнациональным бракам и их роль в формировании установок на толерантность.

Предваряя описание результатов этого исследования, необходимо отметить, что в Дагестане, по данным Всесоюзной переписи населения в 1979 году, каждая десятая семья была национально смешанной. По подсчетам М.М. Магометханова, в семи городах Дагестана в 1970–1979 годах заключено 373 390 браков, из которых большую часть (64%) составили однонациональные браки и 36% – межнациональные. При этом показатели межэтнической брачности в Дагестане в настоящее время невысоки.

Результаты опроса, проведенного в 1996–1997 гг. об отношении к браку с человеком иной национальной принадлежности, показывают, что сравнительно мало внимания на национальную принадлежность будущего супруга(и) обращают опрошенные кумыки и аварцы. Но для подавляющего количества респондентов приемлемым оказывается вариант «предпочел бы человека своей национальности, но возражать не стал бы».

На следующем этапе исследования в 2007 году спрашивали не просто об отношении к межнациональному браку, но к возможному выбору такого брака дочерью или сыном.

Установлено, что опрашиваемые более терпимо относятся к межнациональному браку сына, при этом в значительно большей степени негативно они воспринимают межнациональный брак дочери.

Результаты этого исследования позволили выявить различия в позициях респондентов из городской и сельской местностей. Среди горожан больше, чем среди сельских жителей, солидарных с вариантом «национальная принадлежность человека является несущественной при выборе будущего супруга». Очевидно го-

рожанам, изначально проживающим в многонациональной среде и в силу этого чаще вступающих в межэтнические контакты, свойственно более толерантное отношение к межнациональному браку, чем сельскому населению, большая часть которого живет в мононациональной среде.

Несомненно, что на отношение к межнациональному браку значительное воздействие оказывает уровень образования респондента. Анализ показал наличие положительной зависимости между степенью принятия межнационального брака и уровнем образования. Так, только 17% респондентов со средним общим образованием убеждены, что «национальная принадлежность является несущественной», этому же варианту привержены 52% респондентов со средним специальным и 50% с высшим образованием.

Результаты анализа по возрастному признаку показали более терпимое отношение к межнациональным бракам респондентов в возрасте от 30 лет и старше, а в общественном сознании молодого поколения наблюдалась некоторая «размытость» в отношении к межэтническому браку.

При оценке межэтнических отношений использовалась шкала социальной дистанции Богардуса, которая позволяет измерять психологическую готовность к контактам или неготовность.

В результате у респондентов выявились различия в степенях готовности к межнациональным контактам по видам толерантности. Так, человека иной национальности «гражданином своей республики» готовы принять 81,1% опрошенных; «коллегой по работе» – 75,5%; «соседом по дому, квартире» – 67,8%; в качестве «партнера в совместной деятельности» – 62,9%; «непосредственного начальника» – 50,7%. А вот против принятия «в качестве супруга(и)» выступили 39,9% опрошенных.

Что касается отношения верующих и неверующих к межнациональному браку, то по данным опроса доля тех, кто считает, что «очень важна национальная принадлежность человека при выборе супруги(а)», среди верующих почти в 3 раза выше, чем среди тех, кто относит себя к неверующим – 31,7% и 10,5% соответственно. Верующие горожане относятся более терпимо к национальной принадлежности будущего супруга, чем верующие, проживающие в сельской местности, что подтверждает данные, приведенные выше, о большем уровне толерантности жителей в городах.

Несмотря на существующее в этническом сознании респондентов толерантное отношение к межнациональному браку, все-

таки в общественном мнении дагестанских народов превалирует необходимость учитывать этническую принадлежность при выборе брачного партнера, особенно если речь идет о дочери. В наибольшей степени терпимость к межнациональным бракам характерна для лиц старшего и отчасти среднего возраста (возможно, это результат интернационального воспитания в советский период). При этом выделяются позиции, когда респонденты считают возможным существование межнационального брака только при условии «если супруг соблюдает обычаи моего народа». Такая позиция, с одной стороны, может дать основание для вывода, что в общественном сознании возможно терпимое отношение к межнациональному браку, «если...». Но, с другой стороны, она означает, что изначально брачному партнеру навязывается соблюдение традиций и обычаев народа будущего супруга, что не согласуется с толерантным отношением к межэтническому браку.

В настоящее время институт семьи и брачного партнерства переживает сложный период. Актуальность проблемы обусловлена тем социальным вызовом, с которым пришлось столкнуться современному обществу, заинтересованному в укреплении институтов брака и семьи и отмечающему многочисленные симптомы их ослабления. Поэтому значимость толерантности в кругу семьи существенно возросла.

Современные исследователи ищут новые подходы к рассмотрению вопросов, связанных с условиями создания семьи, определяющими ее благополучие в течение всей жизни. Одним из таких подходов является подход «со-бытия» в супружеских отношениях (З.И. Рябикина).

Основной модус существования человека – это со-бытие с Другими. Жизнь вместе создает для личности проблему со-бытийности. Супружеские отношения представляют собой одно из важных пространств человеческого бытия. Таким образом, личность может быть рассмотрена как субъект со-бытия в супружеских отношениях.

Другой человек является для нас внешним миром, и с ним мы «синхронизируем» свой мир. При этом мы учитываем сложившуюся у него иерархию личностных смыслов и ценностей, определяющих предпочитаемые им виды активности, его биологические (организмические) ритмы, временные параметры освоенных им навыков, умений, социальных норм и прочих компонентов

деятельности. В предпринимаемых человеком действиях по расширению своего бытия он нередко сталкивается с интолерантностью партнера, с попытками манипулирования им посредством навязываемого структурирования пространства межличностных отношений, конфигурации ценностно-ориентированных видов активности, предметно-пространственной среды, времени.

В современных исследованиях семьи и брака все больше внимания уделяется личности как субъекту брачных отношений. Подобный рост субъектности в «кругу своих» должен сопровождаться соответственно ростом толерантности.

В рамках данного подхода изучался вопрос о межкультурных и межнациональных различиях и сходствах со-бытия в браке у разных этнических групп. В исследовании, проведенном под руководством З.И. Рябикиной, изучались этнические группы русских и дагестанцев. В качестве испытуемых выступили молодые семьи, находящиеся в браке не более 1 года в возрасте от 19 до 30 лет. Всего в исследовании приняли участие 40 пар (20 – русских, 20 – дагестанских).

Было установлено, что русские мужчины имеют намного большую широту индивидуального репертуара средового поведения, направленного на реализацию своей потребности в приватности, чем дагестанские. Но вместе с тем потребность в приватности территории у дагестанских мужчин выше, чем у русских. Однако, несмотря на очевидные фактические трудности с реализацией потребности в приватности, дагестанские мужчины в большей степени удовлетворены своим браком. Это позволяет предположить больший уровень толерантности по отношению к семейной жизни, возможно заложенный еще в детстве. При этом отмечен более высокий уровень толерантности в вопросе приватности своего пространства у русских мужчин по сравнению с дагестанцами, принявшими участие в исследовании.

Что касается женщин, то русские женщины, по сравнению с дагестанскими, так же как и мужчины проявляют достаточно широкий индивидуальный репертуар средового поведения, направленного на реализацию потребности в приватности, и гораздо чаще предпочитают такие виды прайваси, как сдержанность и интимность, а также в большей степени удовлетворены своим браком.

Дагестанские женщины, в большей степени удовлетворенные браком, получают меньше поддержки своей потребности в приват-

ности территории со стороны своих мужей и чаще предпочитают такой вид прайваси, как творчество. Такие взаимосвязи могут быть обусловлены тем, что мужья этих женщин проявляют больше внимания к своим супругам, больше склонны «вторгаться» на их территорию, но это не вызывает у женщин недовольства, а наоборот, способствует их удовлетворенности браком и творческому самовыражению. Здесь можно сказать о расширении области толерантного восприятия в случае большего внимания со стороны супруга.

В результате исследования авторы пришли к заключению, что представители указанных этносов обладают разными способностями к толерантному поведению и восприятию в браке. Несомненно, и у русских, и у дагестанцев есть свои особенности и нюансы поведения и восприятия, но предполагается, что это в большей степени определяется социальным окружением, чем индивидуальными особенностями.

Результаты теоретических и прикладных исследований вопросов межличностных отношений в межнациональном общении, независимо от подходов и методов, которые используются исследователями, однозначно свидетельствуют об одном – формирование основ толерантности является важной составляющей формирования личности и как будущего субъекта брачных, трудовых, иных межличностных отношений, и как гражданина в целом.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каким образом мотив самоактуализации обуславливает уровень толерантности отношений человека с другими людьми?
2. Почему интолерантность можно рассматривать как защитный механизм? В каких ситуациях?
3. Каким образом построение личностной идентичности связано с толерантным/интолерантным отношением личности к другому человеку?
4. Какие особенности «интолерантной» личности выделены учеными? Как влияют интолерантные отношения на взаимопонимание?
5. В чем состоит взаимосвязь толерантности и психологической устойчивости личности?
6. В чем суть понимания толерантности через призму различных теорий психологии?
7. Из чего складывается привлекательность активного толерантного поведения?
8. В чем суть «истинной» толерантности?

Список литературы

1. *Асмолов А. Г.* На пути к толерантному сознанию. М. 2000.
2. *Асмолов А. Г.* Толерантность как культура XXI века // Толерантность: объединяем усилия. М., 2002.
3. *Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А.* О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. Научно-публицистический вестник. М., 2001.
4. *Бардиер Г.* Социальная психология толерантности. СПб., 2005.
5. *Дорно И. В.* Современный брак: проблемы гармонии / И.В. Дорно. М., 1990.
6. *Дробижева Л. М., Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М., Щеголькова Е. Ю.* ИНАБ. Социально-культурное многообразие как ресурс трансформирующегося Сочи. М., 2009.
7. *Знаков В. В.* Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 45–56.
8. *Клепцова Е. Ю.* Психология и педагогика толерантности. М., 2004.
9. *Лабунская В. А.* Социально-психологические презентации толерантного-интолерантного межличностного общения.
10. *Лурия А. Р.* Природа человеческих конфликтов: объективное изучение дезорганизации поведения человека. М., 2002.
11. *Оллпорт Г.* Природа предубеждения // Век толерантности. Вып. 6. М., 2003.
12. Проблема толерантности в подростковой субкультуре / под ред. В. С. Собкина. М., 2003.
13. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М., 2008.
14. *Рябикина З. И.* Феномен толерантности: дуальность психологического содержания // Толерантность в межличностном общении. Ростов н/Д, 2002. С. 23–27.
15. *Солдатова Г. У.* Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001. С. 90–100.
16. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
17. Социальное неравенства этнических групп. Представления и реальность / под ред. Л. М. Дробижевой. М., 2002.
18. *Темницкий А. Л.* Социологические исследования толерантности студентов МГИМО(У). М., 2005.

ГЛАВА 12. ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ, ПРЕОДОЛЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ИНТОЛЕРАНТНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

12.1. Интолерантные формы поведения: причины возникновения и профилактика

Межнациональная толерантность – это отношение к представителям различных наций как к своей, способность не переносить недостатки и негативные действия отдельных представителей национальности на остальных, отношение к любому человеку с позиции «презумпции национальной невиновности».

Противоположность толерантности – интолерантность.

Интолерантность – это неготовность, неспособность, нежелание индивида или общества принять инакость. В основе интолерантности зачастую лежат негативные стереотипы и предрассудки.

Создание стереотипов – один из основных механизмов социального осмысления. Когда люди общаются друг с другом изо дня в день, им приходится экономить время и энергию. Нам нужны упрощенные схематические образцы, известные как стереотипы, чтобы экономить наши силы во взаимоотношениях с другими. Стереотипы состоят из двух элементов: информация и эмоция (отношение). Отношения могут быть позитивными или негативными, поэтому можно говорить о позитивных или негативных стереотипах.

Предрассудки в отличие от стереотипов всегда несут резко отрицательный характер и предполагают определенное поведение: или уход от реальности, или дискриминацию. Они определяются отношениями внутри группы. Предрассудок в большинстве случаев удовлетворяет двум основным потребностям группы. Во-первых, он создает идентичность группы на основе сравнения ее с другими. Во-вторых, он может укреплять чувство единства внутри группы. Негативная концепция «Других» – это эффективный способ повысить групповую информированность. Говоря о дискриминации (лишении отдельных лиц, групп или целых сообществ равных социальных, политических или экономических прав; преследование по причине этнического происхождения, национальности, мировоззрения) важно отметить, что в ее основе чаще всего лежит предрассудок, а не стереотип.

Ксенофобия (от греч. ξένος «чужой» и φόβος «страх») определяется как:

- нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному;
- восприятие чужого как непонятого, непостижимого, а поэтому опасного, враждебного.

Такое восприятие, возведенное в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного или социального деления.

Ксенофобия имеет свои особые формы, проявляющиеся в отношении той или иной социальной группы. К таким формам можно отнести: расизм, утверждающий расовое превосходство; этнонационализм, абсолютизирующий и превозносящий этнические отличия; религиозный фанатизм, настаивающий на истинности и превосходстве религиозной доктрины; сексизм, чаще дискриминирующий женщин и превозносящий мужской пол; эджеизм, утверждающий преимущества молодого возраста, дискриминирующий старшие поколения. Все это – наиболее распространенные идеологии и идеологические дискурсивные практики, связанные с культурными особенностями, противоположные толерантному отношению.

Проявлением межнациональной интолерантности являются этноцентризм и ксенофобия. Этноцентризм – это дискриминация на основе культурных или языковых характеристик индивида или группы, базирующаяся на убеждении превосходства одних этносов над другими или одной национальной культуры над другой. Ксенофобия проявляет себя как неприязнь к чужакам – иным этносам, религиозным меньшинствам, к специфическим, заметно отличающимся от большинства общества по целям, интересам и взглядам социальным группам. Нередко ксенофобия проявляется как закономерная реакция отторжения коренным населением приезжих, не нашедших путей интеграции в новое общество, в новую культуру. Часто неприятие «инородцев» как представителей других культур обусловлено убежденностью, что они могут принести только вред титульной нации.

Последнее десятилетие насыщено проявлениями радикального национализма и ксенофобии. В мирное время применяется огнестрельное оружие, а преступления маскируются как бытовые. Ужесточается религиозно и идеологически мотивированный вандализм – от рисования оскорбительных граффити до поджогов и взрывов. Все более активно и разнообразно используются

различные провокации для нагнетания ксенофобной истерии в обществе. Бытовое ксенофобномотивированное насилие и массовые конфликты, перерастающие (или угрожающие перерасти) в этнические погромы, к сожалению, остаются реальностью сегодняшнего дня.

Национализм воплощается в вере в то, что одна нация превосходит другие и имеет право ими распоряжаться. Причем следует различать национальную психологию и националистическую. Национальная психология – это объективное явление, она образует «национальный характер». Каждый народ имеет свою национальную психологию. И как единичное она включает и то общее, что свойственно другим нациям. В отличие от национальной психологии националистическая психология – извращенная форма групповой солидарности, которая выражается в преувеличении и предпочтении своего национального, в предвзятом отношении к представителям других этнонациональных общностей и, наконец, в националистических настроениях и националистически окрашенном общественном мнении.

Серьезную угрозу для толерантности представляет радикальный национализм, разделяющий россиян по национальному признаку. Этот тип национализма препятствует формированию общероссийской идентичности. Так называемые «патриоты» прибегают к насилию в отношении этнических меньшинств, иностранных граждан, мигрантов.

В России является признанным подход к национализму, изложенный в книге «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов» (Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У., 1996), в которой рассматриваются следующие типы национализма:

1. Национализм классический, выражающий стремление к полной независимости (вариант Чеченской Республики - Ичкерии).

2. Национализм паритетный с ярко выраженным стремлением к возможно полному суверенитету, который в силу внешних и внутренних условий ограничен за счет передачи части полномочий федеральному центру (в Татарстане, Башкортостане, Туве).

3. Экономический национализм, при котором доминирующей в декларациях и действиях является самостоятельность в экономической сфере, и эта самостоятельность рассматривается элитой как путь к возможно полному суверенитету (в Саха (Якутии) и – на отдельных этапах – в Татарстане).

4. Защитный национализм, при котором доминируют идеи защиты культуры, языка, территории, демографического воспроизводства и т.п. (осетинский, ингушский национализм, этнокультурный национализм в Карелии, Коми).

Также авторами определены некоторые основания для выделения 5-го типа – модернизационного национализма, при котором доминируют «идеи инновационного прорыва».

Неприятие этнонациональной толерантности в российском общественно-политическом сознании зачастую связывается с проповедью этноцентризма. Парадоксально, но этнократизм (крайняя форма этноцентризма) в современном российском сознании присутствует не столько в виде редких публикаций ультра-патриотов-радикалов, сколько в виде программных манифестов солидных политических партий.

Экстремизм и ксенофобия связаны между собой, но имеют существенные различия. Ксенофобия – это одна из черт массового сознания, которая носит преимущественно стихийный характер, тогда как экстремизм – это более или менее целенаправленная деятельность организованных групп или отдельных лиц.

Развитие ксенофобии на современном этапе связывают с тяжелым экономическим положением людей, понижением социального статуса целых общественных слоев, горечью за падение по сравнению с СССР престижа России, что способствует росту «комплекса неполноценности» и побуждает искать конкретных виновников всего происшедшего со страной, с обществом, с каждым отдельным человеком. Чаще всего такими виновниками оказываются чужаки, которые находятся в непосредственной близости от пострадавших, и потому на них удобнее и проще сорвать злобу.

Постсоветская ксенофобия порождена не только нынешними условиями. Она имеет достаточно глубокую социокультурную и этническую основу. К изначальным предпосылкам ксенофобских тенденций, существовавших на двух уровнях – государственном и бытовом, относятся:

– традиции и представления, связанные с гипертрофией значения русского (позже российского) государства и его идеологии;

– отторжение любого культурного, социального, духовного компонента и его этнических носителей, не соответствовавших советским стандартам, что позволяло манипулировать сознанием людей, направляя их против всего, что было не угодно власти и обслуживавшему ее идеологическому корпусу;

- появление религиозной фобии, принявшей форму государственного атеизма: верующий был чужаком;
- культивирование социальной фобии, наиболее законченной интерпретацией которой стала сталинская идея об обострении классовой борьбы;
- камуфлирование этнофобии, прежде всего антисемитизма, под борьбу против национализма, космополитизма, сионизма;
- существование этнофобии на бытовом уровне в отношении жителей Средней Азии, Кавказа, которая порождала смешанное чувство комплекса неполноценности в сочетании с ощущением собственной исключительности по отношению к большинству населения. Она выражается в устойчиво бытующих презрительных «кличках» различных этносов, неуставных отношениях в армии.

Подобно другим социально-психологическим явлениям, ксенофобия коренится как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Люди всегда склонны воспринимать и оценивать жизненные явления с точки зрения этноцентризма, т.е. сквозь призму традиций и ценностей собственной группы, выступающей в качестве эталона: «Мы» (свои) лучше, чем «Они» (чужие). Ксенофобию усиливает боязнь личности потерять свою культурную и социальную идентичность в результате изменения контекста межличностных отношений, который происходит при появлении в его окружении, в социуме иностранцев, т.е. носителей другой культуры, ментальности, истории.

Социологические опросы, проводимые среди населения России, фиксируют наличие достаточно широкой социальной базы в российском обществе и распространение ксенофобных настроений. Они представляют своеобразный компенсаторный механизм. Находясь в состоянии фрустрации, вызванной бедностью и ощущением социальной несправедливости, люди ищут виновников своих бедствий. А как известно, агрессивная реакция носит преимущественно иррациональный и спонтанный характер. Поэтому она направляется, как правило, на тех, кто находится по ту сторону разделения «мы-они». Одним из самых простых способов маркировки является раса и этничность. Как отметил в 2004 году Э. Паин, «в 90-е годы социальные проблемы политизировались: во всем виновато правительство, президент, «демократы все развалили» и т. д. Сейчас социальные проблемы этнизируются: «они» плохие не только потому, что олигархи, но и потому, что этнически «чужие» (Паин Э., 2006).

По данным опроса Фонда «Общественное мнение», в целом по России в неприязни к лицам иной национальности признались 24% респондентов, тогда как 73% объявили, что ничего подобного не испытывают. В то же время по результатам социологических исследований, проведенных в Кондопоге вскоре после столкновения там между русскими и чеченцами, получившего общероссийский резонанс, 49% студентов и школьников заявили, что испытывают негативные чувства к выходцам с Кавказа.

Проблема миграции, остро вставшая в последние годы в связи с ростом иноэтнических миграционных потоков, стала реальным вызовом во многих странах, в том числе и России. В результате исследований проявлений экстремизма в молодежной среде, проведенных в 2006–2007 гг. Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в рамках проекта «Экстремизм в российской молодежной среде» (руководители член-корр. РАН М.К. Горшков и д-р соц. наук Ю.А. Зубок), выяснилось, что неприязнь к мигрантам из стран Юго-Восточной Азии, Африки, из республик Северного Кавказа в различной форме выразили 35% опрошенных, а против роста численности мигрантов выступают 21%.

Основная же проблема заключается в том, что ксенофобские настроения переживаются болезненно не только теми, на кого они обращены, но и теми, от кого они исходят. Нередко ксенофобия одних по отношению к другим встречает ответную, зачастую еще более жесткую реакцию. Таким образом, ее рост приобретает черты геометрической прогрессии, что особенно заметно в кризисных ситуациях.

Имея историко-культурные предпосылки, будучи связана с обострением чувства принадлежности к своей этнической и религиозной локально-территориальной группе, ксенофобия паразитирует на экономических трудностях, комплексах социальной неполноценности.

Как показали исследования «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи» (Белгород, 2008), проведенного в 2008 г. по заказу Минрегиона России, 23% экспертов убеждены в том, что этническое и конфессиональное разнообразие России и отдельных ее регионов само по себе является значимым фактором распространения экстремизма в обществе. Но большинство экспертов (67%) утверждает, что этническое и религиозное многообразие становится предпосылкой экстремизма лишь в условиях нерешенности социальных проблем.

Ксенофобия, неприязнь к чужакам существует всегда, в любой стране, в любом обществе. Как показывают исследования отечественных и зарубежных авторов, основными факторами этнических стереотипов и экстремистских настроений у населения являются:

- семейные факторы, к которым относятся особенности статуса семей и семейного воспитания;

- средовые факторы, к которым относятся влияние инонациональных укладов жизни, традиций, обычаев, проявляющееся в процессе повседневного общения; проявление национальной дискриминации в быту или ее отсутствие; практика правовых норм в отношении нарушителей норм межнационального общения; сложившиеся в референтных группах правила восприятия иных этносов;

- общественные факторы, к которым относятся явления, связанные с межнациональными отношениями и проявляющиеся в масштабах всего общества: этническая асимметрия во власти, деятельность националистических организаций; нерешенность социальных проблем.

Опираясь на многочисленные исследования, можно выделить наиболее важные компоненты системы борьбы с ксенофобией:

- активное развитие мирного сотрудничества представителей разных народов в рамках пропаганды культуры межнационального общения;

- развитие диалога между представителями интеллигенции (и особенно творческой интеллигенции) разных народов;

- формирование национально-государственной идеи, новой, надгрупповой национальной идентичности, то есть чувства приобщенности человека к конкретной национальной культуре, при котором он постоянно отождествляет себя с определенной группой, этносом, нацией, расой;

- воспитание с детства уважения к общечеловеческим ценностям;

- повышение общего уровня культуры населения;

- культуросообразное воспитание, включающее освоение норм общества (социально-нормативный аспект), творческое саморазвитие (индивидуально-смысловой аспект) и жизненное самоутверждение (ценностно-деятельностный аспект);

- развитие интереса (и понимания важности) у власти к просвещению и пропаганде общечеловеческих принципов межнационального общения, способствующих вытеснению подозритель-

ности, недоверия, неприятия по отношению к представителям других этнических групп.

Чтобы усвоить особенности других культур и тонкости взаимоотношений между представителями различных национальностей на межличностном, межэтническом или даже внутриэтническом уровне, следует учитывать, что межнациональная толерантность складывается из множества компонентов, среди которых исследователи считают наиболее важными следующие виды знания:

- знание истории культуры своего этноса, ее традиций;
- знание национальной культуры этноса, с которым осуществляется процесс общения;
- знание роли своей национальной культуры и роли культуры этноса – партнера в мировой культуре;
- знание особенностей национальной культуры как выражения национальной психологии;
- знание языков, как своего родного, так и языка межнационального общения.

Важной составляющей толерантного сознания при этом является эмпатия, означающая знание психологических особенностей этноса, способности к сопереживанию, умение поставить себя на место другого.

Последние десятилетия бурных социально-экономических, политических и культурных перемен в России показали, что приоритетными должны быть не политические или экономические интересы и даже не развитие общества или культуры, а сам Человек, его отношение к другим людям, к жизни, к себе.

Когда мы говорим о воспитании, то, как правило, подразумеваем молодежь. Ведь она, с одной стороны, является наиболее уязвимой частью населения, а с другой – именно ей предстоит жить в новом мире. Для молодежи характерна высокая активность межличностных взаимодействий, которая влияет на сокращение этнокультурной дистанции и на снижение уровня интолерантности.

Исследование, проведенное в молодежной среде (Белгород, 2008) по заказу Министерства регионального развития РФ, выявило интересный феномен. Так, несмотря на то, что больше половины молодых людей (52%) имеют среди друзей представителей других национальностей, только 27% респондентов имеют представление об их культуре, образе жизни – 39%, семейных

традициях – 25%, религиозных обрядах – 15%, истории – 16%, ценностях – 22%. Такого рода некомпетентность обусловлена недостаточно выраженным интересом, своего рода «этническим равнодушием».

Оптимистичными в этом случае можно считать результаты работы, проведенной Южным региональным ресурсным центром (Краснодар, 2001 г., 2008 г.), который ставил своей целью определение социального самочувствия молодежи в сфере межэтнических отношений. Исследования показали, что ситуация в молодежной среде по сравнению с прошлыми годами значительно изменилась к лучшему. Так, если в 2001 году 86% опрошенных оценивали ситуацию как крайне напряженную, насыщенную открытыми конфликтами, то данные 2008 года указывают, что межэтнические отношения на Юге России можно характеризовать как сравнительно спокойные. При этом исследователи выделили основные болевые точки, которые все-таки вызывают опасения у респондентов: нелегальная трудовая миграция, новая волна «бизнес-мигрантов», располагающих большими финансовыми ресурсами и в то же время нежелающих интегрироваться в местную социально-культурную среду (Никифоров Д.Г., 2008).

Толерантность является обязательной характеристикой идеальных отношений между людьми и может входить в культурный арсенал того или иного сообщества в качестве культурной нормы и моральной ценности. Идея общего жизненного пространства для различных народов предполагает интеграционные процессы, прежде всего в социокультурной сфере как области формирования идеалов и ценностей.

12.2. Толерантность и СМИ

В современном мире человек узнает о событиях, в нем происходящих, из средств массовой информации. Более того, он полагается на эту информацию как на достоверную. Несмотря на то, что самопозиционирование СМИ как «четвёртой власти» сегодня подвергается критике и ее зачастую считают лишь манипулятивным ресурсом, ни один исследователь не подвергает сомнению ее влияние на общество. С одной стороны, журналистика осуществляет «всесторонний мониторинг всех сфер жизни», с другой стороны, «определяет «повестку дня» – представляет

общественности совокупность тем, проблем, суждений, то есть создает информационную картину всего актуально значимого в действительности» (Прохоров Е.П., 2001. С. 165). По словам директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова, «в современном обществе без СМИ фактически невозможно организовать конфликт, и они уже давно есть часть и одна из фронтовых линий конфликта» (Тишков В.А., 2005). Конфликты, с которыми мы сталкиваемся чаще всего, имеют этноконфессиональный характер. Именно поэтому одной из важнейших задач журналистики является освещение проблем этничности и мультикультурализма с позиции толерантности.

Средства массовой информации способствуют формированию толерантных или интолерантных представлений и установок людей, в том числе и в сфере межэтнического взаимодействия. В Резолюции № 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года сказано, что «средства коммуникации способны играть конструктивную роль в деле содействия свободному и открытому диалогу, обсуждения и распространения ценностей толерантности, разъяснения опасности проявления безразличия по отношению к набирающим силу группам и идеологиям, проповедующим нетерпимость».

От толерантной или конфликтной направленности СМИ, от гражданской позиции и ответственности журналистов в большей мере зависит – будет ли в стране, регионе межнациональный мир или будет разжигаться межнациональная рознь и усиливаться напряженность, ведущие к межнациональному противостоянию и экстремизму. В идеале демократические СМИ в гражданском обществе должны стремиться к тому, чтобы толерантность стала обыденной нормой общественного сознания и поведения людей. Они должны стать, выражаясь словами психологов, одним из «агентов толерантности» в обществе.

Однако практика показывает, что возникают ситуации, когда этническая информация, передаваемая через СМИ в сознание людей, может быть интолерантной. Опасность заключается в том, что в СМИ простые этнографические факты и особенности в жизни людей нередко используются в политических целях. И это, в свою очередь, может привести к формированию нетерпимости в полиэтничной среде, к нарушениям прав человека, насилию и конфликтам. Поэтому задачей любого общества является сниже-

ние социально-психологической напряженности путем формирования толерантного поведения ее членов (Малькова В.К., 2003).

В 1990-е годы наша страна претерпела ряд этнических конфликтов. На это же время приходится всплеск интолерантных публикаций в российской прессе и прессе бывших союзных республик. Речевая агрессия была столь велика, что для определения толерантности/интолерантности конкретного средства массовой информации эффективно стали применять подход, когда в журналистских публикациях выявляется так называемый язык вражды (hate speech).

Язык вражды оказался настолько разнообразным, что в нем можно выделить даже определенные виды:

- призывы к насилию (в связи с конкретной ситуацией, с указанием объекта насилия; провозглашение насилия как допустимого средства; призывы типа «Бей таких-то!»);

- призывы к дискриминации, в том числе в виде общих лозунгов;

- завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда «позитивных», исторических или современных, примеров насилия или дискриминации; выражения типа «хорошо бы сделать с теми-то то-то и то-то», «давно пора ...» и т.п.);

- создание негативного образа этнической или религиозной группы (сопряжено не с конкретными обвинениями, а скорее передано тоном текста или фрагмента текста);

- оправдание исторических случаев насилия и дискриминации (выражения типа «турки резали армян в 1915 году в порядке самообороны»);

- публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации (например, масштабы Холокоста или утверждение, что «чеченцев выслали за то, что они перешли на сторону Гитлера»);

- утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой (идеи типа «азербайджанцы только на рынке работают», «казахи туповаты»);

- утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой (типа «мусульмане всегда распространяли свою веру огнем и мечом», «поляки всегда злоумышляли против русских»);

- утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы (например, «цыгане – воры»);
- утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы («евреи корыстолюбивы», «цыгане – обманщики» – отличать от утверждения культурной или интеллектуальной неполноценности);
- рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;
- обвинения в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности», «инородцы превращают Москву в нерусский город», «мормоны подрывают нашу православную идентичность»);
- упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике или просто при упоминании этнонима);
- призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т. д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, протесты против строительства мечети в «православном городе»);
- цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария, определяющего размежевание между позицией интервьюируемого и позицией журналиста; аналогично – предоставление места в газете для явной националистической пропаганды без редакционного комментария или иной полемики;
- обвинение этнической группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии (в буквальном смысле, в отличие от призывов не допустить закрепления в регионе);
- отрицание гражданства (то есть упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации).

Выше перечисленные виды языка можно условно разделить по степени жесткости (можно даже сказать, общественной опасности) на обобщенные уровни.

Жесткий: призывы к насилию; призывы к дискриминации; завуалированные призывы к насилию и дискриминации; призывы не допустить закрепления в регионе.

Средний: оправдание исторических случаев насилия и дискриминации; публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой; утверждения о криминальности; рассуждения о непропорциональном превосходстве группы; обвинение в негативном влиянии на общество, государство; обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии; отрицание гражданства.

Мягкий: создание негативного образа этнической или религиозной группы; утверждения о неполноценности; утверждения о моральных недостатках; упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте; цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария.

С 2001 года Информационно-аналитический центр «Сова» совместно с МХГ (Московская Хельсинская Группа) и Центром развития демократии и прав человека ведет специальный мониторинг и публикует его результаты у себя на сайте. Надо сказать, что данный подход оказался весьма эффективным инструментом воздействия на федеральные и региональные СМИ для снижения враждебности публичного дискурса.

В таблице представлена динамика видов языка вражды по годам¹ за период с 2001 года по 2007 год (в %).

Вид	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Жесткий	10	11,61 ²	11,31	12,63	10,71	18,72	7,69
Средний	40	22,19	19,21	20,53	17,86	32,95	20,42
Мягкий	49	66,2	69,48	66,84	71,43	48,33	71,88

Данный мониторинг проводился в пяти регионах России, в том числе и в Краснодарском крае, который в 1990-х и в начале 2000-х был одним из лидеров по языку вражды в СМИ.

Если учесть многонациональный состав жителей и приграничное положение региона, журналистская речевая неосторожность иногда становилась общественно опасной, так как косвенно

¹ За 100 % принимается общее количество неосуждаемых негативных высказываний.

² В первый месяц после «Норд-Оста» этот показатель составил 9,93 %.

провоцировала межэтнические столкновения. Так это было осенью 2002 года с газетой «Кубанские новости», когда в описании конфликта, который имел бытовую природу, была использована ксенофобская риторика, а вскоре произошло крупное столкновение между представителями упомянутых журналистом национальностей, и оно уже действительно имело характер межэтнического конфликта.

Разумеется, проблема не только в единичной газетной публикации, но существует корреляция между наличием конфликтных материалов в прессе и реальными конфликтами, происходящими после резких публикаций.

В 2007 году в кубанских СМИ, по данным Г. Кожевниковой, во-первых, значительно сократилось, по сравнению с другими регионами, количество объектов языка вражды, а во-вторых, они потеряли свою конкретность. Четверка лидеров выглядит следующим образом: «общая этническая ксенофобия», «цыгане» (единственные из прежнего списка), «евреи» – по 5 упоминаний, и «мигранты» – 4 упоминания. Неосуждаемая антисемитская риторика – это исключительно анекдоты. Таким образом, фактически единственным устойчивым конкретным объектом неприязни остались «цыгане». Вероятно, здесь играет свою роль еще и то, что Краснодарский край уже вошел в роль будущего хозяина Олимпиады и создает образ гостеприимного региона, который рад всем. В отличие от федеральной прессы, мы совершенно не видим языка вражды в отношении «западных европейцев». И это, скорее всего, также «олимпийское» влияние (Кожевникова Г., 2008).

В целом динамика снижения языка вражды в публикациях впечатляет. Оказывается, иногда СМИ достаточно зеркала для того, чтобы сменить враждебную гримасу на дружественную улыбку. Правда, инициаторы мониторинга высказывают опасение, что журналисты и редакции, для которых язык вражды является нормой информационной политики, лишь становятся изощреннее в демонстрации своих ксенофобных взглядов, маскируя их так, что методология данного мониторинга не может их обнаружить.

В Институте этнологии и антропологии РАН под руководством В.К. Мальковой была разработана своя методика анализа журналистских публикаций (Диагностика толерантности... 2002.). Сегодня в журналистском профессиональном сообществе наиболее популярным является данное именно В.К. Мальковой определение

толерантности как этнической и расовой терпимости, осознания людьми того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит и взгляды на этот мир и на разные культуры могут быть различными (Малькова В. К., Тишков В. А., 2002. С. 33).

Механизмы передачи толерантной и конфликтной этничности в массовое сознание через прессу проходит в следующих формах:

- сообщение фактов (как правило, специально отобранных) о жизни этносов, их культуре, экономике, политике;
- создание и распространение этнических образов и стереотипов как позитивных, так и негативных;
- конструирование этнических идей, иногда подчеркивающих пользу или вред «нам» со стороны «других»;
- толерантная или конфликтная мифология о прошлом, настоящем и будущем «нас» и «их», о «наших» и «их» интересах и их защите;
- толерантная или конфликтная лексика, содержащаяся в этнической информации, в том числе, в заголовках публикаций, которые даются в газетах;

– изобразительные средства – рисунки, фотографии, карикатуры с этнической тематикой (Российская пресса... 2002. С. 158–159).

Журналист, пишущий на этнические темы, должен быть максимально осторожным. Казалось бы, позитивный материал рассказывает о том, откуда произошел народ, как он оказался в данном регионе. Но здесь, во-первых, журналист, не будучи специалистом по проблемам этногенеза, не застрахован от использования недостоверных источников, а во-вторых, в материалах такого рода могут быть затронуты проблемы возрождения титульных этносов. И мы плавно перейдем в иную область – межэтнических отношений в регионах, что является одной из самых болезненных тем. К ним примыкает тема миграции, в том числе – трудовой. До сих пор акцент в российской прессе сделан на этнической демографии, и миграция воспринимается как угроза титульному этносу. В то же самое время почти не освещается проблема нехватки трудовых ресурсов, а в таком случае миграция становится благом, но публикации на эту тему единичны.

Еще одна скользкая для журналистики тема – это проблемы этнического криминала. Невозможно отрицать его отсутствие, но необходимо строить материал так, чтобы не создавать или не закреплять уже существующий негативный этнический стереотип. В частности, в международной практике повсеместно существует

требование не упоминать без необходимости ни национальность, ни вероисповедание преступника. Например, «при публикации материалов о преступлениях принадлежность подозреваемого или преступника к какому-либо религиозному, этническому или другому меньшинству упоминается лишь в том случае, если есть основания считать, что это содействует лучшему пониманию описываемых обстоятельств дела. Особенно следует помнить о том, что упоминание такого рода принадлежности может вызвать волну предубеждений в отношении этих групп, нуждающихся в защите» (Германский совет по делам печати, 1996. С. 33–34).

Зона повышенного риска сегодня – это этноконфессиональная проблематика. Чаще всего именно здесь даже самые благие намерения могут привести к конфликту. Когда в 2006 году ряд журналистов в кубанских СМИ высказались против установления поклонных крестов в ряде населенных пунктов, они сделали это в следующей форме: «Загородились крестами от Адыгеи...», «Понаставили крестов-оберегов...» и т. п. Даже в 2009 году правоохранительные органы Кубани и Адыгеи возбуждали уголовные дела по фактам вандализма именно по отношению к поклонным крестам.

Таким образом, мы видим определенные сложности в понимании профессиональным журналистским сообществом границ толерантности.

Попробуем все-таки найти тот минимум, на котором сходятся современные исследователи – и этнологи, и социологи, и журналисты. Признаки толерантности в журналистских материалах проявляются через наличие бесконфликтной трактовки иных видов этнических культур; наличие рациональной и продуктивной идеи межэтнической интеграции; наличие так называемой «рефлексии содержания» – способности авторов находить согласительные точки с текстами оппонентов, то есть умение вести диалог.

Если отвлечься от содержания, то и здесь можно выявить определенные характеристики толерантных/интолерантных материалов. П. Н. Киричек и П. Ф. Потапов выделяют следующие особенности толерантных этнических публикаций: жанровая определенность (оформляются в виде статей, корреспонденций, интервью), семантическая точность (выражают научно апробированные идеи), лексическая выдержанность (используют высокий и нейтральный слог, применяют литературный словарь), стилистическая грамотность (наличествует четкая композиция, логично-рациональная аргументация, достоверная фактура). Напротив,

интолерантные этнические публикации, как правило, жанрово неопределенны (оформляются в виде гибридной «помеси» различных жанров), семантически неточны (выражают идеи бытового уровня), лексически не выдержаны (используют низкий слог, применяют разговорный словарь), стилистически неграмотны (наличествует сумбурная композиция, алогично-иррациональная аргументация, манипулятивная фактура) (Киричек П. Н., Потапов П. Ф., 2005. С. 88–89.).

Наконец, И. Н. Блохин предлагает подход к определению толерантности в журналистике, который состоит в рассмотрении в качестве ее критериев норм журналистской деятельности. К таким нормам относятся:

– Достоверность рассматриваемых фактов. Сомнения в истинности фактов позволяют отнести его к разряду гипотез, возможностей, предположений. При отсутствии доказательств истинности журналист может взять на себя задачу достижения истины. Представление домысла в качестве факта некорректно и является индикатором отсутствия толерантности.

– Рассмотрение фактов и анализ событий в контексте конкретной общественно-политической, социальной, морально-психологической обстановки. В данном случае журналист устанавливает причинно-следственные связи фактов и событий. Игнорирование контекста приводит к нарушению смысла сообщения и становится элементом манипулирования.

– Преодоление селективности в выборе фактов и событий из всей их совокупности. Ситуации, в которых журналист сообразно своим взглядам и целям (как вариант, взглядам и целям заказчика) рассматривает только те факты и события, которые его устраивают, пренебрегая остальными или даже утаивая их, также определяются как интолерантные (Блохин М.Н., 2008).

И отдельно нужно сказать о тех правовых нормах, которые регулируют российское информационное пространство. Во-первых, Конституция Российской Федерации в статье 29 говорит о том, что «не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, языкового или религиозного превосходства». Во-вторых, Закон «О средствах массовой информации» в статье 51 гласит: «Запрещается использовать право журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные катего-

рии граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями». Также существуют журналистские этические кодексы. Эта система саморегулирования также устанавливает ограничения на использование языка вражды в СМИ. И, наконец, каждому журналисту стоит иметь в виду рекомендации Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ по сдерживанию проявлений языка вражды:

1. Не переводить характер вооруженного противостояния в плоскость межнациональной вражды, не допускать формирования устойчивого негативного стереотипа в отношении целого этноса.

2. Не формировать целенаправленно чувства превосходства одного этноса над другими.

3. Не апеллировать во время предвыборной кампании к национальным предрассудкам.

4. Не привлекать заинтересованное лицо в качестве независимого комментатора.

5. В публикациях о преступлениях не акцентировать внимание на национальности преступников либо их жертв.

6. Не публиковать списки государственных или общественных деятелей, группируя их по принципу этнической однородности.

7. Обеспечить информационный паритет при освещении конфликтов.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие существуют проявления интолерантного поведения?

2. Как различаются ксенофобия и этнофобия?

3. Опишите основные формы профилактики ксенофобии в России.

4. Почему для современной журналистики проблема толерантности стала особенно актуальной?

5. Что такое язык вражды в современных СМИ, каковы его разновидности?

6. Каковы механизмы передачи толерантной и конфликтной этничности в массовое сознание через прессу?

7. С какими основными проблемами сталкивается журналист в освещении этнических тем?

8. Назовите признаки толерантности в журналистском тексте, как содержательные, так и формальные.

9. Каковы правовые механизмы противодействия языку вражды?

Список литературы

1. *Блохин И. Н.* Толерантность как принцип журналистской деятельности // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 3. Ч. 1.
2. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991
3. Германский совет по делам печати. Кодекс печати с директивами относительно редакционной деятельности // Совокупность правовых норм, касающихся печати. Райнбах, 1996.
4. Государственно-конфессиональные отношения в регионах России: опыт социального партнерства и профилактики религиозно-политического экстремизма: Материалы Всерос. науч.-практ. конференции 8–9 февраля 2008 г. М., 2008.
5. Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В. К. Мальковой. М., 2002.
6. *Дробижеева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
7. *Дударев М. И., Демьянюк И. Ю., Полторац Д. И.* Уроки истории в школе. Воспитание этнонациональной толерантности в школе. М., 2007.
8. *Залужный А. Г.* Взаимосвязь между экстремистскими проявлениями в политической и религиозной сферах / под ред. А. В. Пчелинцева и Т. В. Толмачевой. М., 2002.
9. Как защитить общество от языка вражды. М., 2005.
10. *Киричек П. Н., Потапов П. Ф.* Печать и этнос. Саранск, 2005.
11. *Кожеевникова Г.* Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени 2007 года. Май 2008. [Электронный ресурс] <http://www.ethnonet.ru>.
12. *Малькова В. К., Тишков В. А.* Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002.
13. *Малькова В. К.* Язык конфликтности или диалога СМИ // Межкультурный диалог. М., 2003.
14. Отчет по итогам социологического исследования по проблемам саморегулирования СМИ в Краснодарском крае Центра «Право и СМИ» факультета журналистики МГУ (2004–2005 гг.) [Электронный ресурс] <http://www.ethnonet.ru>
15. Правовые и этические аспекты журналистики. Ежегодник / под ред. А. Г. Рихтера. М., 2007.
16. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): Сб. материалов социолог. исследования / под ред. проф. Л. Я. Дятченко. Белгород., 2008.
17. *Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики: Учеб. пособие. М., 2001.

18. Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002.

19. *Севортьян А. Р., Шароградская А. А.* Освещение этнического многообразия: Пособие для факультетов журналистики. М, 2005.

20. Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова. М., 2000.

21. *Солдатова Г. У.* Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001. С. 90–100.

22. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

23. Социальное неравенства этнических групп. Представления и реальность / под ред. Л. М. Дробижевой. М., 2002.

24. *Тишков В. А.* СМИ и ксенофобия / [Электронный ресурс] <http://www.ethnonet.ru>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее учебно-методическое пособие является результатом коллективной работы ученых и практиков из разных областей знаний, которых объединил научный и прикладной интерес к вопросам толерантности и культуры межнационального общения.

Мультидисциплинарный подход, который был использован при написании пособия, дал возможность по-новому взглянуть на казалось бы очевидные вещи. А именно, что в сегодняшнем мире нет такой сферы деятельности, области научных знаний, житейских ситуаций, где не происходило бы или не изучалось межнациональное общение; где не требовалось бы от конкретного человека, группы людей или общества в целом толерантного отношения к другим людям, народам, религиям, культурам.

Философы, психологи, историки, социологи, праведы, журналисты, филологи, педагоги, политологи, этнологи, занимающиеся проблемами межнациональных отношений, реализуют не только свой научный интерес. Этой работой они выражают свое понимание важности мирного сосуществования народов, имеющих разную историю и культуру, но одну территорию для жизни всех и только одну свою жизнь.

Создание условий для сохранения и развития как каждой национальной культуры в отдельности, так и единого культурного пространства многонациональной страны стало важной задачей для многих государств, в том числе и для самой многонациональной страны мира – России. Этнокультурное многообразие нашей страны это не только особая ее ценность, но и фактор ее конкурентоспособности.

В настоящее время государство придает огромное значение и прикладывает большие усилия для конструктивного межкультурного и межрелигиозного диалога и сотрудничества как на внутринациональном, так и на международном уровнях.

Но никакая государственная программа, никакие самые грандиозные и амбициозные планы не будут реализованы, если в их осуществлении не будут участвовать люди, готовые к собственному совершенствованию, к познанию других, к проявлению уважения и толерантности во взаимодействии с людьми, проповедующими другую религию, воспитанными в другой национальной культуре.

Коллектив авторов

Список вопросов для зачета (экзамена)

1. Народы России: история, культуры, религии.
2. Истоки возникновения и развития национальной идентичности.
3. Гражданская идентичность: сущность, процесс становления.
4. Концепции формирования наций и развития межэтнических отношений в современном мире.
5. Российская нация как историческое и геокультурное явление.
6. Исторический опыт межнационального общения в России.
7. Потребность межнационального общения как осознанная необходимость.
8. Структура и формы межнационального общения.
9. Межнациональное общение в контексте глобализации.
10. Функции и роль языка в межнациональном общении.
11. Глобализация и межкультурный диалог.
12. Право как часть национальной культуры.
13. Обычное право и мораль в контексте национальной культуры.
14. Общецивилизационная и национальные правовые культуры: взаимосвязь и взаимовлияние.
15. Природа и сущность межнационального конфликта.
16. Пути преодоления конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях.
17. Межнациональные конфликты современности.
18. Толерантность: функции, ее роль в общественных отношениях.
19. Исторические факты проявления толерантности в межнациональных отношениях.
20. Межэтническая толерантность и глобализация.
21. Проблемы религиозной толерантности в современной России.
22. Принципы, уровни и трактовки религиозной толерантности.
23. Этнополитика и управление межэтническими отношениями: мировая и российская практика.
24. Этническая толерантность в политической культуре.
25. Политкорректность как культурно-поведенческая и языковая категория.

26. Гражданское общество и реализация принципов межнациональной толерантности.
27. Предпосылки и показатели толерантности /интолерантности в социально-трудовых отношениях.
28. Международные миграционные процессы и воспитание толерантности.
29. Особенности социологического понимания феномена межэтнической толерантности в свете теории социального действия.
30. Этноконтактная ситуация: смысловое содержание и структура.
31. Соотношение и взаимосвязь толерантности с другими свойствами социального действия.
32. Измерительные шкалы свойств толерантности в социологических исследованиях.
33. Психологическое содержание понятия «толерантность».
34. Осознание многообразия проявлений личности как основание толерантного поведения.
35. Психологические теории гуманистической ориентации, как основание для рассмотрения толерантной/интолерантной личности.
36. Характеристики толерантной личности.
37. Формы и методы профилактики и преодоления ксенофобии и этнофобии.
38. Национализм и патриотизм.
39. Способы измерения свойств толерантности.
40. Методы оценки сформированности культуры межнационального общения.

Темы курсовых (дипломных) работ

1. Народы и религии России: исторический опыт взаимодействия.
2. Национальная идентичность как основа межкультурного диалога.
3. Язык как основа национальной идентичности.
4. Толерантность в контексте этнокультурного разнообразия российского общества: история и современность.
5. Проблема межнационального общения в условиях глобализации.
6. Правовая культура в контексте межнациональных отношений в современной России.
7. Принципы взаимодействия национальных правовых культур в условиях глобализации.
8. Законодательная база РФ направленная на сохранение этнокультурного разнообразия России.
9. Этноконфликты в современном мире: возникновение, развитие, урегулирование (на примере конкретных ситуаций).
10. Социальные механизмы возникновения межнациональных конфликтов.
11. Этническая толерантность как фактор предупреждения межнациональных конфликтов.
12. Межэтнические конфликты как кризис моделей управления.
13. Роль национальных элит как лидеров общественного мнения в актуализации установок толерантного–интолерантного поведения.
14. Обыденные представления о межэтнической толерантности в Российском обществе. Направление изменений.
15. Религиозная нетерпимость в России: история и современное состояние.
16. Роль церкви и религиозных организаций в формировании и поддержании толерантности в российском обществе.
17. Опыт управления межэтническими отношениями в различных странах.
18. Политкорректность в языке современных российских СМИ.
19. Понятие и сущность этнической толерантности в политической сфере (анализ концепций).
20. Этнополитика в России, США, странах Европы (сравнительный анализ).

21. Миграция как фактор распространения принципов политкорректности.
22. Концепция национальной политики РФ: разработка, основные положения, пути развития.
23. Тема этнической толерантности в российских средствах массовой информации.
24. Технологии формирования установок толерантного сознания.
25. Проблемы межнационального общения в профессиональной деятельности: причины возникновения, способы разрешения.
26. Трудовая миграция: фактор развития межнациональных отношений или причина конфликтов?
27. Этническая толерантность в межличностных отношениях.
28. Методики формирования и воспитания этнической толерантности.
29. Ксенофобия, этнофобия, национализм – причины и методы преодоления.
30. Исследование уровня этнической толерантности в различных социальных группах.

ГЛОССАРИЙ

Автохтонное население – население, исторически возникшее в данной местности или на месте нахождения современного национального государства.

Адат – общее название правовых обычаев у народов Северного Кавказа.

Актор – деятель (личность или группа личностей), действующий, субъект действия. Активное начало в системе социального действия, его реальный носитель, обладающий способностью к постановке и достижению мотивированных определенными потребностями целей.

Аутентичный – термин, используемый в психологии для различения человеческих действий, которые оказываются истинными или ложными по отношению к самому себе. Неаутентичное поведение интерпретируется как оборонительное. Фактические чувства и мотивы поведения человека отличаются от тех, которые он сам ощущает, от аутентичных, его «неискренность» продиктована стремлением избежать столкновения с определенными аспектами ситуации или себя самого.

Гендер, гендерный – в психологии и сексологии понятие подразумевает любые психические или поведенческие свойства, ассоциирующиеся с маскулинностью и фемининностью и предположительно отличающие мужчин от женщин.

Генезис – происхождение, становление и развитие, результатом которого является определенное состояние изучаемого объекта.

Геттоизация – создание локальных замкнутых, изолированных сообществ; полная изоляция от окружающей культурной среды.

Глобализация – процесс формирования единого общемирового пространства, в котором страны и общества объединены экономическими, политическими информационными отношениями, связями, потоками. В процессе глобализации следует выделять как позитивные, так и негативные аспекты. К позитивным относятся: снятие препятствий для межстрановой мобильности, передачи информации, знаний, технологий. К негативным – приобретение криминалом и терроризмом транснационального характера, размывание национальных культур, деградация традиционных ценностей, усугубление межстранового неравенства.

Гуманизм – признание целостности человека как личности, его права на свободное развитие. Утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений, стремление утвердить в мире общество социальной справедливости, подлинной любви к людям и заботы об их благе, таких взаимоотношений между людьми, социальными группами, народами и странами, которые отвечают истинной природе человека.

Девиация социальная – отклонение в поведении, нарушающее социальные нормы, противоречащее принятым в данном обществе правовым, нравственным, социальным и другим нормам и рассматриваемое большей частью членов общества как предосудительное и недопустимое. Основными видами социальных девиаций являются: преступность, наркомания, проституция, алкоголизм и т.д.

Делинквентное поведение – антиобщественное противоправное поведение индивида или группы.

Депривация – в социологической и социально-психологической литературе используется для обозначения сокращения или лишения возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей.

Дискурс – совокупность типичных для определенного социального сообщества практик коммуникативного взаимодействия, имеющих фиксированные вербальные (текст, разговор) и невербальные выражения (жесты, эмоциональная тональность, недомолвки и умолчание).

Идентичность – тождественность человека самому себе, твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве и разнообразии отношений личности к окружающему миру.

Интенция – направленность сознания, мышления на какой-либо предмет; в основе такой направленности лежит желание, замысел.

Интолерантность – неготовность и неспособность индивида и общества принять необычность, проявить терпимость к другим мнениям и другому образу жизни.

Конфессия – особенность вероисповедания в пределах определенного религиозного учения, а также объединение верующих, придерживающихся этого вероисповедания.

Конфликт – борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, устраняют своих соперников или наносят им ущерб и т. д..

Конфликт политический – столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти и ее перераспределением, а также с изменением их политического статуса в обществе.

Конфликт этнический – любые формы гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или хотя бы одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий.

Конфликт этнополитический – определенный вид или определенный этап развития этнического конфликта, на котором он приобретает политическую организованность.

Космополитизм – идеология так называемого мирового гражданства. В философии стоицизма все люди являются гражданами единого мирового государства – Космополиса. В эпоху Возрождения и Просвещения идеал мирового гражданства был направлен против феодальной раздробленности (Данте, Т. Кампанелла), выражал идеи свободы индивида (Г. Лессинг, И.В. Гете, И.Ф. Шиллер, И. Кант, И.Г. Фихте). В современных условиях космополитизм выступает в виде различных социально-политических ориентаций – от взаимодействия и сближения народов и государств до нигилистического отношения к национальной культуре и традициям.

Ксенофобия – 1) Болезненный, навязчивый страх перед незнакомыми лицами. 2) Ненависть, нетерпимость к чему-то чужому, незнакомому, иностранному.

Культурогенез – возникновение культуры как таковой.

Личностный кризис – изменение привычного хода жизни в результате внешних и/или внутренних противоречий, которое сопровождается болезненными переживаниями, существенной перестройкой внутреннего мира и поведения личности; имеет разновидности – смысловой, профессиональный, возрастной, кризис идентичности, кризис занятости и т.д.

Миграция – в широком смысле любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности. В узком смысле совокупность передвижений людей относительно мест жительства и мест приложения труда.

Мультикультурализм (мультикультурность) – внутренняя политика характерная для ряда стран, направленная на предотвращение ассимиляции этнокультурных общностей, а также обосновывающая такую политику идеология.

Национализм – 1) Официальная идеология и политика государства. 2) Мировоззрение определенных классов, слоев, социальных групп и их политических и общественных организаций. 3) Особая, специфическая форма общественного явления, характеризующая состояние межнациональных отношений. 4) Идеология, система взглядов, основывающаяся на гиперболизации роли национальных (этнических) общностей в историческом процессе.

Национальность – 1) Принадлежность человека к определенной этнической общности людей, отличающейся особенностями языка, культуры, психологии, традиций, обычаев, образа жизни. Согласно ч. 1 ст. 26 Конституции РФ никто не может быть принужден к определению и указанию своей Н. 2) В ряде романских государств термин (исп. *nacionalidad*), применяемый для обозначения гражданства или подданства или принадлежности лица к определенному национальному государству, не совпадающих полностью по своему содержанию с отношениями гражданства (так, в Мексике гражданами признаются лица, обладающие мексиканской Н., достигшие совершеннолетнего возраста и «ведущие достойный образ жизни»).

Нациопатия – фобическое состояние, т.е. психологическое отклонение, развивающееся преимущественно на основе комплекса неполноценности.

Нация – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера. Складывается из различных племен и народностей. Ряд современных ученых связывают нацию с определенным народом и включает в число ее существенных принципов общность самосознания и социальной структуры; другие рассматривают нацию как общность принадлежности к определенному государству.

Общественное мнение – состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) к общественным событиям, к деятельности различных групп, организаций, отдельных личностей; выражает позицию одобрения или осуждения по тем или иным общественным проблемам, регулирует поведение

индивидов, социальных групп и институтов, насаждает определенные нормы общественных отношений; действует как в рамках общества в целом, так и в рамках различных социальных групп.

Отклоняющаяся социализация – тип социализации, при котором затруднено включение личности в сложившуюся систему общественных отношений, возникают конфликты между нею и окружением, а в результате усваиваются недопустимые (недозволенные) в данном обществе нормы и правила поведения.

Патернализм – 1) Покровительство, опека старшего по отношению к младшим, подопечным. 2) В международных отношениях – опека крупных государств над более слабыми странами, колониями, подопечными территориями.

Политический экстремизм – 1) Публичные призывы к насильственному захвату, удержанию власти или к насильственному изменению конституционного строя государства (в том числе с использованием средств массовой информации). 2) Совершение действий, направленных на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а равно направленных на насильственное изменение конституционного строя государства. 3) Организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя, либо территориальной целостности государства. 4) Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из метис за такую деятельность.

Политкорректность – идеология и практика избегания в поведении и речи всего того, что могло бы быть оскорбительным для тех или иных категорий лиц по признаку *расы, пола, вероисповедания, сексуальной ориентации, возраста* и т. д.

Правовая семья – совокупность национальных правовых систем, выделенная на основе общности их различных признаков и черт.

Правовая система – позитивное право, рассматриваемое в единстве с другими активными элементами правовой системы. Правовая система имеет существенное значение для характеристики права той или иной конкретной страны.

Правовой обычай – социальная норма (правило поведения, предписание, социальный императив, авторитарное влияние

группы или групп, в рамках которых действует тот или иной обычай), обязательность которой определена самим обществом, в последующем санкционирована его специальными органами (судебными или законодательными), действие, изменение и прекращение действия которого обусловлены конкретным нравственным, национально-культурным, социально-экономическим и историческим развитием данного общества.

Прозелитизм – новообращение в какую-либо веру; стремление обратить в свою веру, внушить свои убеждения.

Расизм – антинаучные реакционные представления о «высших» и «низших» расах и народах, а также политика, направленная на отграничение прав рас и народов, объявляемых «низшими» и «неполноценными». Его можно определить и как совокупность концепций, основу которых составляют положения о физической и психической неравноценности человеческих рас и решающем влиянии расовых различий на историю и культуру общества, об исконном разделении людей на высшие и низшие расы. При этом первые признаются единственными создателями цивилизации, призванными к господству, вторые – неспособными к созданию и даже усвоению высокой культуры и обреченными на эксплуатацию.

Религиозный фундаментализм – общественные идеологические религиозные движения, провозглашающие приверженность исходным идеям, принципам, ценностям определенных учений, доктрин, выдвигающие требования преодоления появившихся в ходе их развития извращений, уклонов, ересей и восстановления первоначальной чистоты, «возвращения к истокам». Фундаментализм близок к различного типа ортодоксии. Он возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противостоит, в том числе насильственными средствами, процессу перемен, обновлению.

Репрезентативность – определяет, насколько возможно обобщать результаты исследования с привлечением определённой выборки на всю генеральную совокупность, из которой она была собрана. Также, репрезентативность можно определить, как свойство выборочной совокупности представлять параметры генеральной совокупности, значимые с точки зрения задач исследования.

Ресентимент – единство переживания и действия, которое, соответственно подразумевает: 1) Интенсивное переживание и

последующее воспроизведение определенной эмоциональной ответной реакции на другого человека, благодаря которой сама эмоция погружается в центр личности, удаляясь тем самым из зоны выражения и действия личности. 2) Употребление данного слова предполагает, что качество этой эмоции носит негативный характер, т.е. заключает в себе некий посыл враждебности, но «не заключая в себе никаких враждебных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода».

Реформация – движение в Европе против папской католической церкви.

Римский клуб – неправительственная международная организация, возникшая в 1968 г., выступавшая в 60–70-е гг. XX в. с программой изучения глобальных проблем современного мира.

Самореализация – направление развития человека, которое на протяжении его жизни позволит ему максимально развить свои задатки и реализовать их на благо общества и на пользу себе. В центре внимания находится тема воспитания и развития гармоничной и компетентной личности, максимально реализующей свой потенциал в интересах личностного и общественного роста.

Светский (секулярный) гуманизм – одно из направлений современной философии гуманизма, мировоззрение, которое провозглашает человека, его право на счастье, развитие и проявление своих положительных способностей наивысшей ценностью.

Сецессия – крайняя форма этнических притязаний, связанных с государственно-территориальными аспектами, которая выражается в желании отделения этноса от территории некоего государства для создания собственного национального государства.

Со-бытие – бытие личности всегда есть со-бытие. Создавая реальность своего бытия, человек сталкивается с сопротивлением (или поддержкой) бытия других людей, воплощающих свои личностные смыслы, создающих своё личное бытие в пространстве тех же предметов и событий, в то же время, что и он. Со-бытийность предполагает: а) создание единого образа мира и, возможно, создание единой предметно-пространственной и иной реальности; б) обретение единства или сходства в моделях поведения (в сложившихся способах опредмечивания-распредмечивания реальности); в) достижение телесной или организмической синтонности («созвучия»), сходство потребностных состояний (посредством вовлечения другого человека в сопереживание и пр.).

Социальная диагностика – процесс определения и сущностной характеристики социальных явлений и процессов, который выступает как необходимая первая ступень для последующего анализа этих процессов и явлений. По мнению ряда авторов, проведение социальной диагностики является основным условием преодоления кризисных стояний в развитии того или иного социального процесса и эффективным методом борьбы против застойности и консерватизма в обществе в целом.

Социальная эксклюзия – нахождение «внизу» и «вне» общества, возникающее в результате длительного ограничения доступа к получению важных социальных ресурсов (образования, занятости, жилищных, финансовых и др. ресурсов); тесно связана с явлениями дискриминации и депривации, характеризует процесс деградации домохозяйств и формирование застойной бедности.

Социально-перцептивный, перцепция социальная – восприятие, оценка и понимание социальными субъектами (отдельными личностями, группами разного типа) социальных объектов (самих себя, других личностей, групп разного типа, социальных явлений и т. д.).

Социетальный – относящийся к обществу, рассматриваемому как единое целое.

Статус этнический – элемент системы социального статуса личности, группы, определяющий их место в иерархии межэтнических отношений.

Стигматизация – приписывание в общественном сознании членам той или иной социальной группы негативных, дискредитирующих характеристик в силу занимаемого социального статуса или других характеристик (анатомических, психологических и т.д.).

Субкультура – в социологии и культурологии – часть общественной культуры, отличающаяся от преобладающей. В более узком смысле термин означает социальные группы людей – носителей субкультуры.

Сублимация – переключение энергии с социально неприемлемых (низших, низменных) целей и объектов на социально приемлемые (высшие, возвышенные).

Субъектный подход – рассмотрение чего-либо со стороны субъекта.

Схизма – раскол в Церкви или иной религиозной организации.

Терпимость – 1) Моральное качество личности, характеризующее особую систему отношений к миру вещей, идей, к интересам, убеждениям, верованиям и привычкам в поведении других людей. Т. выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнообразных точек зрения без применения крайних мер давления, преимущественно методами разъяснения и воспитания. 2) Способность принимать мнение другого (других) и самого этого другого (их) как данность, как объективно существующую реальность, не раздражаясь, не испытывая при этом чувства унижения, обиды превосходства.

Терроризм – достижение социально-политических целей насильственными действиями. Т. – социально-политическое явление, аккумулирующее в себе социальные противоречия, достигшие уровня конфликта и являющиеся крайней формой их проявления.

Унитаризм – одна из двух форм территориальной организации государства. Государство считается унитарным (слитным, простым), если большинство его частей не имеют статуса государственного образования. В составе унитарного государства могут находиться отдельные автономные образования, в т.ч. имеющие многие атрибуты собственной государственности (напр., наличие в составе унитарной Украины Республики Крым). Как правило, в нем есть только одна Конституция, одно гражданство, одна система высших органов власти. Существуют две разновидности унитарных государств: децентрализованные и централизованные. К числу первых относятся такие государства, в которых региональные органы формируются независимо от центральных (Великобритания, Новая Зеландия, Япония, Испания, Италия). Ко второму типу относятся государства, в которых региональные органы возглавляются должностными лицами, назначенными из центра (Нидерланды, Казахстан, Узбекистан).

Федерализм – 1) Одна из двух форм территориальной организации государства, предполагающая его сложный, союзный характер. 2) С 1992 г. – одна из основ конституционного строя РФ, основополагающий принцип государственно-территориального устройства РФ, за счет которого обеспечиваются единство страны, децентрализация власти на основе разграничения предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами, а также равноправие и самоопределение народов в составе Федерации. 3) Политическое движение за федеративное устройство.

Шмельдерса «Дистанцированная гипотеза» – предположение, согласно которому образы предпринимателей («на расстоянии» и «вблизи») отличаются; образ «вблизи» сложнее и позитивнее, чем образ «на расстоянии».

Шовинизм – расы, пола, вероисповедания, сексуальной ориентации, возраста.

Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике).

Этническая культура – совокупность культурных элементов и структур, обладающих этнической спецификой и выполняющих этнодифференцирующую функцию.

Этническая самоидентификация – осознанное отождествление субъектом самого себя с определенной этнической общностью, осознание своей этнической к ней принадлежности по ряду характерных признаков.

Этническое самосознание – устойчивое соотнесение человеком себя или «своих» к определенному этносу, осознанная самоидентификация со своей этнической общностью.

Этничность – совокупность характерных, социокультурных свойств и черт, отличающих одну этническую группу от другой.

Этнос – исторически сложившаяся общность людей с культурой, языком и самосознанием. Термин близок к понятию «народ» в этнографическом смысле.

Этнофобия (или этнофобии) – страхи, направленные как против конкретных этнических общностей, так и против некоего слабо дифференцированного в массовом сознании конгломерата «чужих» народов («кавказцев», «южан», «инородцев»).

Этноцентризм – свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать все явления окружающего мира сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающих в качестве универсального эталона.

Этос – термин античной философии, обозначающий характер какого-либо лица или явления. Этос музыки, например, – ее внутренний строй и характер воздействия на человека. Этос, как устойчивый нравственный характер, часто противопоставлялся пафосу как душевному переживанию.

Сведения об авторах

Акулова Анна Александровна – кандидат философских наук

Буянов Николай Николаевич – кандидат исторических наук

Вартаньян Эгнара Гайковна – доктор исторических наук,
профессор

Демин Андрей Николаевич – доктор психологических наук,
профессор

Донцова Мария Владимировна – кандидат социологических наук,
доцент

Жихарев Сергей Геннадьевич – генеральный директор
ООО «Рубикон»

Журавлева Елена Алексеевна – кандидат психологических наук,
доцент

Кольба Алексей Иванович – кандидат политических наук, доцент

Маркова-Мурашова Светлана Александровна – доктор юриди-
ческих наук, доцент

Милиц Светлана Самуиловна – доктор исторических наук,
профессор

Михайленко Нафисет Мурадиновна – кандидат юридических
наук

Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук,
профессор

Петров Владимир Николаевич – доктор социологических наук,
профессор

Прокофьев Сергей Яковлевич – доктор философских наук,
профессор

Рябкина Зинаида Ивановна – доктор психологических наук,
профессор

Танасов Георгий Георгиевич – кандидат психологических наук

Шалин Виктор Викторович – доктор философских наук,
профессор

Шахбазян Марина Анатольевна – кандидат филологических
наук, доцент

Источники иллюстраций

Обложка

«Народы, обитающие в России». Худ. Е.М. Корнеев 1812 г.

Цветная вкладка «Культура межнационального общения»

Нечетная сторона:

«Пикет уральских казаков». Раскрашенная гравюра К. Вагнера по рис. 1812 г.

Е.М. Корнеева

«Белорусы». Рисунок конца XIX – начала XX в.

«Немецкие колонисты в окрестностях Петербурга». Худ. А. Держановский

«Девушка в головном уборе ак калфак. Д. Альведино Лаишевского уезда. Худ.

А.А. Мазанов.

«Великороссы (русские) из разных губерний. Худ. К.Ф. Гун. Хромофотография. 1862 г.

«Малороссы (украинцы). Худ. К.Ф. Гунн. 1862 г.

«Туркмен с Северного Кавказа». Худ. М. Тильке. 1910 г.

Народы коми: зыряне и вотяки. Лист из альбома «Описание этнографии народов России». Худ. К.Ф. Гун. 1862 г.

Четная сторона:

Хромофотографические карты из так называемого «пасьянса» под названием «Географические карты России» из 80 карт. 1857 г.

Отрывок из этнографической карты Сибири и Туркестана. Учебный атлас всеобщей географии. 1872 – 1874 гг.

Цветная вкладка «Толерантность»

Нечетная сторона:

Езид. Альбом Генри Филда, фото Ричарда А. Мартина.

Девочки-татарки. Фото.

Азербайджанка в национальном костюме. Фото.

Калмыцкие буддийские монахи. XIX в.

Нанаец. Фото.

Ульская девушка в традиционном костюме. Фото.

Саамская семья. Фото. 1900 г.

Эстонки-сету в национальных костюмах. Фото.

Четная сторона:

Старообрядцы в праздничных платках. Фото.

Вербное воскресенье в католическом приходе. Москва, 2005 г. Фото.

Православные. Освящение воды. Фото.

Католическое крещение. Москва, 2006 г. Фото.

Лама Бурятии. Эмчи-лама Гэлэг-Балбар. Фото.

В синагоге. Фото.

Учебное издание

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ И КУЛЬТУРА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ**

**Учебно-методическое пособие
(для студентов высших учебных заведений)**

Подписано в печать 05.11.2009. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага Maestro. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,03. Тираж 1000 экз. Заказ № 9312.

Издательство ООО «Просвещение-Юг»
350059 г. Краснодар, ул. Селезнева, 2. Тел/факс: 239-68-31.

Тираж изготовлен в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350059 г. Краснодар, ул. Селезнева, 2. Тел/факс: 239-68-31.